

ЖИВЫЕ ГОЛОСА ОЧЕВИДЦЕВ

Застигнутые революцией

ХЕЛЕН РАППАПОРТ

От автора бестселлера
«Дневники княжон Романовых»

Хелен Раппапорт

**Застигнутые революцией.
Живые голоса очевидцев**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Раппапорт Х.

Застигнутые революцией. Живые голоса очевидцев /
Х. Раппапорт — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-96926-5

Новая книга от автора бестселлера «Дневники княжон Романовых» Хелен Раппапорт, основанная на редчайших, забытых или считавшихся утерянными архивных материалах, переносит читателя в Петроград 1917 года, переживающий самые драматические моменты своей истории. Мастерски воссоздавая дух эпохи, автор показывает те события глазами их участников (часто — невольных) и очевидцев, давая возможность в полном смысле пережить их заново. В ходе повествования читатель из роскошных дворцовых залов и с посольских приемов попадет на питерские улицы и площади, из театров и ресторанов — в мрачные подворотни и дворы. Его спутниками будут аристократы и дипломаты, журналисты и военные, горничные и медсестры, рабочие и клерки, революционные матросы и иностранные офицеры. Их повседневная жизнь, их заботы и праздники, их мысли и чувства стали основным содержанием книги, а политические потрясения послужили лишь драматичным фоном для них, что делает работу Раппапорт поистине ценной и уникальной. Каждый из героев книги видел свой кусочек революции, каждый по-своему оценивал события. Сведя все эти драгоценные свидетельства в единую картину, Хелен Раппапорт сумела создать лучший репортаж из прошлого, который только можно придумать.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-96926-5

© Раппапорт Х., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Список очевидцев событий	7
От автора	14
Пролог	15
Часть I	29
Глава 1	29
Глава 2	41
Глава 3	50
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69
Комментарии	

Хелен Раппапорт
Застигнутые революцией.
Живые голоса очевидцев

Посвящается Кэролайн Мишель

Список очевидцев событий

Анэ, Клод (псевдоним Жана Шопфера) (1868–1931) – французский чемпион по теннису швейцарского происхождения, коллекционер антиквариата, журналист и писатель, публиковавшийся в издании «Ле пти паризьен» (“Le Petit Parisien”).

Арбенина, Стелла (баронесса Мейендорф, урожденная Уишоу) (1885–1976) – британская актриса. Родилась в Санкт-Петербурге в семье с англо-русскими корнями; вышла замуж за русского аристократа барона Мейендорфа. После революции была арестована; после освобождения из тюрьмы в 1918 году поселилась в Эстонии.

Армор, Норман (1887–1982) – кадровый американский дипломат; второй секретарь посольства США в Петрограде в 1916–1918 годах. Вскоре после отъезда из России вновь вернулся туда, чтобы спасти оказавшуюся в бедственном положении княгиню Марию Кудашеву, на которой в 1919 году женился. Впоследствии находился на дипломатической работе во Франции, на Гаити, в Канаде, Чили, Аргентине и Испании.

Асабаль, Лили Бутон де Фернандес – см. Графиня фон Ностиц.

Аудендейк, Виллем (впоследствии Уильям Аудендайк) (1874–1953) – выдающийся нидерландский дипломат, в период с 1874 по 1931 год находился на дипломатической службе в Китае, Персии и России. Посол Нидерландов в Петрограде в 1917–1918 годах. За усилия по оказанию помощи британским подданным, оказавшимся в России после революции, был награжден британским рыцарским орденом Святого Михаила и Святого Георгия (степенью Рыцаря-Командора).

Бери, Джордж (1865–1958) – канадский грузоперевозчик, вице-президент Канадской тихоокеанской железной дороги; во время Первой мировой войны находился в России для информирования британского правительства о российской железнодорожной системе. В 1917 году посвящен в рыцари.

Берлин, Исая (1909–1997) – британский ученый и историк российского происхождения; вырос в Риге и Санкт-Петербурге; его семья переехала в Великобританию в 1921 году.

Битти, Бесси (1886–1947) – американская журналистка, работавшая перед поездкой в Россию в Калифорнии в издании «Вестник Сан-Франциско» (“San Francisco Bulletin”). После революции продолжила журналистскую деятельность; в 1940-х годах, основавшись в Нью-Йорке, стала популярной радиоведущей.

Боуэрман, Элси (1889–1973) – английская суфражистка; санитарка в русском больничном отделении Шотландских женских госпиталей; стала первой женщиной-адвокатом в Центральном уголовном суде в Лондоне.

Брайант, Луиза (1885–1936) – американская журналистка и социалистка из Гринвич-Виллидж¹; прибыла в Петроград в 1917 году вместе со своим мужем *Джоном Ридом*; после смерти Джона Рида в 1920 году вновь вышла замуж и поселилась в Париже.

Брюс, Генри Джеймс (1880–1951) – глава британской «канцелярии»² в Петрограде; в 1915 году женился на русской приме-балерине Тамаре Карсавиной.

Сэр Бьюкенен, Джордж (1854–1924) – выдающийся британский дипломат, сын посла. Находился на дипломатической службе во многих странах, начиная со службы в Берлине в 1901 году; британский посол в России с 1910 года.

Леди Бьюкенен, Джорджина (1863–1922) – представительница влиятельной семьи Батерст, жена британского посла в Петрограде сэра Джорджа Бьюкенена и мать Мэриэл

¹ Гринвич-Виллидж – богемный район Нью-Йорка (прим. пер.).

² «Канцелярия» – группа сотрудников посольства Великобритании в какой-либо стране, занимающихся политическими вопросами (прим. пер.).

Бьюкенен; принимала активное участие в оказании гуманитарной помощи в Петрограде во время Первой мировой войны, руководила госпиталем британской колонии.

Бьюкенен, Мэриэл (1886–1959) – дочь британского посла в Петрограде сэра *Джорджа Бьюкенена*; работала сестрой милосердия в госпитале британской колонии в Петрограде, которым во время Первой мировой войны руководила ее мать *леди Джорджина Бьюкенен*. После отъезда из России написала множество книг и статей о периоде своего пребывания в России.

Вудхаус, Артур (1867–1961) – английский дипломат; британский консул в Петрограде в 1907–1918 годах.

Вудхаус, Элла (1896–1969) – дочь британского консула в Петрограде *Артура Вудхауса*.

Гарстин, Денис (1890–1918) – капитан разведывательной службы британской армии, прикомандированный в качестве офицера разведки к британскому отделу по пропаганде в Петрограде; убит во время интервенции союзников в Архангельске.

Гибсон, Уильям Дж. (даты жизни неизвестны) – родился в Канаде, вырос в Санкт-Петербурге, в 1914 году служил в русской армии; в 1917 году – корреспондент в Петрограде; покинул Россию в 1918 году.

Грант, Джулия – см. *Кантакузина-Сперанская, Юлия Федоровна*, княгиня.

Грант, Лилиас (1878–1975) – медсестра из шотландского города Инвернесс, работавшая по линии Шотландских женских госпиталей на Восточном фронте; находилась в Петрограде вместе со своей подругой санитаркой *Этель Мойр*.

(*Леди*) *Грей, Сибил* (1882–1966) – английская сестра милосердия, помогавшая *леди Мюриэл Пэдджет* руководить Англо-русским госпиталем в Петрограде; дочь бывшего генерал-губернатора Канады и двоюродная сестра министра иностранных дел Великобритании сэра Эдварда Грея.

Джадсон, Уильям Дж. (1865–1923) – офицер инженерных войск ВС США; военный атташе при посольстве США в Петрограде в период с июня 1917 года по январь 1918 года, отвечал за безопасность граждан США в России.

Джефферсон, Джефффри (1886–1961) – английский хирург в Англо-русском госпитале; после закрытия госпиталя был переведен в одно из подразделений медицинской службы сухопутных войск Великобритании на Западном фронте. В дальнейшем стал выдающимся нейрохирургом и членом Королевского хирургического колледжа Великобритании.

Джонс, Джеймс Стинтон (1884–1979) – инженер-механик южноафриканского происхождения; в 1905–1917 годах представитель компании «Вестингауз» в России, занимался электрификацией петроградских трамваев; осуществлял контроль за установкой генератора в Александровском дворце в Царском Селе.

Джордан, Фил(ип) (1868–1941) – чернокожий камердинер, повар и шофер из американского города Джефферсон-Сити (штат Миссури), находившийся на службе у *Дэвида Р. Фрэнсиса* и его семьи с 1889 года; в 1916 году сопровождал Дэвида Р. Фрэнсиса в его поездке в Россию.

Диринг, Фред (1879–1963) – американский дипломат, служивший в дипломатической миссии в Пекине в 1908–1909 годах; в России в 1916–1917 годах был свидетелем передачи послом Джорджем Ф. Мари обязанностей руководителя дипмиссии *Дэвиду Фрэнсису*.

Дорр, Рета Чайльд (1868–1948) – американская журналистка, феминистка и политический активист; подруга *Эмелин Панкхерст*. Прибыла в Петроград в качестве корреспондента издания «Нью-Йорк ивнинг мэйл» (“New York Evening Mail”), одной из первых среди американских журналистов опубликовала статьи, освещавшие июльский кризис 1917 года в России. После возвращения в США попала в автомобильную катастрофу, которая серьезно отразилась на ее дальнейшей профессиональной деятельности.

Дош-Флеро, Арно (1879–1951) – американский журналист; после 1917 года остался в Европе в качестве иностранного корреспондента и стал специальным корреспондентом «Международной службы новостей» в Берлине. За откровенную критику нацизма был арестован и интернирован; в 1941 году поселился в Испании.

Кантакузина-Сперанская, Юлия Федоровна, княгиня (1876–1975) – урожденная Джулия Дент Грант, американская светская львица, внучка президента США Улисса Гранта. После революции в России бежала в США, возглавляла общину русских белоэмигрантов в Вашингтоне; в 1934 году развелась со своим русским мужем.

Кенни, Джесси (1887–1985) – работница текстильной фабрики, уроженка графства Йоркшир; присоединилась к движению суфражисток; активно сотрудничала с *Эммелин Панкхерст* в Женском социально-политическом союзе. После 1920 года отказалась от политической деятельности; в последующем пыталась построить писательскую карьеру, но так и не смогла что-либо опубликовать.

Клэр, (преподобный) Джозеф (1885—?) – английский священник конгрегационалистской церкви, бакалавр богословия; пастор Американской церкви в Петрограде с 1913 года. После отъезда из России поселился в США, в штате Иллинойс, и принял американское гражданство.

Коттон, Дороти (1886–1977) – прошедшая подготовку в Монреале медсестра канадских экспедиционных сил, работавшая в Англо-русском госпитале с ноября 1915 года по июнь 1916 года и с января по август 1917 года.

Кросли, Полин (1867–1955) – супруга военно-морского атташе США капитана 1-го ранга Вальтера Селвина Кросли; в Петрограде находилась в период с марта 1917 года по март 1918 года; супруги Кросли смогли с большим трудом вырваться из России во время гражданской войны в стране.

Линдли, Фрэнсис (1872–1950) – советник британского посольства в России в 1915–1917 годах; британский генеральный консул в Петрограде в 1919 году; впоследствии служил британским послом в Японии (1931–1934 гг.).

Локхарт, Роберт Брюс (1887–1970) – британский дипломат и разведчик, вице-консул в Москве в период с 1914 по 1917 год, при этом совершал частые поездки в Петроград. После Февральской революции в России исполнял обязанности британского генерального консула; покинул Россию до Октябрьской революции 1917 года.

Ломбард, Босфилд Сван, преподобный (1866–1951) – английский священник, прикомандированный с 1908 года к британскому посольству и англиканской церкви в Петрограде, весьма уважаемая личность в британской колонии. Был арестован и интернирован большевиками в 1918 году.

Лонг, Роберт Крозье (1872–1938) – англо-ирландский журналист и писатель; петроградский корреспондент издания «Ассошиэтед Пресс» (“Associated Press”). С 1923 года и до момента своей смерти был корреспондентом издания «Нью-Йорк таймс» (“New York Times”) в Берлине.

Лэмписон, Оливер Локер (1880–1954) – депутат британского парламента; в 1914 году назначен командиром Королевского военно-морского дивизиона бронированных автомобилей, который был направлен на Восточный фронт для оказания содействия русской армии; вернувшись после войны в Великобританию, продолжал исполнять обязанности депутата парламента.

Маркоссон, Исаак (1876–1961) – американский журналист и писатель из штата Кентукки; писал из Петрограда для издания «Сатердей ивнинг пост» (“Saturday Evening Post”).

Мойр, Этель (1884–1973) – санитарка, работавшая по линии Шотландских женских госпиталей на Восточном фронте; в Петрограде тесно общалась с медсестрой *Лилиас Грант*.

Моэм, Сомерсет (1874–1965) – британский писатель и новеллист; некоторое время в ходе Первой мировой войны сотрудничал с секретной службой Великобритании. Этот опыт лег в основу его сборника рассказов «Эшенден, или Британский агент», опубликованного в 1928 году.

Нери, Амели де (даты жизни неизвестны) – французская журналистка и эссеист, активно публиковалась в 1900–1920-х годах, писала под псевдонимом «Мэрили Маркович».

Нодо, Людовик (1872–1949) – французский военный корреспондент издания «Тан» («Le Temps»); был арестован большевиками в 1918 году и пять месяцев провел в тюрьме в Москве.

Сэр Нокс, Альфред, генерал-майор (1870–1964) – офицер британской армии; британский военный атташе в Петрограде с 1911 года, наблюдатель на Восточном фронте; в 1924 году был избран депутатом британского парламента от Консервативной партии.

Графиня фон Ностиц (Лили Бутон де Фернандес-Асабаль) (1875–1967) – франко-американская авантюристка и светская львица из американского штата Айова; вначале являлась актрисой театральной труппы в Нью-Йорке и выступала под именем Мадлен Бутон. После революции переехала в Биарриц; после смерти графа фон Ностица в 1926 году в третий раз вышла замуж и поселилась в Испании.

Нуланс, Жозеф (1864–1944) – министр французского правительства, назначенный послом Франции в России для замены посла *Мориса Палеолога*. Находился в Петрограде с июля 1917 года. Вернувшись во Францию, продолжил антибольшевистскую деятельность в качестве руководителя «Общества французских интересов в России».

Пакс, Полетт (сценическое имя Полетт Менар) (1887–1942) – родившись в России, Полетт Пакс вернулась сюда в декабре 1916 года в качестве актрисы французской труппы Михайловского театра. Покинула Россию в сентябре 1918 года, в 1929 году стала содиректором театра «Théâtre de l’Oeuvre» в Париже.

Палеолог, Морис (1859–1944) – кадровый французский дипломат, современник сэра *Джорджа Бьюкенена*. Посол Франции в Петрограде в 1914–1917 годах; в 1928 году избран во Французскую академию.

Панкхерст, Эмелин (1858–1928) – лидер британского движения суфражисток, основатель Женского социально-политического союза (1903 год); всю жизнь вела активную политическую деятельность, боролась за права женщин.

Патуйе, Луиза (годы жизни неизвестны) – о жизни этой француженки, находившейся в Петрограде (Санкт-Петербурге) с 1912 года, ничего не известно, за исключением того, что она была замужем за доктором Жюлем Патуйе, директором Французского института в Петрограде; она оставила чрезвычайно ценный дневник, который сейчас хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США, штат Калифорния).

Пул, Эрнест (1880–1950) – американский писатель, был направлен в Петроград для освещения революционных событий для изданий «Нью рипаблик» («New Republic») и «Сатердей ивнинг пост» («Saturday Evening Post»). В 1918 году стал лауреатом Пулитцеровской премии.

Леди Пэдджет, Мюриэл (1876–1938) – британская общественная деятельница, филантроп; в 1905 году организовала столовую для бедных в Сазерке, бедном районе Лондона; во время Первой мировой войны занималась оказанием в России гуманитарной медицинской помощи. Совместно с *Сибил Грей* основала Англо-русский госпиталь в Петрограде.

Райт, Дж[ошуа] Батлер (1877–1939) – американский дипломат; в октябре 1916 года сменил *Фреда Диринга* на посту советника посольства США в Петрограде. Впоследствии

находился на дипломатической службе в качестве посла в Венгрии, Уругвае, Чехословакии и на Кубе.

Рид, Джон (1887–1920) – американский бунтарь, писатель и поэт, известный среди богемы Гринвич-Виллидж своей социальной агитацией и откровенно левыми взглядами. Прибыл в Петроград в сентябре 1917 года вместе со своей женой *Луизой Брайант*.

Рис Вильямс, Альберт (1883–1962) – проповедник конгрегационалистской церкви США, активист рабочего движения и пламенный коммунист. Близкий друг *Джона Рида*.

Робьен, Луи де (1888–1958) – французский граф, военный атташе при посольстве Франции в Петрограде с 1914 года по ноябрь 1918 года.

Роджерс, Лейтон (1893–1962) – в 1916–1918 годах служащий Петроградского филиала Государственного муниципального банка Нью-Йорка; в 1918 году добровольно поступил на службу в военную разведку. После возвращения в США работал в области авиации и воздухоплавания в интересах Министерства торговли США. Друг и коллега *Фреда Сайкса* и *Честера Свиннертона*.

Рэнсом, Артур (1884–1967) – британский журналист, корреспондент издания «Дейли ньюс» (“Daily News”). Кратковременно находился в России также в 1919 году в качестве корреспондента издания «Манчестер гардиан» (“Manchester Guardian”). Позже стал успешным писателем, известным своей книгой для детей «Ласточки и амазонки».

Сайкс, Фред (1893–1958) – выпускник Принстонского университета, работал в Петроградском филиале Государственного муниципального банка Нью-Йорка в 1916–1918 годах; ушел в отставку с должности помощника вице-президента банка в Нью-Йорке. Коллега *Лейтона Роджерса* и *Честера Свиннертона*.

Свиннертон, Честер (1894–1960) – уроженец Массачусетса, выпускник Гарвардского университета; стажер Петроградского филиала Государственного муниципального банка Нью-Йорка. После отъезда из России в течение многих лет работал в банке в Южной Америке. Друг и коллега *Лейтона Роджерса* и *Фреда Сайкса*.

Сеймур, Дороти (1882–1953) – английская сестра милосердия в Англо-русском госпитале; дочь генерала, внучка адмирала, при дворе занимала должность фрейлины принцессы Кристиан.

Стеббинг, Эдвард (1872–1960) – английский профессор лесного хозяйства; был направлен в командировку в Россию во время Первой мировой войны для оценки возможностей поставок древесины в интересах обеспечения строительства фортификационных сооружений британской армии и узкоколейных железных дорог.

Стокер, Энид (1893–1961) – английская сестра милосердия в Англо-русском госпитале; находясь в Петрограде, встретила с *Негли Фарсоном* и в 1920 году в Лондоне вышла за него замуж. Их сын, Даниил Фарсон, стал писателем и телеведущим.

Стопфорд, Берти (Альберт) (1860–1939) – английский арт-дилер, специалист по Фаберже, светский лев и друг князя Феликса Юсупова.

Томпсон, Дональд (1885–1947) – американский военный фоторепортер и кинематографист из Канзаса, находился в Петрограде с января по июль 1917 года.

Уайтман, Оррин Сэйдж (1873–1965) – американский врач, во время Первой мировой войны служил в медицинском корпусе армии США; в 1917 году входил в состав медицинской миссии Американского Красного Креста в России.

Уилтон, Роберт (1868–1925) – британский журналист; в 1889–1903 годах был европейским корреспондентом издания «Нью-Йорк геральд» (“New York Herald”), впоследствии стал специальным корреспондентом издания «Таймс» (“Times”) в Петрограде. После отъезда из России стал журналистом в Париже.

Уильямс, Гарольд (1876–1928) – журналист новозеландского происхождения, языковед, ярый русофил. Петроградский корреспондент издания «Дейли кроникл» (“Daily

Chronicle”) и сотрудник Англо-русского бюро пропаганды, где работал совместно с *Хью Уолполом* и *Денисом Гарстином*. Решительно выступая против большевистского режима, бежал из Петрограда вместе с русской женой и стал редактором внешнеполитического отдела издания «Таймс» (“The Times”).

Уиншип, Норт (1885–1968) – американский дипломат; генеральный консул в Петрограде, в последующем занимал консульские должности во многих других странах; в 1949 году ушел в отставку с должности посла США в Южной Африке.

Уолпол, Хью (1884–1941) – журналист и писатель новозеландского происхождения; когда началась война, стал сотрудником Красного Креста в России. Вернулся в Петроград в качестве главы Англо-русского бюро пропаганды, в этом качестве работал в 1916–1917 годах совместно с *Гарольдом Уильямсом* и *Денисом Гарстином*.

Фарсон, Негли (1890–1960) – уроженец Нью-Йорка, проживал в Великобритании. Во время Первой мировой войны находился в Петрограде в качестве доверенного лица англо-американских экспортных коммерческих структур, стремясь обеспечить заказы со стороны русского правительства на поставку мотоциклов. Впоследствии обратился к написанию путевых заметок и журналистике; некоторое время работал иностранным корреспондентом в издании «Чикаго дейли ньюс» (“Chicago Daily News”).

Фрэнсис, Дэвид Р. (1850–1927) – посол США в России в 1916–1918 годах; до этого – мэр города Сент-Луис (1885 г.) и губернатор штата Миссури (1889–1893 гг.).

Фуллер, Джон Луи (1894–1962) – бизнесмен и менеджер в системе страхования из американского города Индианаполиса; в 1917–1918 годах – стажер филиала Государственного муниципального банка Нью-Йорка в Петрограде. Коллега *Лейтона Роджерса*, *Фреда Сайкса* и *Честера Свиннертона*.

Харпер, Самуэль (1882–1943) – американский славист; совершал многочисленные поездки в Россию, сопровождая официальные делегации в качестве переводчика и гида, в том числе в 1917 году специальную дипломатическую миссию США в Петроград во главе с бывшим государственным секретарем Э. Руттом. Являлся неофициальным советником *Дэвида Р. Фрэнсиса*.

Харпер, Флоренс (1886—?) – канадка, собственный корреспондент американского журнала «Лесли’з уикли» (“Leslie’s Weekly”), работавшая в Петрограде вместе с военным фоторепортером *Дональдом Томпсоном*.

Хеган, Эдит (1881–1973) – канадская медсестра из города Сент-Джон (провинция Нью-Брансуик), работала в медицинской службе сухопутных войск Канады во Франции, затем в мае 1916 года была направлена в Англо-русский госпиталь в Петрограде.

Хилд, Эдвард (1885–1967) – член Международного комитета Юношеской христианской ассоциации, был направлен в Россию для обеспечения контроля за лечением немецких и австрийских военнопленных. Находился в Петрограде в 1916–1919 годах.

Хоктелинг, Джеймс (1883–1962) – дипломат и журналист; уроженец Чикаго; специальный атташе посольства США в Петрограде; в 1926–1931 годах – вице-президент издания «Чикаго дейли ньюз» (“Chicago Daily News”), впоследствии – специальный уполномоченный правительства США по делам иммиграции и натурализации.

Холл, Берт (1885–1948) – американский военный летчик, до вступления США в Первую мировую войну воевал в составе эскадрильи «Лафайет» ВВС Франции³.

³ Истребительная эскадрилья «Лафайет», официально числившаяся подразделением французских военно-воздушных сил во время Первой мировой войны, состояла из американских летчиков-добровольцев; в феврале 1918 года была полностью (вместе с самолетами и механиками) передана военно-воздушным силам США (*прим. пер.*).

Чандлер Уиппл, Джордж (1866–1924) – американский инженер и эксперт в области санитарного контроля, находился в Петрограде в составе представительства Американского Красного Креста в качестве заместителя руководителя представительства в России.

Шадборн, Филип (писал свои отчеты из Петрограда под псевдонимом «Поль Вартон») (1889–1970) – сотрудник программы американской гуманитарной помощи во Франции и Бельгии во время Первой мировой войны; был направлен в Петроград для инспекции лагерей для интернированных в России и подготовки соответствующего доклада.

Шамбрюн, Шарль де (1875–1952) – французский дипломат и писатель; первый секретарь посольства Франции в Петрограде с 1914 года.

От автора

В России в 1917 году еще использовался юлианский календарь (старого стиля), который на тринадцать дней отставал от принятого в западных странах григорианского календаря, что создает в равной степени как для историка, так и для читателя бесконечную путаницу и бесчисленные проблемы. Многих иностранцев, проживавших в то время в Петрограде⁴, это также приводило в немалое замешательство, и, хотя они какое-то время уже находились в России, они предпочитали игнорировать юлианский календарь и использовать в своих дневниках и письмах на родину, в Великобританию, США и другие страны, григорианский. Лишь немногие порой ставили даты в соответствии с обоими календарями. Тот, кто (как, например, Джесси Кенни) пытался отмечать в своих дневниках обе даты, в конечном итоге совершенно запутывался.

Чтобы избавить читателя от этой головной боли, а также учитывая тот факт, что в книге рассказывается о том, как происходили в России Февральская и Октябрьская революции (согласно календарю, существовавшему на тот момент в России, а не Мартовская и Ноябрьская, как их следовало бы называть, согласно календарю в западных странах), все даты в письмах, дневниках и отчетах, написанных в России во время тех событий и цитируемых в книге, приведены в соответствии со старым русским стилем (СС) – чтобы обеспечить хронологическую связность и внятную последовательность книги. Даты по григорианскому календарю (по новому стилю – НС) встречаются в первоисточниках, которые упоминаются в примечаниях. В некоторых случаях, чтобы избежать путаницы (особенно если какое-либо событие произошло за пределами России), приводятся даты по обоим календарям.

Многие очевидцы по-разному писали русские имена и названия мест. Кроме того, Филип Джордан придерживался весьма своеобразных правил пунктуации, орфографии и использования заглавных букв, что было намеренно сохранено для того, чтобы передать непосредственность и эмоциональность его текстов. Чтобы избавить читателя от бесконечных примечаний: «Так в исходном тексте», – эта орфография (как и в ряде случаев нестандартная орфография других героев книги) была сохранена без каких-либо пояснений, и примечания даны лишь там, где это было необходимо.

⁴ В 1914 году после начала войны России с Германией Санкт-Петербург был переименован в Петроград (здесь и далее прим. авт., если не указано иное).

Пролог

«В воздухе сгущается предчувствие катастрофы»

Накануне революции Петроград попал в осаду и суровой зимы. Заснеженный город с замершими каналами и смутными очертаниями площадей, казалось, погрузился в тяжкие думы. Его изысканные широкие улицы и элегантные дворцы из розового гранита с рядами воздушных колонн и арок уже не создавали ощущения имперского величия, теперь они наводили на мысли об упадке. Где бы вы ни оказались в этом «городе для гигантов» с его грозной, неприветливой архитектурой, вы слышали «свист ветра и звон великого множества колоколов различных размеров и разного тона», завершавшийся «впечатляющим боем большого колокола Исаакиевского собора, который приходит ниоткуда и все обволакивает»^[1]. Скованная зимой, открытая арктическому холоду со стороны Финского залива, столица России всегда стремилась приукраситься с особым, свойственным лишь ей размахом, и это была холодная, навязчивая красота. Однако теперь, спустя три года после начала войны, она была переполнена тысячами беженцев – поляками, латышами, литовцами, евреями, – которые спасались от боев на Восточном фронте. Столица была подавлена и деморализована, в воздухе «витаала атмосфера враждебности и тревоги»^[2]. Зима 1916/17 годов добавила новую зловещую деталь в городской пейзаж: длинные молчаливые очереди угрюмых женщин, ежившихся на холоде в бесконечно долгом ожидании хлеба, молока, мяса – хотя бы чего-нибудь. Петроград устал от войны. Петроград голодал.

Большинство русских сталкивалось с этими невзгодами и лишениями каждодневно. И все же, несмотря на очевидные тяжелые испытания военного времени, неизбежно отражавшиеся на его жителях, нашедшая приют в городе большая и пестрая община иностранцев все еще чувствовала себя не так уж и плохо. И пусть город был русским – вдоль Невы продолжала кипеть жизнь крупных иностранных предприятий. В рабочих районах Васильевского острова, на Выборгской стороне, в других промышленных кварталах крупные ткацкие и бумагопрядильные фабрики, судостроительные верфи, лесозаводы, лесопилки и металлургические заводы по-прежнему управлялись в основном британскими хозяевами и приказчиками⁵, многие из которых жили в России уже несколько десятилетий. Большая, со зданиями из красного кирпича, фабрика шерстяных изделий Торнтон (одна из крупнейших в России, основанная в 1880-е годы), на которой было занято три тысячи рабочих, принадлежала трем братьям из Йоркшира. Можно упомянуть также Невскую ниточную мануфактуру (была основана шотландской фирмой «Дж. энд П. Коатс»), Невский стеариновый и мыловаренный завод, управляемый фирмой «Уильям Миллер энд компани оф Лейт» (Уильям Миллер владел также пивоварней в городе), ткацкие фабрики и типографии фирмы «Эджертон Губбард энд компани».

Множество специализированных магазинов в городе было призвано удовлетворить потребности различных привилегированных иностранцев, а также состоятельных русских аристократов. Даже в 1916 году на Невском проспекте еще можно было любоваться громадными сверкающими зеркальными витринами французских и английских роскошных магазинов, в этом плане Невский ничуть не уступал лондонской улице элитных бутиков Бонд-стрит.

Здесь услуги французских портних, закройщиков и перчаточных дел мастеров (таких, например, как Альбер Бризак, кутюрье императрицы, или Анри Брокер, французский парфюмер, который также поставлял свою продукцию царской семье) продолжали пользоваться

⁵ Среди владельцев предприятий были и немцы, однако после начала войны в 1914 году они все потеряли.

спросом со стороны богатых клиентов. В «Английском магазине» (более известном под французским названием “Magasin Anglais”) можно было приобрести лучшие костюмы из твида Харрис и английское мыло и насладиться «чопорным английским провинциализмом» этого заведения, вообразив себя на Хай-стрит⁶ в Честере, или в Портсмуте, или в Труро, или в Кентербери^[3]. Компания “Druce’s” закупала английские товары и мебель из клена в магазинах на лондонской Тоттенхэм-Корт роуд; английская книготорговая фирма «Уоткинс энд компани» пользовалась покровительством многих из британской общины; эмигранты из других стран могли узнать новости о своей родине, зайдя в книжный магазин товарищества М. О. Вольф, где продавались журналы и газеты на семи разных языках.

В Петрограде все еще «не было какого-либо одного, основного для всех магазина, вместо этого на магазинах смело красовались вывески: “English spoken”⁷, “Ici on parle Francais” и [до начала войны] “Man spricht Deutsch”^[4]. Французский все еще оставался языком общения русских аристократов и чиновников, а издававшаяся на французском языке российская газета “Journal de St-Petersbourg” являлась полуофициальным органом Министерства иностранных дел Российской империи и пользовалась во время войны большим спросом, поскольку в городе находилось много французских дипломатов и военных атташе. Наряду с этим английский язык считался еще более аристократичным как язык «высших кругов императорского двора» и императорской семьи^[5].

К осени 1916 года ведущие позиции в дипломатическом сообществе Петрограда военного времени занимали посольства союзнических государств: Великобритании, Франции и Италии, а также пока еще нейтральных США; крупные дипломатические миссии Германии и Австро-Венгрии покинули страну в 1914 году. Тон жизни и деятельности иностранной общины в городе всегда задавали британская диаспора (около двух тысяч граждан), британское посольство и его основной источник слухов и сплетен – англиканская церковь на Английской набережной, которую в народе называли «английской церковью».

Вспоминая годы своей жизни в Петрограде, священник этой церкви преподобный Босфилд Сван Ломбард (который с 1908 года служил также капелланом британского посольства) рассказывал, что британская община была «гостеприимной сверх всяких ожиданий», но ее взгляды на жизнь он находил «ультраконсервативными» и в этой связи испытывал чувство тревоги. «Не отличаясь широтой взглядов и раскованностью в своих суждениях», эта община была «ограничена условностями до такой степени, что мне потребовалось достаточно много времени, чтобы понять, что такой консерватизм был возможен». Это было крайне замкнутое сообщество, которое проявляло настороженность к каким-либо переменам или нововведениям. «На любое новое предложение реагировали не словами: «Это невозможно!» или «Это нереально!» – писал Ломбард, – а словами «Здесь такое никогда не было принято» или «Об этом вообще не может быть и речи»^[6]. Он с сожалением признавался, что он был «поражен узостью и ограниченностью британской колонии; она напоминала небольшую полную сплетен английскую деревушку, или, скорее, дворик собора»^[7].

Жизнь в этом социально замкнутом анклав, словно в романах цикла «Барчестерские хроники»⁸, была, по выражению арт-дилера и светского льва Берти Стопфорда, ограничена «небольшими группками интимных друзей»^[8]. Многие из британцев упорно цеплялись за свой привычный образ жизни, отказывались учить русский язык или говорить на нем и отправляли своих детей учиться в Англию. Большинство остальных настаивали на англий-

⁶ Буквальный перевод с английского – «Главная улица», такое название носили главные улицы многих английских провинциальных городов (*прим. пер.*).

⁷ «Говорим по-английски», далее, соответственно, «Здесь говорят по-французски», «Мы говорим по-немецки» (*прим. пер.*).

⁸ «Барчестерские хроники» – произведения английского писателя викторианской эпохи Энтони Троллопа (*прим. пер.*).

ских или шотландских гувернантках и репетиторах, или же, в случае отсутствия такой возможности, на французских. Британцы, как правило, предпочитали свои собственные мероприятия, концерты и спектакли, хотя всем им нравился русский балет. Они удивляли русских своей страстью к спорту, предпочитая, естественно, его национальные виды: крикет, футбол, теннис; совершали прогулки на яхтах и организовывали клубы любителей гребного спорта. У них был даже клуб спортивных голубей. Они играли в гольф в Мурино, в десяти милях к северо-востоку от Петрограда, оборудовав здесь поле «в упорном стремлении не позволить ничему встать на пути их самовыражения»^[9].⁹

Представители закрытого, кланового сообщества британской диаспоры посещали также свой Новый Английский клуб по адресу: улица Большая Морская, дом 36. Немногим британским дипломатам было позволено стать почетными членами элитного Императорского яхт-клуба, расположенного прямо напротив (там бывали аристократы, царедворцы и правительственные чиновники Российской империи), поэтому основная задача Нового Английского клуба, который являлся привилегированным заведением британской общины и который часто навещали «практически все британцы в городе, достойные быть членом этого клуба», заключалась в том, чтобы продвигать интересы британского бизнеса под руководством британского посла^[10]. Лишь избранным американцам было позволено быть его членами. Негли Фарсон, американский предприниматель, который в течение некоторого времени находился в Петрограде, борясь с продажным бюрократическим аппаратом в своих попытках обеспечить поставки мотоциклов для русской армии, испытывал отвращение к этому узкому миру и презирал его. Британские экспатрианты «жили, как феодалы... купаясь в роскоши, пользуясь *абонементом* в балете, задиристыми частными извозчиками, своим Новым Английским клубом на Морской, своим гольф-клубом, своим теннисным клубом, своим «Английским магазином» [*“Magasin Anglais”*]], который являлся «единственным местом в России, где можно было достать приличную обувь или изделия из кожи», и «целой оравой слуг». Он возмущался их социальным статусом, который позволял им открывать нужные двери гораздо легче, чем ему добраться до них, – имея в виду, в частности, российское Военное министерство. «Англичанин, любой англичанин в царской России, автоматически является милордом – и к нему относятся соответственно», – отмечал он^[11].

В Петрограде в годы войны, конечно же, не было человека, более соответствовавшего понятию «милорд» (причем с самых пеленок), чем британский посол сэр Джордж Бьюкенен, руководивший дипломатической миссией и британской «канцелярией», главное здание которых с видом на Неву располагалось по адресу: Дворцовая набережная, дом 4, в нескольких минутах ходьбы от Зимнего дворца. Посольство занимало часть большого особняка, арендуемую у семьи Салтыковых, которая сохранила за собой комнаты в тыльной части дома с видом на Марсово поле – крупный военный плац, расположенный недалеко от Зимнего дворца. Приехав в Санкт-Петербург в 1910 году после завершения службы в ранге посла в Софии (Болгария)¹⁰, Бьюкенен и его жена леди Джорджина унаследовали здесь обстановку, которая воспроизводила мебель времен Людовика XVI, а также требуемые этикетом хрустальные люстры и красную парчовую драпировку, привычные для любого посольства. Наряду с этим они также привезли с собой собственную коллекцию прекрасной мебели, книг и картин, собранную во время длительной дипломатической жизни в Европе. Как вспоминала их дочь Мэриэл, эти личные вещи придавали комнатам «более домашний, уютный вид,

⁹ Согласно Негли Фарсону, британское посольство получало мячи для гольфа из Англии в вализах дипкурьеров, поскольку «в военное время мячи для гольфа представляли такую же ценность, как соколиные яйца».

¹⁰ До этого Джордж Бьюкенен находился на дипломатической службе в Вене (Австро-Венгрия) под началом своего отца, а также в Токио (Япония), Берне, Дармштадте, Берлине (Германская империя) и Гааге (Нидерланды).

так что порой, задернув гардины, можно было без труда вообразить себя на какой-то старой лондонской площади»^[12].

Сэр Джордж Бьюкенен какое-то время рассматривал возможность перенести посольство в более удобное здание, однако начавшаяся в 1914 году война поставила крест на этих амбициозных планах. Хотя посольство, возможно, казалось весьма фешенебельным и просторным, у него тем не менее был ряд изъянов. Так, система канализации устарела и нуждалась в существенной реконструкции и постоянном ремонте. Кроме того, требовался многочисленный персонал для поддержания в порядке его залов для приемов и церемоний в стиле барокко, помещений его «канцелярии», расположенных на первом этаже, а также (двумя витками винтовой лестницы выше) танцевального зала и большой столовой, которые использовались для крупных официальных мероприятий. Незаменимому на этом посту английскому дворецкому, Уильяму, оказывали помощь многочисленные лакеи, горничные и итальянский шеф-повар, а также множество русских, занятых в повседневных заботах по дому и обеспечивавших кухню^[13]. Бьюкенены привезли с собой легковой автомобиль и своего собственного шофера-англичанина, наряду с этим они также содержали кареты и сани и русского извозчика для них.

Сэра Джорджа Бьюкенена, который являлся не только центральной фигурой в собственном посольстве, но и признанным дуаиеном дипломатического корпуса в Петрограде, высоко оценивали как русские, так и иностранцы. Те, кто работал вместе с ним, испытывали к нему чувство преданности, если не поклонение. Он был для них почти героем. Сэр Джордж Бьюкенен являлся образцовым дипломатом-джентльменом: аскет, выпускник Итонского колледжа в монокле, сын сэра Эндрю Бьюкенена (также дипломата, служившего в британском посольстве в Санкт-Петербурге), человек чести в изначальном смысле этого слова. Высокий, худощавый, учтивый, Бьюкенен был настоящим исследователем и хорошим лингвистом (хотя он не говорил на русском), широко начитанным человеком, который втайне любил детективы и наслаждался неприхотливой игрой в бридж. Его «невозмутимая безмятежность» и педантизм иногда могли быть неверно истолкованы как чрезмерная строгость, и некоторых его сотрудников сбивали с толку его «обескураживающее простодушие» и немного декадентская рассеянность. «Он был вежлив как при игре в бридж, так и во всем остальном, но было такое впечатление, что он пребывал в мечтах и не осознавал, играл ли он в бридж или в игру “Счастливая семейка”¹¹», – вспоминал один из его сотрудников^[14].

Но не было никаких сомнений относительно скромности Бьюкенена и (когда для проявления этого качества пришло время) его смелости, а также относительно его непоколебимой преданности своим коллегам по дипломатической службе. Всем, кто работал с ним в эти последние дни агонизировавшей царской России, было совершенно ясно, что сэр Джордж Бьюкенен к этому времени был болен. Его слабое здоровье, подорванное безграничной преданностью долгу и возросшей нагрузкой во время войны, еще больше ухудшилось в связи с его обеспокоенностью шатким положением царя и растущей угрозой революции¹². Хотя сэру Джорджу Бьюкенену иногда удавалось съездить на рыбалку в Финляндию или поиграть в гольф в Мурино, к концу 1916 года он, по выражению британского дипломата Роберта Брюса Локхарта, производил впечатление «болезненного человека с усталым, грустным выражением на лице». Однако он стал узнаваемой и уважаемой фигурой на улицах столицы, и, «когда он совершал свой ежедневный визит в Министерство иностранных дел Российской империи, с шляпой чуть набекрень и высокой, худощавой фигурой, слегка поникшей от

¹¹ Простая до примитивности карточная игра, в которой соперники должны угадать пары («семейные пары») карт на руках друг у друга (*прим. ред.*).

¹² Джорджу Бьюкенену никогда не подходил климат Санкт-Петербурга, и его здоровье настолько ухудшилось, что, когда сэр Эдвард Грей выяснил, как часто тот болел, он предложил ему пост посла в Вене. Однако сэр Джордж Бьюкенен предпочел остаться в Петрограде.

груза многочисленных забот, каждый англичанин осознавал, что территория его посольства, ни много ни мало, является частью территории Великобритании»^[15].

Если порой сэр Джордж Бьюкенен, казалось, сникал, его энергичная жена придавала ему новые силы. Леди Джорджина, урожденная Батерст, сама была из числа людей «королевских кровей». «Как знает каждый британец, – язвительно заметил в этой связи Негли Фарсон, – существуют только три семьи: Святое семейство, королевская семья – и Батерсты»^[16]. Леди Джорджина являлась представительной женщиной, чье «сердце было пропорционально ее массе», а ее рвущаяся наружу энергия была сопоставима с ее мнением, которое являлось бесспорным и высказывалось громогласно. Она была «несдержанна и обидчива: щедрый друг, но опасный враг», как обнаружили некоторые из окружавших ее женщин в британской колонии. Она «руководила дюжиной комитетов и ссорилась со всеми». Она управляла внутренней жизнью посольства, «как по нотам», и «никогда не изменяла своей страсти к пунктуальности, которая у самого посла доходила до одержимости»^[17]. С 1914 года леди Джорджина принялась за исполнение дел, связанных с начавшейся войной. Она реквизировала танцевальный зал посольства и заставила его длинными столами, загруженными ватой, пухом и тканями; здесь она дважды в неделю устраивала курсы кройки и шитья. Приходившие сюда дамы из британской колонии «сворачивали марлевые бинты, шили жилетки-«душегрейки» для больных воспалением легких, готовили всевозможные перевязочные материалы для оказания первой помощи, шили больничные пижамы, медицинские куртки и халаты» – некоторые для отправки раненым на фронт, остальные для использования в госпитале британской колонии в Петрограде для раненых русских солдат. Расположенный в крыле большой Покровской больницы на Васильевском острове, этот госпиталь стал вотчиной леди Бьюкенен, организовавшей его вскоре после начала войны. Ее дочь Мэриэл также работала там в качестве сестры милосердия^[18].

После того как Россия в 1914 году вступила в войну, уже сложившаяся в Петрограде к тому времени диаспора пополнилась новой, более дерзкой породой американцев: инженерами и предпринимателями, занимавшимися поставками военной техники, промышленной продукции и боеприпасов. Американцы из компаний «Интернэшнл харвестер» (производитель сельскохозяйственной техники), «Вестингауз» (в течение нескольких лет принимала участие в электрификации трамваев Петрограда) и «Зингер съюинг машин компани» (начала поставлять в Россию первые швейные машинки в 1865 году) соседствовали на улицах города со своими земляками, прибывшими из Нью-Йорка, чтобы организовать в Петрограде филиалы Государственного муниципального банка Нью-Йорка и Нью-Йоркской компании по страхованию жизни, не говоря уже об американских сотрудниках Юношеской христианской ассоциации, которые создали здесь в 1900 году русский аналог этой структуры – общество «Маяк». В апреле 1916 года дипломатический корпус в Петрограде приветствовал нового американского посла после того, как прежний посол Джордж Мари неожиданно подал в отставку – якобы по причине плохого здоровья. По слухам, его негласно вынудил к этому шагу Государственный департамент, который считал его слишком пророссийски настроенным в то время, когда США все еще сохраняли нейтралитет в продолжавшейся войне.

Преемником Джорджа Мари оказался самый маловероятный из кандидатов. Общительный и добродушный демократ от штата Кентукки, Дэвид Роулэнд Фрэнсис, сколотил себе миллионное состояние в Сент-Луисе за счет сделок с зерном и инвестиций в железнодорожные компании. Он был губернатором штата Миссури (1889–1893 гг.) и лоббировал проведение в 1904 году в Сент-Луисе весьма успешной Луизианской ярмарки (более известной как всемирная выставка в Сент-Луисе), а также в том же году – летних Олимпийских игр. Однако у него не было никакого опыта посольской работы, хотя в 1914 году его кандидатура была предложена на пост посла в Буэнос-Айресе – но отклонена. Однако выбор

Дэвида Фрэнсиса в качестве посла в Петрограде казался логичным: его несомненная деловая хватка должна была помочь перезаключить договор о торговле и навигации между США и Россией, который в декабре 1912 года был денонсирован американской стороной в ответ на антисемитскую политику царской России¹³. Дэвиду Фрэнсису было хорошо известно, что Россия была готова закупать американское зерно, хлопок и вооружение.

21 апреля (по НС; 8 апреля – по СС) 1916 года Дэвид Фрэнсис отплыл из портового города Хобокен в штате Нью-Джерси на шведском пароходе «Оскар II» вместе со своим личным секретарем Артуром Дэйли и преданным чернокожим камердинером и шофером Филипом Джорданом. Его жена Джейн осталась дома в Сент-Луисе ухаживать за шестью сыновьями, поскольку у нее было плохое здоровье и страх перед легендарными суровыми российскими зимами. Дэвид Фрэнсис не настаивал на том, чтобы она сопровождала его, хорошо зная, что его жене в Петрограде «не понравится»^[19]. В ее отсутствие и без того не слишком общительный и «социальный» (как и его коллега Бьюкенен, он не говорил на русском), Дэвид Фрэнсис весьма сильно полагался на защиту «Фила», как он любил называть того: он уважал этого человека как «верного, честного, умелого и к тому же умного»^[20].

Фил (Филип) Джордан, чьи афро-американские корни неизвестны, был небольшим жилистым человеком, выросшим в «Хог али», убогом бедном районе города Джефферсон (штат Миссури), печально известном (как и нью-йоркский район «Бавэри») как притон воров, проституток и пьяниц. В молодости он безоглядно пьянствовал, входил в бандитскую группировку и постоянно участвовал в уличных драках. Затем работал на речных судах, плававших по Миссури, и впоследствии, в 1889 году (с учетом того, что, предположительно, исправил свое поведение), был рекомендован Дэвиду Фрэнсису, вновь избранному губернатору штата Миссури. Проработав непродолжительное время у нового губернатора, Филип Джордан в 1902 году переехал в большой особняк семьи Фрэнсиса, расположенный в районе Сент-Луиса для состоятельных «Уэст энд», поступив на должность камердинера – или, как американцы тогда называли это, «личного слуги». Здесь он имел возможность встречаться с четырьмя американскими президентами – Гровером Кливлендом, Теодором Рузвельтом, Уильямом Тафтом и Вудро Вильсоном, – которые появлялись в доме Дэвида Фрэнсиса в качестве гостей. В свою очередь, миссис Фрэнсис (которая была более склонна, чем ее муж, прощать Джордану эпизодические запои) научила его читать и писать. За все это Джордан был ей весьма признателен и крайне привязался к ней^[21].

Растерянность и культурный шок, испытанные Фрэнсисом и Джорданом после их прибытия с теплого американского Юга в промерзлый Петроград военного времени, трудно описать. Во время их поездки переводчик русского языка у Дэвида Фрэнсиса, молодой славист Самуэль Харпер, сделал все возможное, чтобы дать неопытному послу «ускоренный курс того, с чем тот мог встретиться в России». Самуэль Харпер пришел к выводу (став свидетелем разговора Дэвида Фрэнсиса с некоторыми американскими бизнесменами, следовавшими в Петроград на том же корабле), что это «весьма откровенный, прямолинейный американец, который считал необходимым высказать свое мнение независимо от норм дипломатического этикета»^[22]. Контраст с застегнутым на все пуговицы и безукоризненно вышколенным сэром Джорджем Бьюкененом был слишком очевиден; у этих двух послов было мало общего.

После прибытия 15 апреля поезда «Стокгольм экспресс» на Финский вокзал Петрограда Дэвид Фрэнсис направился в посольство США. Только сейчас он болезненно осознал, что его ждет: «Я еще никогда не был в России. Я еще никогда не был послом. До того как я был назначен на этот пост, я знал о России лишь столько, сколько о ней знал обычный обра-

¹³ По мнению США, Россия нарушила положения договора, гарантирующие права американских граждан иудейского вероисповедания на свободное перемещение по территории Российской империи (*прим. пер.*).

зованный американский гражданин: к сожалению, мало и расплывчато»^[23]. С учетом такой обезоруживающей откровенности становится ясно, что его коллеги в дипломатическом корпусе неизбежно относились к нему пренебрежительно. Как выразился Роберт Брюс Локхарт, «старина Фрэнсис не отличит левого эсера от картошки», но, к его чести, «был простодушен и смел, как ребенок». Свойственные Дэвиду Фрэнсису мягкость, терпимость и добродушие, однако, не вызывали восхищения у некоторых более опытных сотрудников американского посольства, которым он казался «лохом» из Сент-Луиса, не понимавшим российской политики. Не имея за плечами привилегированной частной школы и долгих лет кропотливого постижения искусства европейской дипломатии (в отличие от своего коллеги Бьюкенена), Фрэнсис казался по меньшей мере простодушным. Артур Буллард, неофициальный эmissар США в России, считал Дэвида Фрэнсиса «старым дураком», а по мнению американского врача Оррина Сэйджа Уайтмана, который прибыл в российскую столицу позже в составе медицинской миссии Американского Красного Креста, это был «заносчивый занудный тупица»^[24]. Но для русских, которые рассматривали США в качестве залога прибыльных и столь необходимых торговых отношений, новый посол являлся, «безусловно, самым востребованным дипломатом в Петрограде»^[25]. Кроме того, Дэвид Фрэнсис, вел себя в обществе таким образом, как не мог себе позволить его британский коллега. Он, не считая нужным делать из этого какой-либо секрет, наслаждался лучшим сортом бурбона «Кентукки» и толстыми сигарами, жевал табак и попадал в плевательницу с нескольких метров. В отличие от сдержанной манеры Бьюкенена при игре в бридж, дружеское простодушие Фрэнсиса не распространялось на карты. Как узнал на себе Локхарт, американский посол не был «ребенком в покере»: всякий раз, когда Локхарт во время игры присоединялся к Фрэнсису, тот обчищал его^[26].

Летом 1916 года, к радости Дэвида Фрэнсиса и его шофера Фила, наконец прибыл посольский автомобиль «Форд» модели «Т», специально доставленный из штата Миссури. Они с гордостью разъезжали на нем по городу с «трехфутовым звездно-полосатым флагом, развевавшимся на крышке радиатора», заставляя прохожих задаваться вопросом, «то ли это флаг развевается от движения автомобиля, то ли развевающийся флаг двигает «Форд» вперед»^[27]. Посольство США было расположено очень удачно, по адресу: Фурштатская улица, дом 34, в центре города, в зажиточном районе, в котором проживали русские государственные служащие и другие дипломаты. Оно находилось в нескольких минутах ходьбы от Государственной думы, размещавшейся в Таврическом дворце на Шпалерной улице, и за Смольным институтом, в котором во время Октябрьской революции располагался штаб большевиков. Как и британское посольство, оно арендовало здание у русского аристократа, графа Михаила Николаевича Граббе; это строение имело такие же недостатки. Как вспоминал специальный атташе посольства США Джеймс Хоктелинг, это было «убогое двухэтажное строение без благородного фасада, втиснутое между многоэтажным жилым зданием, с одной стороны, и каким-то скромным жилищем, с другой»^[28]. Внутри здание нуждалось в новой отделке; кроме того, оно было настолько плохо меблировано, что Дэвид Фрэнсис полагал, что оно походит «на пакгауз»^[29]. Вскоре он начал искать более удобное помещение для посольства, но, как и у Бьюкенена, его усилия подобрать что-либо подходящее не имели успеха в связи с обстановкой военного времени.

Офис Дэвида Фрэнсиса, с балкона которого он мог наблюдать за улицей внизу, был расположен на втором этаже рядом со спальней и гостиной. Все помещения были очень тесными. Штаты посольства были укомплектованы не полностью, везде царил беспорядок. Гораздо хуже, по мнению Дэвида Фрэнсиса, было то, что кофе также был «не очень хорошего качества»^[30]. Он любил принимать гостей и устраивать обеды с соотечественниками, поскольку скучал по своей большой семье, оставшейся в Сент-Луисе. Он часто приглашал американских предпринимателей (прежде всего руководителей филиала Государственного

муниципального банка Нью-Йорка, недавно созданного в Петрограде) присоединиться к нему за обеденным столом. Кроме того, он подружился с американской светской львицей Джулией Грант, внучкой президента США Улисса Гранта, которая, выйдя замуж за русского аристократа, стала именоваться княгиней Кантакузиной-Сперанской (хотя ее приятели в американской общине несколько бестактно звали ее «княгиней Майк») и у которой был номер в гостинице «Европейская»¹⁴. Княгиня устраивала Дэвиду Фрэнсису пышные приемы, как и другие богатые аристократы, либо в своих городских особняках в Петрограде, либо в частных номерах своих любимых отелей.

С самого начала у Фила Джордана было сильно развито чувство ответственности за «губернатора», поскольку, как правило, очень многие привыкли обращаться к Дэвиду Фрэнсису со времени исполнения им должности в штате Миссури. Фил Джордан выступал в качестве телохранителя посла всякий раз, когда Франциск отваживался появляться на улицах Петрограда, и они совместными усилиями пытались ужиться с различными аспектами жизни русских – в частности, с русской кухней. Как сообщал Фрэнсис своему сыну Перри, «мы с Филом все еще стараемся найти общий язык с русской поварихой; Фил с огромным трудом объясняет ей, как следует готовить по-американски, так как она не понимает ни слова по-английски, а он не говорит по-русски»^[31]. Помощь им вскоре подоспела в виде одной из знакомых Дэвида Фрэнсиса по путешествию на пароходе в Россию: мадам Матильды де Крам, русской, вернувшейся в Петроград и жившей неподалеку. Она стала постоянным гостем в посольстве, вызвавшись научить Дэвида Фрэнсиса французскому, а Джордана – русскому. Дружеские отношения Дэвида Фрэнсиса с мадам де Крам, которые предполагали, в частности, сопровождение ее на бегах в выходной день посла, изрядно напугали сотрудников посольства и контрразведки союзников, которые числили ее немецкой шпионкой, имевшей цель соблазнить нового недалекого и доверчивого посла^[32] ¹⁵.

Как бы то ни было, благодаря мадам де Крам смысленный Джордан вскоре уже был способен до такой степени объясняться на русском, что самостоятельно ходил по магазинам, утверждая: «Я хорошо справляюсь с этим, так как выучил язык». Вскоре он подобрал для посольства кухонные принадлежности и мебель, в том числе приличного размера столовой стол, за которым могли поместиться двадцать человек^[33]. Освоившись, Дэвид Фрэнсис мог уже обходиться без русской поварихи, и Джордан готовил ему завтраки, пока они не наняли «негритянского повара, очень черного негра из Западной Индии, которого звали Грин». Когда тот появился, Джордан был сильно удивлен тем, насколько «мало в Петрограде негров» и насколько «они не похожи на наших негров»^[34]. Дэвид Фрэнсис также отмечал в переписке со своей женой, что Фил, у которого была «относительно светлая кожа», настолько «светлая, чтобы сойти за белого», не выходил на улицу с поваром из Тринидада, потому что тот был «слишком черным»^[35]. Джордан и Грин, похоже, проводили большую часть своего времени, «пускаясь во все тяжкие, чтобы добыть еду», и так или иначе чудом обеспечивали блюда для посольского стола, несмотря на крайнюю нехватку продуктов, для чего Джордану, с его примитивным русским, приходилось «бесстрашно шататься по улицам и торговаться на рынках, смешиваясь с разношерстной многоязычной толпой»^[36] ¹⁶. Дэвид

¹⁴ Джулия Грант и князь устроили пышную великосветскую свадьбу в 1899 году в одном из особняков сети «Астория» в городе Ньюпорт (штат Род-Айленд) с приглашением элиты Восточного побережья, которая одарила молодоженов алмазами, северским фарфором, столовым серебром, украшенным монограммами, и драгоценностями от Рене Лалика. Джулия Грант была одной из американских «флибустьеров», вступивших в брак с русскими аристократами, и до революции являлась дуаиеном Петроградского высшего общества.

¹⁵ При отсутствии убедительных доказательств таких утверждений, а также с учетом предложений, что брак посла не был счастливым, представляется более вероятным, что одинокий Дэвид Фрэнсис, который любил красоток, просто испытывал удовольствие от общения с мадам де Крам и ее компанией.

¹⁶ Что еще более важно, при поддержке Дэвида Фрэнсиса Джордан стал одним из двух американцев, получивших разрешение начальника полиции Петрограда фотографировать в городе.

Фрэнсис, очевидно, сильно скучал по своим типично американским предметам роскоши: он месяцами ждал окороков и бекона, которые заказывал из Нью-Йорка, а два ящика шотландского виски, отправленные морским путем из Лондона, прибыли лишь в октябре^[37].

Сообразительный Фил Джордан быстро стал «бесценным» в решении всех вопросов, касавшихся повседневной жизни посольства^[38]. Как отметил в своем дневнике сотрудник посольства Фред Диринг, «в данном случае становилось понятно, что Фил что-то из себя представлял. Никто не мог быть столь ненавязчивым и одновременно столь полезным»^[39]. Он, например, активно помогал Дэвиду Фрэнсису отмечать 4 июля День независимости, когда тот отважился устроить прием на сотню с лишним гостей. «Я заказал первоклассный оркестр с девятью музыкантами, – писал Фрэнсис своей жене Джейн, – а благодаря Филу у нас был вкусный пунш к чаю, который наливался из недавно приобретенного нами самовара. У нас были бутерброды с икрой, томатные сэндвичи и (как оказалось, неизвестное для русских) вкусное мороженое»^[40]. Представители американской колонии в Петрограде горячо одобрили такое мероприятие и его кулинарные изыски, но для нового посла было важно стать известным среди русских снобов и в дипломатическом корпусе совсем другим образом.

Фрэнсис признался Джейн в июле: «У меня относительно мало русских знакомых в своей среде»^[41]. Он избегал светских «чайных приемов» и коктейлей в британском посольстве и тусовок дипломатического корпуса, предпочитая хороший покер. Те, кем он пренебрегал, в свою очередь, пренебрежительно относились к его дипломатическим обедам. Сэр Джордж Бьюкенен, со всем снобизмом и расовой предубежденностью своего поколения и своего класса, страшился приглашений от Дэвида Фрэнсиса. Получив очередное из американского посольства, он сетовал: «Ох, мы будем вынуждены опять пробовать плохой ужин... приготовленный негром»^[42]. И в большинстве таких случаев не было никакого оркестра, там был лишь преданный Фил, который, как мастер на все руки, заводил граммофон за сценой – в паузах между обслуживанием гостей^[43].

По правде говоря, ни Дэвид Фрэнсис, ни Бьюкенен не испытывали особенного удовольствия от общения с петроградским обществом. Что касается их выдающегося французского коллеги, Мориса Палеолога, слывшего самым изысканным светским львом в дипломатическом корпусе, то это именно он (как считается) «проводил лучшие вечеринки для самых умных и самых легкомысленных особ»^[44]. Действительно, обходительный, полный свежих сплетен и всегда готовый ими поделиться, Морис Палеолог, казалось, больше времени просто вращался в обществе, чем занимался собственно дипломатической работой. Он регулярно ходил на балет и оперу, которые во время войны пользовались большой популярностью. Когда он не бывал там, он «постоянно отирался в великокняжеских гостиных, сплетничая с княгинями», либо ужинал вне дома с петроградским бомондом^[45].

На жизни представителей дипломатического корпуса, таких как Палеолог, а также на жизни других иностранцев война пока еще практически никак не отразилась. По-прежнему большим спросом в городе пользовались билеты на вечерние представления балета на сцене Мариинского театра. Все петроградское общество (как русские, так и иностранцы) ходило смотреть (и показать себя) на представления этого театра в среду вечером и в воскресенье днем, и все одевались по этому случаю соответствующим образом. Большинство билетов распродавалось заранее по закрытой подписке; те немногие, что были в открытой продаже, обходились в 100 рублей. В то время как одни стояли в очередях за едой, другие толпами выстраивались в очередь за билетами на балет. Посол Дэвид Фрэнсис оценил осенний сезон Мариинского театра как «лучший в мире». Вместе с большинством других дипломатов он, «как зачарованный», смотрел трехчасовой балет «Дон Кихот», где в главной роли выступала прима-балерина Тамара Карсавина^[46]. В периоде своего расцвета были и два других крупных петроградских театра: Александринский (классический) театр и Михайловский, в кото-

ром представляла французская труппа и который тяготел к французской культуре; русская интеллигенция ходила сюда практиковать свой французский язык.

Петроград, при всех своих лишениях военного времени и растущей социальной напряженности, все еще обеспечивал «превосходный беспутный образ жизни» для закоренелых сибаритов, которые привыкли жить эмоциями и потакать своим слабостям^[47]. Император Николай II в 1914 году ввел запрет на продажу водки, чтобы обуздать ставшее легендарным пьянство среди русского крестьянства, которое составляло основу призывной армии; но, имея достаточно денег, в отдельных номерах лучших ресторанов и гостиниц города всегда можно было достать изысканные вина, шампанское, виски и другие крепкие спиртные напитки^[48] 17. В прежние годы гостиницы “Hotel de France” и «Англетер» были весьма популярны среди представителей французской и английской диаспор, но во время войны самой известной стала гостиница «Астория». Она была построена в 1912 году на восточной стороне Исаакиевской площади на пересечении улиц Большой Морской и Вознесенской, чтобы обеспечить поток туристов, приезжавших в Санкт-Петербург в 1913 году на трехсотлетие дома Романовых. Названа «Асторией» гостиница была шведским архитектором, Фредриком Лидвалем, в честь известных нью-йоркских отельеров братьев Астор.

Гостиница пользовалась такой популярностью среди британских посетителей, что создала специальное бюро для изучения их потребностей, а предметами ее гордости являлись «гигантская карта Лондонского метрополитена и большая библиотека английских книг от Джеффри Чосера до Дейвида Герберта Лоренса»^[49]. В гостинице было «десять лифтов, электрическая система звонков для вызова слуг, городские телефонные линии, автоматизированная система уборки пылесосом, паровое центральное отопление, а также 350 номеров с пробковой звукоизоляцией». Кроме того, в «Астории» был громадный ресторан, способный обслужить до двухсот человек, зимний сад и банкетный зал, выполненный в стиле “Art Nouveau”^[50]. Ее французский ресторан стал местом радушного приема измученных войной русских офицеров, возвращавшихся домой с фронта, атташе союзников, сотрудников различных посольств и эмигрантов (а также местом притяжения не бросавшихся в глаза проститутки высшего класса). Хотя ее конкурент гостиница «Европейская», которая также предлагала посетителям сад на крыше и роскошный ресторан со стеклянным куполом, весьма нравилась Дэвиду Фрэнсису, большинство вновь прибывших в город иностранцев предпочитали направляться в «Асторию». Военные настолько зачастили в «Асторию», что к концу 1916 года гостиница утратила значительную часть своего довоенного очарования и директор ресторана итальянец Йосеф Векки с горечью констатировал, что она стала напоминать «своего рода шикарную казарму»^[51].

Йосеф Векки сожалел о том, что из-за острой нехватки продуктов он уже не мог устраивать такие грандиозные обеды, которые он закатывал всего год назад. К концу 1916 года поставки продовольствия в Петроград сократились примерно на треть от необходимого. Острая нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве сказывалась на уровне сельскохозяйственного производства, поскольку многие крестьяне были призваны на военную службу; но зачастую недостаток продовольствия вызывался спекуляцией и перебоями в работе национальной железнодорожной системы. На складах и в центрах снабжения в южных районах, обеспечивавших страну продуктами питания, мука и другая продовольственная продукция портилась и пропадала из-за отсутствия подвижного состава, необходимого, чтобы доставить ее по железной дороге в голодавшие города на севере Российской империи. Иностранцы являлись свидетелями того, что в провинции еще было много продуктов, и находившиеся в трудном положении домохозяйки часто были вынуждены совершать сюда из города изнурительные поездки, закупаая у местного крестьянства сливочное масло, яйца, мясо и

¹⁷ Простые российские граждане могли получить алкоголь только на черном рынке или же по рецепту врача.

рыбу. В Петрограде ходили слухи о том, что спекулянты уже сделали огромные запасы муки, мяса и сахара, чтобы спровоцировать дальнейший рост цен. Даже обеспеченные классы больше не могли позволить себе белого хлеба, но они, конечно же, все еще были в состоянии достать приличные продукты, если хотели организовать какой-либо прием.

Служащий Петроградского филиала Государственного муниципального банка Нью-Йорка Лейтон Роджерс с удивлением отметил, когда его этой зимой пригласили к одному из русских знакомых «на небольшой семейный ужин»: «Огромный стол в гостиной выглядел так, словно распахнулся продовольственный склад: там были маринованная рыба, сардины, анчоусы, мойва, сельдь, копченый угорь, копченый лосось, вазы с икрой, целые окорока, язык, колбасы, курица, паштет из фуа-гра, красный сыр, желтый сыр, белый сыр, голубой сыр, бесчисленные салаты, корзины сельдерея, соленые огурцы и оливки, соусы – розовый, желтый, цвета лаванды. Все это и многое другое было выложено в три больших ряда с каскадом фруктов в центре и рядами графинов с водкой и тминным ликером «Кюммель» по бокам»^[52].

Как оказалось, это вакхическое пиршество являлось только закуской, предшествовавшей полноценному обеду с лососем и жарким из оленины и фазанов, за которым следовали мороженое и новые фрукты и сыры, подававшиеся с винами (от бордосского до бургундского) и шампанским. В конце ужина в качестве особого подарка русский хозяин, принимавший Лейтона Роджерса, презентовал своим американским гостям «два пакета жевательной резинки «Бименс пепсин»»^[53].

За дверями этого и других уютных частных особняков, как писал Негли Фарсон, который продолжал вести в клубах и ресторанах города жизнь завязанного сибарита, «Россия лежала, как поверженный Марс, умирая от голодной смерти»^[54]. Но даже ему вскоре надоело проводить ночи напролет в загулах со своими приятелями-иностранцами и ближайшими друзьями, наслаждаясь шампанским и раками в компании проституток в отдельных кабинетах загородного ресторана «Вилла Родэ» рядом со Строгановским мостом, в котором любил бывать Григорий Распутин, скандальный духовный гуру и советчик царя и царицы. Все модные рестораны испытывали проблемы, в том числе ресторан «Контантс», любимое место нидерландского посла Виллема Аудендейка (впоследствии Уильяма Аудендайка), и ресторан «Кафе Донон», в котором любил бывать сотрудник американского посольства Батлер Дж. Райт. Прежняя активность в Новом Английском клубе также «сошла на нет»: как вспоминал Негли Фарсон, к концу 1916 года «его ужины с говяжьим стейком навсегда исчезли»^[55].

Большинство основных продуктов питания, таких как молоко и картофель, с начала войны выросло в цене в четыре раза; другие немаловажные продукты, такие как хлеб, сыр, сливочное масло, мясо и рыба, стали в пять раз дороже. Элла Вудхаус, дочь британского консула, вспоминала: «Нам приходилось держать прислугу, чья единственная работа заключалась в том, чтобы стоять в очередях за молоком, хлебом или за тем, что там еще должно было быть»^[56]. С наступлением зимы очереди стали только длиннее и рассерженнее, в них «все чаще обсуждались недееспособность правительства и коррупция в верхах». Потери в результате неэффективного управления при организации поставок продовольствия и топлива (достать можно было только дерево, но не уголь) были громадны, коррупция среди российских чиновников была обычным делом. Петроград походил на город в осаде: о развлечениях все позабыли. «Атмосфера «Римских каникул» в гостинице «Астория» исчезла. На ее место пришло чувство страха»^[57]. Совершая свои ежедневные прогулки по набережной, сэр Джордж Бьюкенен ужасался длинными очередями за продовольствием. «Когда придет суровая зима, эти очереди станут горючим материалом», – писал он в ноябре 1916 года. В американском посольстве у Фреда Диринга было такое же ощущение; он писал в своем дневнике: «В воздухе сгущается предчувствие катастрофы»^[58].

У промышленных магнатов – владельцев текстильных фабрик, медеплавильных заводов, военных предприятий – прибыль продолжала расти, в то время как у рабочих призраки голода становились все более зримыми. «К этому времени в столице царила глубокая подавленность, – вспоминал Виллем Аудендейк. – Было ясно, что война легла на экономическую жизнь страны слишком тяжелым бременем... Извозчики практически исчезли, и на улицах грохотали переполненные трамваи». У грязных улиц был убогий вид, в магазинах купить было нечего. Русские, с которыми он разговаривал, возлагали всю вину за это на прогнившую бюрократическую систему: «Разговаривали в основном шепотом, как будто боялись быть услышанными, хотя рядом никого не было; высказывали убеждение в том, что так не должно было быть, что приближается буря, хотя, похоже, никто точно не знал, откуда она придет или к чему она может привести»^[59].

«Все, от великих князей до извозчиков, решительно выступали против режима», – отмечал Денис Гарстин из британского отдела по пропаганде в Петрограде^[60]. Везде, и в роскошных особняках, и в дрожащих от холода очередях за хлебом, была, как правило, одна любимая тема для разговора: отношения императрицы с Григорием Распутиным. Несмотря на все возражения близких, Николай и Александра упорно не желали отдалять его от себя и совершали одну ошибку за другой, назначая все более реакционных министров. Учитывая тот факт, что Николай находился в Ставке, Александра оставалась одна, чужая для русского двора и большинства своих родственников, она все более полагалась на их «друга». В своей глухой изоляции она всерьез воспринимала лишь советы Распутина. Николая неоднократно предупреждали о росте угрозы для престола; его дядя, великий князь Николай Николаевич, просил его повлиять на жену, чтобы та прекратила наносить ущерб репутации монархии, вмешиваясь в дела правительства. «Вы стоите на пороге новых неприятностей», – предостерегал он. Сэр Джордж Бьюкенен был того же мнения: «Если император продолжит защищать своих нынешних реакционных советников, боюсь, революция будет неизбежна»^[61].

В этой атмосфере «напряженной неопределенности» все открыто говорили о том, что необходимо совершить дворцовый переворот, а императрицу, от греха подальше, запереть в женском монастыре^[62]. Бесконечные инсинуации и сплетни о «темных силах», которые олицетворяла она с Распутиным, служили единственной темой для разговоров в элитных клубах, где «великие князья играли в «квинз»¹⁸ и говорили о «спасении» России»^[63]. Убийство Распутина казалось единственным решением всех проблем, той панацеей, которая позволила бы предотвратить кризис и спасти монархию от катастрофы.

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 года Распутин исчез. В тот вечер французский посол Морис Палеолог наслаждался в Мариинском театре бенефисом Смирновой в «Спящей красавице». Он вспоминал, что ее «прыжки, пируэты и «арабески» не смогли превзойти по своей фантастичности те истории, что передавались из уст в уста» о заговорах с целью отстранения императрицы и ее «друга» от власти. «Посол, мы вернулись во времена Борджиа», – доверительно сообщил ему итальянский дипломат^[64]. Когда через несколько дней тело Распутина выловили из реки, императрица Александра была сурова, отправив импульсивных молодых убийц Распутина – князя Феликса Юсупова – в свое имение, и великого князя Дмитрия Павловича – под домашний арест (в то время как русское общество праздновало их «героический» поступок).

К концу года на российскую столицу опустилась атмосфера обреченности. «Все осознавали приближение катастрофы, у всех это было на устах», – вспоминал Роберт Брюс Локхарт^[65]. Чувство обреченности усугублялось затемнением улиц в ночное время «из-за опасений перед дирижаблями»; темнота нарушалась лишь прожекторами, которые рассекали небо

¹⁸ «Квинз» (“quinze”) – карточная игра типа «очко» (прим. пер.).

в их поисках. Россия не могла более выдерживать напор германских войск на Восточном фронте. С 1914 года было мобилизовано четырнадцать миллионов человек, потери к этому времени составляли более семи миллионов убитыми, ранеными или захваченными в плен. Тем не менее массовый призыв в армию продолжался. Везде в столице (на Марсовом поле, на Дворцовой площади, на набережных Невы) можно было постоянно видеть бесконечные колонны шагавших солдат или полевой артиллерии. Обычные россияне взирали на это со все возрастающим безразличием; «их занимала суровая, все более озлоблявшая их проблема: как добыть еды»^[66].

Для Лейтона Роджерса погода в зимнем Петрограде была «настоящим всемирным шлаком»; прибыв в российскую столицу в октябре, он почти не видел солнца, а если оно и показывалось, то где-то к трем часам дня. «Такое впечатление, что мы находимся далеко на вершине мира, за завесой белых туманов, которые пожирают его великолепие»^[67]. Когда наступил сезон снежных метелей и сильных холодов, все стали задаваться вопросом, как долго продлится нынешняя взрывоопасная ситуация, сколько еще осталось времени, до того как «очереди из дрожащих от холода женщин, с онемевшими от стужи ногами, сжимавших оцепеневшими пальцами шали на головах», выплеснут свой гнев и начнут громить продовольственные магазины^[68]. Эти очереди были повсюду, куда ни посмотри: «в них переминались с ноги на ногу, пихались, толкали друг друга; нетерпеливо, дрожащими руками тянулись за миской супа, жалобно просили добавки, выпрашивали бутылку молока для умиравшего дома ребенка, рассказывали длинные, беспорядочные, жалостливые истории о нужде, страданиях, холоде»^[69].

Оставаясь глухим к жалобам на улицах, полусвет по мере приближения Рождества пустился во все тяжкие, словно из последних сил предаваясь удовольствиям в театрах, кабаре и ночных клубах города: «Через вращающиеся двери гостиницы «Астория» текла нескончаемая вереница женщин в мехах и драгоценностях и мужчин в сверкающих мундирах. По мостам взад-вперед разъезжали лимузины, «тройки» создавали мелодию улиц, состоявшую из звуков бубенцов и скрипа стальных полозьев по снегу... Как и раньше, улицы были запружены толпами народа и трамваями, рестораны процветали. И везде все беспрестанно говорили, как говорят только в России, на земле нескончаемых разговоров»^[70].

На другом берегу Невы убогие, казарменного типа блочные многоквартирные дома в промышленной зоне Выборгской стороны 17 октября стали свидетелями крупной забастовки 20 тысяч рабочих металлургических и военных заводов. Измученные войной, болезнями, антисанитарными условиями жизни, низким уровнем заработной платы и голодом, они более решительно, чем когда-либо ранее, требовали улучшить оплату своего труда и условия работы. «Любого необычного звука, даже неожиданного заводского гудка, было достаточно, чтобы вывести их на улицы. Напряжение становилось мучительным. Все, осознанно или же бессознательно, ждали, что что-то должно произойти». В рабочих кварталах революционные настроения распространялись, «как огонь по стерне», а революционные агитаторы еще больше раздували пламя недовольства^[71]. После второй крупной забастовки, организованной 26 октября, были уволены тысячи рабочих. К 29 октября сорок восемь заводов прекратили работу, забастовку объявили 57 тысяч рабочих. Ожесточенные столкновения с полицией продолжались до тех пор, пока уволенные рабочие не были восстановлены на работе^[72].

Для многих в дипломатическом корпусе крах России казался неизбежным, и британским подданным уже было рекомендовано возвращаться на родину. Однако, хотя сэр Джордж Бьюкенен решительно предсказывал революцию, Дэвид Фрэнсис придерживался того мнения, что она не произойдет «до окончания войны», или же что, скорее всего, она случится «сразу же после окончания военных действий»^[73]. Он и его сотрудники праздновали Рождество в американском стиле (согласно российскому календарю, это было 12 декабря):

с «индейкой и рождественским пудингом»^[74]. Сэр Джордж Бьюкенен тем временем предпочел заняться более серьезными делами. Решив предпринять еще одну, последнюю попытку предостеречь царя об опасности неизбежной революции, он отправился в Александровский дворец, находившийся в пятнадцати милях к югу от столицы в Царском Селе. «Если император примет меня сидя, – сказал он перед уходом Роберту Брюсу Локхарту, – то все будет хорошо»^[75]. Когда Бьюкенен появился во дворце 30 декабря, царь принял его стоя. Тем не менее Бьюкенен сделал все от него зависящее, чтобы попытаться убедить его в серьезности ситуации в столице, и призвал его, пока еще не поздно, приложить максимум усилий для восстановления доверия к трону путем социальных и политических уступок. «От него зависело, обеспечит ли Россия себе победу и постоянный мир, либо она скатится к революции и катастрофе», – напишет сэр Джордж Бьюкенен позже. Однако Николай не внял его доводам и заявил, что его опасения преувеличены^[76]. Полчаса спустя мрачный Бьюкенен ушел. Он высказал свое мнение и теперь мог «выбросить все это из головы»^[77]. Но, как он и ожидал, он пытался давать свои советы тому, кто не желал ничего слышать. Николай не так давно еще больше настроил против себя общественное мнение, назначив министром внутренних дел Александра Протопопова, человека, отличавшегося крайне реакционными взглядами, стремившегося любой ценой сохранить самодержавие и известного дружескими отношениями с Распутиным – этот шаг побудил других министров в знак протеста коллективно уйти в отставку.

С учетом наступающего Нового, 1917 года Филу Джордану в посольстве США удалось каким-то образом добыть для праздника контрабандного российского шампанского. Закатали ковры и до самого утра устраивали танцы^[78]. Французский посол Палеолог провожал старый год на вечеринке в доме князя Гавриила Константиновича, где все обсуждали различные заговоры против трона, и «все это в присутствии слуг и гулящих женщин, слышавших все эти разговоры, в присутствии певших цыган; стоял устойчивый аромат шампанского «Moët & Chandon брют империал», которое лилось для всей компании рекой»^[79].

В гостинице «Астория» оркестр за ужином играл «Долог путь до Типперери»¹⁹, в это же время английская медсестра, став свидетелем страданий польских беженцев на пункте бесплатного питания британской колонии, раздумывала о том, как бы покинуть российскую столицу: «Мы в гостинице «Астория», и между нами и непогодой на улице – лишь хрупкое стекло; лишь хрупкое стекло – между нами и польскими крестьянами; лишь хрупкое стекло отделяет нас от бедности и держит нас в ужасной атмосфере этого места, с его порочными женщинами и его визгливым оркестром!»^[80]

Если уж даже царская тайная полиция предсказывала «самые ужасные последствия голодного бунта», становилось ясно, что это хрупкое стекло будет неминуемо разбито вдребезги^[81].

¹⁹ Маршевая песня британской армии (прим. пер.).

Часть I

Февральская революция

Глава 1

«Женщины в очередях за хлебом начинают бунт»

В ноябре 1916 года Арно Дош-Флеро²⁰, маститый журналист, работавший в известной американской газете «Нью-Йорк уорлд», прибыл в Петроград сразу же после выполнения тяжелого редакционного задания по освещению битвы при Вердене. Выходец из влиятельной семьи в Портленде, окончив юрфак Гарвардского университета, он решил обратиться к журналистике и освещал ход военных действий с августа 1914 года, когда его редактор в Нью-Йорке неожиданно предложил ему «счастливый билет»: «Как ты смотришь на то, чтобы поехать в Россию?»^[82] Однако попасть туда через охваченную войной Европу было непросто; Флеро пришлось пересечь Ла-Манш, чтобы добраться до Англии, а потом сесть на судно, направлявшееся из Ньюкасла в Берген. Затем последовало длительное железнодорожное путешествие по Норвегии и Швеции на север Финляндии, где на контрольно-пропускном пункте в городе Торнио ему пришлось до хрипоты спорить с таможенниками о том, чтобы «[его] печатную машинку пропустили беспошлинно». Когда он сел на поезд²¹, чтобы доехать до Финляндского вокзала Петрограда, таможенник попытался охладить его пыл: «Я знаю, как ваши газеты любят сенсации, но, боюсь, вы не найдете ничего такого в России». Флеро ожидал, что его командировка продлится около трех месяцев; в конечном итоге он пробудет в России более двух лет^[83].

Несмотря на то что он заблаговременно телеграфировал и забронировал себе номер в гостинице “Hotel de France”, по прибытии он обнаружил, что та была вся заселена. Ему предложили заночевать на бильярдном столе. Как он вспоминал, это оказалось достаточно трудно «и более способствовало различным размышлениям, нежели сну»^[84]. С одной стороны, он был взволнован тем, что после двух лет на Западном фронте оказался в России, с другой стороны, он совершенно ничего не знал о ней и был полон классических предубеждений:

«Я спрашивал сам себя, какие же у меня представления о России, и обнаружил, что я воспринимаю ее как весьма мрачную страну (под впечатлением романа Достоевского «Преступление и наказание»), весьма трагичную страну (в результате прочтения романа Толстого «Воскресение»), внушающую ужас (после прочтения книги Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка»²²). Я впервые за последние годы вспомнил, как няня-финка часто рассказывала нам, детям, о жестоких русских царях, которым подавали на стол отравленные яблоки, о боярах, бросавших своих крепостных на съедение волкам... У меня в голове была беспорядочная куча сведений о нигилистах с бомбами, продажных чиновниках, «Кровавом воскресенье», жестоких казаках»^[85].

²⁰ Дош-Флеро был сыном немецкого иммигранта, поселившегося в штате Орегон. Во время войны он взял фамилию своей французской матери, Флеро, чтобы избежать возможных проблем при работе корреспондентом на Западном фронте.

²¹ В Торнио на железной дороге происходила смена колес со шведской на финскую (российскую) железнодорожную систему (прим. пер.).

²² Джордж Кеннан (1845–1924) был известным американским путешественником и исследователем, автором многочисленных разоблачительных публикаций о российской уголовно-исполнительной системе в Сибири.

Признавая, что он и его коллеги-американцы «очень мало» знали о ситуации в России и плохо понимали ее, Флеро вскоре получил короткий инструктаж о том, чего следует ожидать в России, от Людовика Нодо, корреспондента французского издания «Тан», чьи донесения с русского фронта ранее произвели на него очень сильное впечатление. Нодо привел Флеро в элитный ресторан «Контантс», где он заказал копченого лосося и икры и предупредил своего коллегу, что «Россия отправляет в нокдаун всех журналистов без исключения»: «Тебя словно околдовывают. Ты понимаешь, что находишься в другом мире, и осознаешь, что недостаточно только понять происходящее: надо еще суметь изложить это на бумаге... Ты не узнаешь Россию достаточно хорошо, чтобы объяснить что-либо, пока не пробудешь здесь так долго, что станешь наполовину русским – но даже и тогда ты не сможешь никому ничего рассказать так, как следовало бы... У тебя возникнет соблазн сравнивать Россию с другими странами – не делай этого»^[86].

Арно Дош-Флеро и Людовик Нодо были отнюдь не единственными иностранными журналистами, оказавшимися в Петрограде накануне революции. Статьи корреспондента информационного агентства «Рейтер» Ги Берингера, а также журналистов Вальтера Уиффена и Роджера Льюиса из информационного агентства «Ассошиэйтед Пресс» публиковались на Западе сразу в нескольких изданиях. В Петрограде сложился кружок других (в основном британских) журналистов, в который входили, в частности, Гамильтон Файф (писал для издания «Дейли мейл»), Гарольд Уильямс (новозеландец, писавший для издания «Дейли кроникл»²³), Артур Рэнсом (писавший для газет «Дейли ньюс» и «Обзервер»), Роберт Уилтон (из издания «Таймс») – все они достаточно регулярно публиковали свои материалы, правда, как правило, без подписи²⁴. К Флеро вскоре присоединились его коллеги-американцы Флоренс Харпер, первая американская журналистка в Петрограде, и ее друг, фотограф Дональд Томпсон, – они оба работали для иллюстрированного журнала «Лесли'з уикли».

«Непотопляемый» Дональд Томпсон, родом из города Топика, штат Канзас, был щуплым, но решительным человеком ростом 160 сантиметров. Он был знаменит своими особыми галифе, кепкой, «кольцом» на поясе и камерой, которую носил с собой повсюду. Он восемь раз пытался попасть на Западный фронт в качестве военного фотокорреспондента – и каждый раз военная администрация возвращала его назад, конфискуя его пленки или камеры. В конце концов Дональд Томпсон все же попал на фронт и снимал боевые действия под Монсом, Верденом и на Сомме, а также на многих других направлениях – и нелегально отправлял свои пленки в Лондон или Нью-Йорк. Он приехал в Россию в декабре 1916 года вместе с Харпер (хотя его предупредили, что «их здесь ожидают большие неприятности»), имея дополнительное задание отснять материал для кинокомпании «Парамаунт»^[87].

Как и многие американцы, оказавшиеся в России впервые, Дональд Томпсон, Флоренс Харпер и Арно Дош-Флеро, а также другие, следовавшие за ними, «приезжали в Петроград с торжествующим видом, преисполненные всепобеждающим, всезнающим американским оптимизмом». Но «постепенно погода, русская хандра и серьезность происходившего подрывали их дух»^[88]. Чтобы добраться до Петрограда, Харпер и Томпсон выбрали альтернативный маршрут в Россию: на судне через Тихий океан в Японию, а оттуда в Маньчжурию, откуда они добирались уже Транссибирской железной дорогой. С ними были громоздкие камеры и тренога Томпсона и весьма объемный (и в основном неподходящий) гардероб Харпер. Томпсон весело отмечал, что «Флоренс Харпер, с учетом размеров ее багажа, пришлось дополнительно купить шесть железнодорожных билетов»^[89]. Прибыв в Петроград 13

²³ Статьи Гарольда Уильямса публиковались также в изданиях «Дейли телеграф» и «Нью-Йорк таймс».

²⁴ Многие статьи обозначались просто: «От нашего корреспондента в Петрограде» – или как-то в этом роде, и сейчас уже трудно восстановить авторство и отдать должное тем британским и американским журналистам, которые писали с места событий во время революции.

февраля 1917 года в час ночи, они направились в гостиницу «Астория», служившую маяком для всех иностранцев, только чтобы услышать, что мест нет. После долгих уговоров Харпер предоставили «такой крошечный закуток, что там не помещалась даже ее ручная кладь»^[90]. Томпсон же был вынужден провести свою первую ночь, скитаясь в пургу по промерзшим улицам, пока он не нашел дешевую третьеразрядную гостиницу.

Найти жилье в столице было теперь чрезвычайно сложно. Специальный атташе посольства США Джеймс Хоктелинг отмечал, что «все гостиницы переполнены, и какой-либо дом или квартира, появляющиеся на рынке, сдаются в аренду в течение двадцати четырех часов. Гости вынуждены спать в банкетных залах и в коридорах гостиниц, невозможно принять ванну до девяти часов утра или после девяти часов вечера, потому что какие-то несчастные ночуют во всех ваннных комнатах». Приехав в столицу в январе 1917 года, он отметил, что в гостинице, в которой он поселился, стоял запах, «словно в третьеразрядной мебелирашке в Чикаго»^[91].

Острая нехватка жилья в столице была вызвана в основном тем, что Германия в середине января пригрозила, что ее подводные лодки будут торпедировать даже суда нейтральных государств. В результате основные пассажирские и грузовые морские терминалы переместились из Норвегии и Швеции в Россию, и многие иностранные граждане и путешественники невольно оказались в Петрограде. «Сотни людей дожидаются, чтобы вырваться отсюда, а еще сотни ждут в Швеции и Норвегии», – писала шотландская санитарка Этель Мойр^[92]. Приехав в январе 1917 года с румынского фронта в Петроград вместе со своей коллегой, медсестрой Лилиас Грант, она обнаружила, что их выгрузили с поезда «прямо в большой сугроб». С вещмешками за спиной они с трудом нашли дрожки и затем смогли лишь на одну ночь приютиться в гостинице, подремав на голом полу^[93]. Проведя следующий день в бесплодных поисках, они обратились к преподобному Босфилду Свану Ломбарду в англиканской церкви, которому удалось обеспечить им комнаты в Британском доме для престарелых. Для них было истинным удовольствием после сурового быта полевых госпиталей провести вечер с преподобным Ломбардом, наслаждаясь «настоящим английским каминном, удобными креслами, горячими тостами с маслом». Это были «такие же восхитительные предметы роскоши», как и возможность вновь поспать «на настоящих кроватях на настоящих простынях». Однако они беспокоились о том, как им попасть домой. «Проще попасть в Россию, чем выбраться из нее! – писала Этель Мойр. – А судя по тому, что мы здесь слышим, через некоторое время это станет сделать еще сложнее: везде ходят слухи о революции, об этом говорят все»^[94].

В ожидании возможности покинуть российскую столицу и вернуться в Великобританию Этель Мойр и Лилиас Грант посетили леди Джорджину Бьюкенен и ее дочь Мэриэл и узнали о неустанной благотворительной работе, проводимой в Петрограде представителями британской колонии, в частности в отношении тысяч беженцев, укрывающихся здесь от ужасов войны. Они прибывали на Варшавский вокзал, проводя несколько дней в жуткой тесноте в грузовых вагонах, а затем направлялись в грязные временные деревянные бараки неподалеку. Эти строения с тремя или четырьмя рядами коек были чуть больше сараев, в каждом размещалось от двухсот до трехсот человек. Другие беженцы ютились на самой станции, которая представляла собой насквозь продуваемый открытый ангар, спали на холодных каменных полах или забирались в пустые грузовики и товарные вагоны. Некоторые теснились в сырых подвалах без окон. Болезни были обычным делом, особенно часто случались вспышки заболеваний корью и скарлатиной. Везде, где ни посмотри, «весь день вповалку лежали беженцы с потухшими глазами, оцепеневшие в душном зловонии»^[95].

Вид такого количества несчастных детей в нищенской одежде и зачастую без обуви, чьи тела и волосы кишели вшами, вызвал у англичан приступ благотворительной активности. Дважды в день к специально организованному раздаточному пункту выстраивались

очереди беженцев, дрожавших в своих лохмотьях в ожидании медного жетона, подтверждавшего их право на кусок черного хлеба и миску овсянки. Эти порции «выдавались им суматошными дамами британской колонии», во главе которых – как всегда – была доблестная леди Бьюкенен^[96]. Пожертвования в виде одежды и обуви для беженцев сортировались в британском посольстве другими группами добровольцев из числа дам, которых она привлекала к этой деятельности также в принудительном порядке. Как вспоминала ее дочь Мэриэл, комната, используемая для этой цели, «поразительно напоминала барахолку»^[97]. Недовольная своей работой в посольстве и на раздаточном пункте для беженцев, леди Бьюкенен стала также курировать роддом для польских беженцев в Петрограде, который был открыт медсанчастью Миллисент Фосетт в России – при существенной помощи со стороны Комитета по делам беженцев великой княжны Татьяны (Комитет был так назван в честь второй дочери российского императора Николая, которая являлась его почетным председателем).

Назначив сама себя гранд-дамой по организации деятельности британской колонии в военное время, леди Бьюкенен была несколько обескуражена, когда на ее территорию посягнула соперница в облике хрупкой и болезненной, но склочной и решительной леди Мюриэл Пэджет. Страстная филантропка, девять лет руководившая работой столовых для бедных в нищих районах Лондона, леди Мюриэл принадлежала, как и супруга посла, к верхушке аристократии: она была дочерью графа Уинчилси и супругой баронета^[98]. Услышав об ужасных потерях русской армии на Восточном фронте, леди Мюриэл провела и реализовала через группу своих сторонников в Великобритании (в числе которых была и Королева-Мать Александра) идею о создании в России под эгидой Красного Креста Англо-русского госпиталя^[99]. Являясь его главным организатором, она возглавила медперсонал госпиталя, состоявший из хирургов, врачей, санитарок, двадцати дипломированных медицинских сестер²⁵ и десяти сестер милосердия. У нее были также планы создать в России еще три полевых госпиталя. Англо-русский госпиталь в Петрограде финансировался за счет пожертвований британской общественности и располагал койко-местами на 180 раненых (могло поместиться и двести человек, если сдвинуть койки вплотную). Уступив уговорам сэра Джорджа Бьюкенена, свой дворец в стиле необарокко предоставил госпиталю на время войны великий князь Дмитрий Павлович.

Расположенный под номером 41 на Невском проспекте, на углу Аничкова моста напротив дворца вдовствующей императрицы на Фонтанке, дворец представлял собой красивое темно-розовое здание с лепниной, с пилястрами и бордюром кремового цвета, но его пригодность в качестве госпиталя оставляла желать лучшего²⁶. Его система канализации была крайне устаревшей, а водопровод отсутствовал^[100]. Пришлось в срочном порядке обеспечивать здание ваннами и туалетами, одновременно перестраивая позолоченный концертный зал с высокими потолками и две смежные просторные гостиные в больничные палаты. В других разделенных перегородками помещениях оборудовали операционную, рентгенологическое отделение, лабораторию и стерилизационную комнату. Прекрасные паркетные полы во дворце накрыли линолеумом, а гобелены, стенную драпировку из дамасского шелка и лепнину с изображением херувимов зашили фанерой.

Новый Англо-русский госпиталь, над парадной дверью которого был гордо поднят флаг Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, более крупный и лучше

²⁵ Дипломированные медицинские сестры являлись сестрами Красного Креста, в основном из госпиталей Сент-Томас и Сент-Бартс в Лондоне.

²⁶ Построенное в восемнадцатом веке и известное в качестве дворца Белосельских-Белозерских, это здание было реконструировано в девятнадцатом веке и в 1883 году куплено великим князем Сергеем Александровичем и его женой Эллой, сестрой императрицы. После того как великий князь в 1905 году был убит, его жена приняла постриг и подарила дворец великому князю Дмитрию Павловичу, который сохранил здесь для себя частные апартаменты на первом этаже. Именно здесь он с Феликсом Юсуповым укрылись, все в истерике и в крови, после того как убили Распутина.

финансируемый, неизбежно затмил руководимый леди Бьюкенен скромный госпиталь британской колонии на Васильевском острове с его сорока двумя койками для солдат и восемью койками для офицеров^[101]. Он был официально открыт 18 января 1916 года вдовствующей императрицей и двумя старшими дочерьми императора, Ольгой и Татьяной, в присутствии других великих княгинь и князей, а также семьи Бьюкененов. Леди Бьюкенен позировала для обязательной групповой фотографии в большой шляпе и в мехах, однако при этом не скрывала своего негодования. «Я не имею ничего общего с Англо-русским госпиталем, – жаловалась она впоследствии своей невестке, – поскольку леди Мюриэл Пэджет строго проследила за тем, чтобы я оставалась в стороне»^[102]. И это было правдой, так как леди Джорджина была полностью поглощена своей гуманитарной деятельностью, которая распространилась даже на организацию в феврале благотворительного представления “Lady Huntworth’s Experiment” («Испытание леди Хантворт») лондонской труппы миссис Уоллер, совершавшей турне по Европе, – все вырученные средства пошли на приобретение «теплой одежды для российских солдат»^[103].

Той зимой леди Джорджина была вездесуща: она не только работала в посольстве и на раздаточном пункте для беженцев, но также занималась сортировкой больничного имущества на складе Красного Креста и оказывала помощь русским военнопленным, вернувшимся домой. «Я раздавала рубашки, носки, табак и проч. почти 3000 человек; кроме того, я передала им всю одежду для их жен и детей. Они так благодарили меня в своих письмах!» – отмечала она в письме домой. Однако к началу 1917 года она жаловалась, что «не может выкроить ни минутки, чтобы присесть, а что касается того, чтобы почитать или позволить себе какую-либо другую подобную роскошь, об этом нельзя даже подумать». Ее госпиталь был переполнен. Ни одна койка не пустовала более суток; «в действительности, каждый день нам названивали по телефону, интересуясь, не можем ли мы принять еще раненых;...у нас уже кончается все необходимое»^[104]. Англо-русский госпиталь также энергично осаждали. Едва открывшись, он до отказа заполнился тяжелыми пациентами, у многих из них были ужасные гнойные раны. В основном это стало результатом газовой гангрены, которая была настоящим бичом (по оценке хирурга Джеффри Джефферсона) русских войск на передовой. Запах от гнойных ран был ужасен, многих раненых доставляли до Петрограда с фронта четыре или пять дней. И было слишком холодно, чтобы для проветривания держать окна открытыми более нескольких минут^[105].

Дороти Сеймур, английская сестра милосердия, которую перевели в Англо-русский госпиталь после ее работы в качестве медсестры на Западном фронте, пришла в немалое замешательство, оказавшись в Петрограде. Город «очень неприятно пах, был очень большим и очень непохожим на город военного времени, в отличие от Лондона»^[106]. Война, казалось, была где-то очень далеко, наряду с этим она остро почувствовала социальную напряженность. «Здесь интересуются политикой, но чрезвычайно трудно получить представление о ней, поскольку царит страшная неразбериха», – писала она матери. Тем не менее ей и другим сестрам милосердия повезло: «Поскольку мы из Красного Креста, нас очень хорошо кормили»; они даже могли позволить себе роскошь иметь «бутылки с горячей водой ночью и горячую воду утром»^[107]. Так как Дороти была дочерью генерала и внучкой адмирала, а также занимала почетную должность при дворе в качестве фрейлины принцессы Кристиан²⁷, у нее были очень хорошие связи. Супруга посла не произвела на нее никакого впечатления. «Леди Дж. Б. весьма переборчива насчет того, кого она приглашает в свой дом, и у нее очень занудные домочадцы, поэтому никто не обращает на нее особого внимания», – сообщала Дороти матери. По-видимому, чванливая леди Бьюкенен «не включила в свой список сестер милосердия», приглашая гостей к себе на чай, поэтому Дороти Сеймур использовала свои

²⁷ Дочь королевы Виктории, принцесса Елена, была замужем за принцем Кристианом Шлезвиг-Гольштинским.

собственные связи в петроградском обществе, посещая балет и оперу, чтобы увидеть Шалепина в роли Бориса Годунова, и почти каждый вечер ужиная с британскими военно-морскими и военными атташе (и отмечая при этом с удивлением, что в Петрограде военного времени «нет никаких изменений в отношении ужинов»). По ее мнению, ей повезло, так как ее работа в перевязочной Англо-русского госпиталя была «легкой». Русский тяжело давался ей, но и для многих других сестер милосердия (которые скучали по английскому джему “Cross & Blackwell” и были вынуждены делить друг с другом тесные, неудобные квартирники или целыми часами упаковывать бинты в госпитале Зимнего дворца, вместо того чтобы ухаживать за ранеными) Петроград стал серьезным испытанием^[108].

У восемнадцатилетней подруги Дороти Сеймур, сестры милосердия Энид Стокер²⁸, развлекаться не было возможности. Она была поражена теми страданиями, которые испытывали раненые, – и в равной мере она была восхищена их стоицизмом на краю смерти и их простой крестьянской верой, которая проявлялась в частых молитвах перед иконами, висевшими по углам их палат. Они много пели и играли на балалайке, по-детски благодарили ее, что ее весьма трогало, но некоторые ее истории просто разрывали сердце^[109]. Так, она вспоминала одного молодого солдата, Василия из Сибири, у которого были ампутированы обе ноги. Однажды он лежал на своей койке с кульями на подушке, «когда в палату зашел старый крестьянин. Он проделал путь неведомо как, в тысячу миль, чтобы встретиться со своим сыном». Однако как только он увидел его, он начал кричать, «слезы потекли у него по щекам». Стокер ужаснуло то, что, по словам переводчика, старик проклинал юношу: «Почему он *не умер*? Тогда они получили бы за него небольшую пенсию – а сейчас он для них непосильное бремя. Как он теперь сможет работать в поле? Для них это еще один дармоед, которого надо кормить, а они и так уже почти голодают»^[110].

В России к этому времени насчитывалось уже более 20 000 вернувшихся с фронта солдат, потерявших руки или ноги. Дороти Сеймур была довольна своей работой, устраивая для этих калек прогулки в дрожках по заснеженному Петрограду и угощая их чаем^[111]. Некоторые из них никогда не покидали своих деревень, пока не были мобилизованы, и после нескольких месяцев, проведенных в госпитале, еще не видели столицы. Для Дороти Сеймур это было все же лучше, чем весь день сидеть и готовить бинты. К большой досаде леди Бьюкенен, Дороти Сеймур (благодаря своему положению при британском дворе и ее родственным связям с тетей императрицы, принцессой Еленой) получила личное приглашение императрицы посетить ее в Царском Селе. Разве она могла отказаться от возможности увидеть женщину, «которая вершила историю и которой предстояло войти в историю»^[112]? Эти слова были гораздо более пророческими, чем Дороти Сеймур могла себе представить.

К январю 1917 года петроградская зима измучила всех в госпитале. Помощница леди Пэджет, леди Сибил Грей²⁹ (еще одна аристократка из семьи, занимавшей в обществе высокое положение; она была дочерью бывшего генерал-губернатора Канады), считала, что русскую зиму трудно переносить^[113]. «Здесь солнце не светит, как в Канаде, – написала она в своем дневнике. – Если у таких, как мы, комнаты редко прогреваются выше 50 градусов³⁰, то как же холодно должно быть у бедняков?» Тем не менее город мог еще по-прежнему производить сильное впечатление: Исаакиевский собор, который был виден из госпиталя, «недавно полностью покрылся снегом и смотрится очень красиво, колонны и все остальное

²⁸ Энид Стокер была племянницей Брэма Стокера, автора романа «Дракула».

²⁹ «Весьма милая и благоразумная женщина, которая стоит 17 леди Мюриэл, – отзывался о ней хирург Англо-русского госпиталя Джеффри Джефферсон. – Всем здесь уже достаточно надоела леди М., поскольку у нее появляются весьма глупые идеи и она всегда хочет чего-то нового». Триумвират в лице леди Сибил Грей, леди Мюриэл Пэджет и леди Джорджины Бьюкенен окажется неустойчивым; как описывала их одна из медсестер, это были «грозные, смелые, исполненные сознанием своего долга и решительные соперницы».

³⁰ По Фаренгейту, что соответствует 10 градусам по Цельсию (прим. пер.).

выглядят, словно молочный алебастр, бронзовые статуи на фоне белого, и все это увенчано золотым куполом. Два прекрасных тонких изящных золотых шпиля ловят все проблески солнечного света»^[114]. При всех вынужденных лишениях Сибил Грей (как и другие медсестры в Англо-русском госпитале) признавала, что было нечто волнующее и пьянящее там, где она оказалась: «Я бы сейчас ни за что не уехала из России». Она была уверена, что недавнее убийство Распутина являлось прелюдией к чему-то гораздо более драматичному. «Не правда ли, любопытно, что чего-либо крайне важного и значительного можно достичь лишь путем интриг и убийств, – писала она домой, имея в виду убийство Распутина близкими членами царской семьи, князем Феликсом Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем. – Можете ли вы представить себе, чтобы Теки, Коннахты³¹ и др. совершили нечто подобное в Англии?»^[115]

В то время как Дороти Сеймур была заинтересована в том, чтобы остаться и наблюдать за дальнейшим развитием событий, в другом районе Петрограда другие британские граждане, такие как медсестры Лилияс Грант и Этель Мойр, отчаянно пытались выбраться домой. Британский консул Артур Вудхаус, чья канцелярия находилась на Театральной площади возле Мариинского театра, с самого начала войны был чрезвычайно занят, помогая британским подданным, оказавшимся в затруднительном положении на просторах России, от Балтики до Урала, вернуться на родину. «Масса людей желала поехать домой, с учетом беженцев с территорий, захваченных немцами, это вскоре превратилось в бурный поток», – вспоминала его дочь Элла. Она отмечала, что многие из них «в начавшемся хаосе потеряли свою работу, как, например, сотни гувернанток, состоявших ранее в услужении у состоятельных семей по всей стране... Проведя нескольких лет за границей, эти несчастные женщины теперь возвращались на свою родину, причем у многих из них не было дома, куда можно было бы вернуться». Это было печальное зрелище; «многие из них приходили все в слезах, поэтому мы называли их классом Б.Б.Б. (беспомощных, безнадежных, бесправных)»^[116].

Дипломатический корпус, в условиях роста объема работы и предсказаний неизбежных социальных потрясений, продолжал свою деятельность. Первый день российского Нового года (в этот день стояла сильная стужа) ознаменовался блистательным приемом восьмидесяти представителей дипломатического корпуса в зале Екатерининского дворца в Царском Селе. В то время как посол США Дэвид Фрэнсис (наряду с другими девятью сотрудниками своего посольства) пренебрег официальной дипломатической атрибутикой: бриджами, обувью с пряжками и шляпой с плюмажем, отдав предпочтение фраку и воротнику-стойке, остальная часть дипломатического сообщества прибыла при полном параде, на «роскошном» поезде специального назначения, который был предоставлен дипломатам^[117]. С него они перегрузились в сани с меховой полостью и помчались на них сквозь круживший снег, мимо замерзших деревьев парка, под звон бубенцов. По мнению американского дипломата Нормана Армора, для того чтобы добиться полного сходства с классическим русским сценарием, не хватало лишь «воя волков»^[118]. «Перед нами предстала заколдованная страна, полная чудес, – писал французский дипломат Шарль де Шамбрюн. – Изысканно украшенный фасад дворца ждал гостей, подсвеченный тысячью огней в полукружье снежной белизны». Тем не менее он (как и многие его коллеги-дипломаты) задался вопросом: «После всего того, что произошло, и всего того, что говорили, и с учетом всего того, что надвигалось на нас, как мы должны были относиться к хозяину всего этого великолепия?»^[119]

«Избавившись от несметного количества верхней одежды», собравшиеся дипломаты дождались, когда двойные двери гостиной в красном цвете с позолотой распахнулись двумя высокими привратниками-эфиопами в чалмах, и их «ввели в самый величественный зал, который я когда-либо видел, с бесконечными золотыми зеркалами и бесчисленными элек-

³¹ Аристократические семьи, тесно связанные с британской королевской семьей.

трическими огнями», как вспоминал Дж. Батлер Райт. Затем они были в порядке старшинства организованы в группы, расположившиеся за своим «дуайеном» сэром Джорджем Бьюкененом и его сотрудниками, и в зал вошел император Николай II, одетый в простую серую казацкую черкеску, чтобы поприветствовать их. В течение двухчасового приема он доброжелательно, с присущей ему улыбкой и рукопожатиями, беседовал на превосходном английском и французском языках. «Он спросил меня, как долго я нахожусь в России, как мне здесь нравится, не страдаю ли я от холода, и пообещал, что летом будет прекрасная погода», – вспоминал Райт^[120]. Император Николай был мастером подобных пустых любезностей; он почувствовал себя явно некомфортно, когда сэр Джордж Бьюкенен воспользовался возможностью, чтобы попытаться убедить его в «необходимости решительного наступления на Восточном фронте, чтобы снизить давление немецких войск на Западном». По оценке Нормана Армора, это был неуместный шаг со стороны британского посла в ходе такого чисто светского мероприятия: «Я видел, как император мял свою каракулевую шапку, выдавая раздражение, нарастающее по мере продолжения речи Бьюкенена»^[121].

Во всех остальных случаях реакция императора во время бесед была вполне обыденной, его взгляд – доброжелательным, но пустым. По мнению Шарля де Шамбрюна, было ясно, что он «не проявлял большого интереса к ответам своих собеседников»^[122]. Посол Дэвид Фрэнсис, плененный внешним очарованием императора, не смог заметить его изнеможения: «Мы все были поражены радушием Его Величества, его выдержкой и его несомненным отличным физическим состоянием, а также живостью его высказываний», – отметил он в своем дневнике. По его мнению, император «предоставил возможность убедиться, что он вполне уверен в себе», причем до такой степени, что американский посол был рад выйти «покурить» с военно-морским атташе США Ньютоном Маккалли, с которым он предпочел говорить о «свержении Порфирио Диаса³² в Мексике», а не о ситуации в России^[123]. Однако Райт, как его коллега Армор, полагал, что император Николай «казался очень нервным, его руки постоянно ерзали». Французский посол Палеолог был с этим согласен: «бледное тонкое лицо» Николая «выдавало сокровенную суть его тайных мыслей»^[124].

В целом, это было впечатляющее мероприятие, многие участники которого в последующем описывали его в своих воспоминаниях, включая Дэвида Фрэнсиса, который охарактеризовал его как «блеск и величие умирающей эпохи»^[125]. «Вряд ли кто-либо из нас осознавал, что мы являлись свидетелями последнего публичного появления последнего правителя могущественной династии Романовых», – напишет он позже в своих мемуарах; император, казалось, не имел ни малейшего представления о том, что «он находится на краю вулкана»^[126]. У Шарля де Шамбрюна сложилось впечатление, что император Николай «был больше похож на какой-то автомат, требующий подзаводки, чем на самодержца, способного подавить любое сопротивление»^[127]. Посол Палеолог также выявил признаки утомления и предчувствия беды: «Во всем блестящем и сверкающем царском зале не было ни одного лица, которое не выражало бы беспокойства». Насладившись хересом и сэндвичами и «щедро, не скупясь» дав на чай прислуге, дипломатический корпус отправился обратно в Петроград^[128]. Спустя несколько часов Райт пил водку и обедался икрой и другими деликатесами в квартире Армора на Литейном, празднуя Новый год. В последующие дни Райт наслаждался поездками в переполненный Мариинский театр, где он вместе с Мэриэл Бьюкенен смотрел балет Чайковского «Евгений Онегин», бриджем с княгиней Чавчавадзе («достаточно блестящая компания»), ужином в «Кафе де Пари» и катанием на коньках в элитном частном клубе, где представителям дипломатического корпуса «всегда были открыты все двери»^[129]. На краю вулкана стоял не только русский царь – это относилось и к большей

³² Порфирио Диас – президент Мексики, отстранен от власти в результате государственного переворота в 1911 году, умер в изгнании в 1915 году.

части дипломатического корпуса, и к ослепшему сибаритствующему российскому высшему обществу.

Через восемь дней после приема у царя высокопоставленная делегация союзников (британцев, французов и итальянцев) во главе с лордом Мильнером, видным членом военного кабинета Дэвида Ллойда Джорджа, прибыла в Петроград на крупную конференцию, призванную укрепить продолжавшееся сотрудничество с Россией и предотвратить ее выход из войны. Иностранная диаспора выразила надежду на обязательный банкет за казенный счет, который ожидался в честь такого визита, но в день прибытия делегации в столицу 150 000 рабочих вышли на забастовку и организовали шествие в память о массовом убийстве мирных демонстрантов, произошедшем в этот день двенадцать лет назад. Угнетенный рабочий класс Петрограда никогда не забывал о «Кровавом воскресенье» 1905 года. Напряженность в столице росла.

Царский бюрократический аппарат, однако, был больше озабочен размещением гостей в связи с острой нехваткой жилья в Петрограде, которая только обострилась с приездом делегации. На время забрали номера у постояльцев первого этажа переполненной гостиницы «Европейская», однако обнаружилось, что «их *некуда* переселять и что невозможно найти мест ни за какую цену»^[130]. Помпезные официальные банкеты продолжались три недели, вызвав у уставшей столицы некоторый подъем духа. «На какое-то время можно было представить себя в предвоенном Санкт-Петербурге», – вспоминала Мэриэл Бьюкенен. Она оставила одно из наиболее ярких описаний блистательного светского водоворота: «Внезапно город охватило веселье. По улицам проносились экипажи двора с красивыми ухоженными лошадьми и императорскими ливреями малинового и золотого цветов. Перед гостиницей «Европейская», в которой разместились участники делегации, в любое время суток стояла бесконечная вереница автомобилей. Каждую ночь устраивались ужины и танцы, большая царская ложа во время балета была заполнена французскими, английскими и итальянскими мундирами»^[131].

Николай II в очередной раз показался на торжественном ужине в Царском Селе с официальным любезным лицом, предназначенным для публики; сэр Джордж Бьюкенен сидел по правую руку от него. Собравшиеся делегаты конференции дружно участвовали в этом спектакле, делая «бессмысленные замечания по поводу Антанты, войны и победы». Николай, как всегда, был в беседах «расплывчат» и после череды обязательных и тусклых реплик удалился с улыбкой на лице^[132]. Императрица, ведущая затворнический образ жизни, как обычно, отсутствовала. Таким образом, дамам, главенствовавшим в петроградской аристократии (в лице великой княгини Марии Павловны и графини фон Ностиц, американской авантюристки, вышедшей замуж за аристократа³³), была предоставлена возможность организовать для делегации другие развлечения на широкую ногу. При этом графиня фон Ностиц утверждала, что ей было поручено 6 февраля провести прием в своем доме, поскольку «императрица была слишком больна, чтобы принимать гостей у себя во дворце». Это мероприятие оставит у самой графини непреходящее впечатление: «Вечер этого последнего великолепного приема навсегда остался в моей памяти. Мне достаточно закрыть глаза, чтобы вновь увидеть нашу розовую с позолотой гостиную с ее великолепными старыми семейными портретами и изысканными гобеленами, переполненную этими замечательными гостями. Весь двор, сливки петроградского общества, триста его величайших имен, весь дипломатический корпус со своими женами, члены делегации: лорд Мильнер, один из самых известных

³³ Ее настоящее имя Лилли (Мадлен) Бутон. Дочь рабочего зернового элеватора из штата Айова и в последующем актриса в американской театральной труппе, которая давала представления в США и ездила с различными репертуарами по Европе, она очаровала чрезвычайно состоятельного графа Григория Ивановича Ностица, военного агента России во Франции, и вышла за него замуж; он был вторым из трех ее мужей из числа аристократов.

министров Англии, лорд Брук, сэр Генри Уилсон, лорд Клайв, лорд Ревелсток, сэр Джордж Клерк, герой Франции генерал [Ноэль] де Кастельно, члены итальянской делегации, Гастон Думерг – все они были там в тот вечер»^[133].

Визит делегации подошел к концу, но никто не тешил себя иллюзиями, не надеялся на какие-либо серьезные политические результаты. Роберта Брюса Локхарта «нескончаемая праздничная круговерть» оставила равнодушным; позже он отметил, что «редко когда в истории великих войн столько важных министров и генералов покидали свои страны ради столь бесполезного поручения». Посол Палеолог придерживался того же мнения: конференция затянулась на три «бессмысленные» недели, «все дипломатическое словоблудие не дало никакого практического результата». Он задавался вопросом: какой был смысл для союзников посылать России огромное количество вооружения – «пушек, пулеметов, снарядов и самолетов», – если у нее не было «ни средств доставить его на фронт, ни желания воспользоваться им?»^[134]

По признанию лорда Мильнера, он также считал, что эта поездка была пустой тратой времени, что он лишь осознал «неспособность русских» добиться чего-либо и решил, что Россия была обречена – как дома, так и на фронте. Наряду с этим существовало «общее согласованное и обоснованное мнение союзников и России», что «до окончания войны не будет никакой революции»^[135]. Морис Палеолог, однако, видел ситуацию по-другому. Когда французские делегаты уже были готовы вернуться домой, он поручил им передать в Париже президенту страны следующее: «Революционный кризис в России уже близок... Каждый день российский народ все более равнодушно относится к войне, настроения анархии распространяются среди всех классов и даже в армии». Октябрьские забастовки на Выборгской стороне, по мнению Палеолога, были «весьма знаменательны», поскольку, когда начались столкновения между бастующими рабочими и полицией, 181-й запасной пехотный полк, направленный для поддержки полиции, фактически повернул оружие против нее. Власти были вынуждены «срочно прибегнуть к помощи казаков, чтобы обуздать мятежников». Палеолог предупредил, что в случае начала восстания «власти не смогут рассчитывать на армию». Он пошел еще дальше: союзники должны быть также готовы к вероятному «дезертирству нашего союзника» – его выходу из войны, что приведет к изменению его роли в удержании Восточного фронта^[136]. Сэр Джордж Бьюкенен был теперь до такой степени охвачен нараставшим чувством неизбежной катастрофы, что сообщил в Лондон в Министерство иностранных дел Великобритании: «Россия, по моему мнению, будет не в состоянии встретить четвертую зимнюю кампанию, если теперешнее положение дел сохранится и дальше». Какие-либо серьезные беспорядки, «если их не удастся избежать, произойдут по причинам скорее экономического, чем политического, характера». И начнутся они «не рабочими на предприятиях, а толпами, стоящими на морозе в очередях у продовольственных лавок»^[137].

В феврале количество муки, ежедневно доставляемой в Петроград, сократилось до двадцати одного вагона, тогда как для нормального обеспечения столицы было необходимо 120 вагонов в день. Так называемый белый хлеб «становился все более серым, пока не превратился в несъедобный» – из-за обилия примесей. Бесхозяйственность властей, коррупция и растрата ресурсов были просто чудовищными, это усугублялось плачевным состоянием железных дорог, неспособных обеспечить доставку продовольствия из провинции (где его пока еще было вполне достаточно) в города, которые остро нуждались в нем. Жители столицы были возмущены, узнав, что из-за резкого повышения цен на овес и сено бо́льшая часть черного хлеба, основного продукта питания бедняков, скармливалась 80 000 лошадям Петрограда, чтобы те не умерли с голода: «каждая лошадь съедала черного хлеба на десятерых»^[138]. Сахара теперь было так мало, что многие кондитерские магазины пришлось закрыть. Ходили слухи о том, что большое количество продовольствия пропадает, что «миллионы фунтов дешевой говядины из Сибири» брошены гнить на железной дороге:

«Мало кто из рабочих военных заводов, чьи жены или дети проводили основную часть своего времени в очередях в хлебный магазин, не слышал о «рыбных кладбищах» Астрахани, где были похоронены тысячи тонн испорченного каспийского улова; все слышали о «сахарных реках», которые, как видели проезжавшие, струились из плохо закрытых сахарных складов в крупных свекловодческих районах на юге России и в Подолье³⁴»^[139].

«В то время как мы подслащивали чай джемом, а рабочие пили его несладким, – писал американский чиновник Филип Шадборн, инспектировавший лагеря для интернированных немцев в России, – все знали, что в стране было полным-полно зерна, а в провинциальных городах – муки»^[140]. Опубликованное 19 января 1917 года официальное заявление о предстоящем нормировании хлеба (всего лишь по одному фунту³⁵ на человека в день) привело к тому, что его стали панически раскупать. В очередях в хлебные магазины теперь стояли так долго, что стали нередки случаи переохлаждения. Те, кому повезло хоть что-то получить, спешили прочь, «крепко прижимая к себе теплую буханку купленного хлеба в тщетной попытке хоть немного согреться о нее»^[141].

Испытывали определенные лишения даже иностранцы, хотя зачастую это была фигура речи. «Мы сейчас в такой нужде, что ветчина или бекон нам милее, чем букет орхидей», – жаловался американский дипломат Дж. Батлер Райт. И добавлял: «То же относится и к виски». Он был вне себя от радости, когда из Вашингтона прибыл курьер с двадцатью семью мешками с почтой, а также «беконом, листерином³⁶, виски, диоксигородом³⁷, мармеладом, газетами и т. п.»^[142]. Пытаясь согреться в своем гостиничном номере, фотограф Дональд Томпсон все еще мог заказать себе кофе, «но это был кофе только по названию, а хлеб не был хлебом даже в принципе». Он признавался, что «начинал ощущать муки голода – даже в гостинице “Астория”»^[143].

Голод усиливался с учетом минусовой температуры, которая влияла на поставки в город топлива по железной дороге. Лодки на Неве были изрублены на дрова, предпринимались и более радикальные шаги: «глухой ночью» жители столицы крадучись пробирались на ближайшее кладбище, «чтобы нагрузить мешки деревянными крестами с могил бедняков» и пустить их дома на растопку^[144].

В столице прошла очередная волна забастовок. На этот раз полиция решила действовать наверняка. По приказу министра внутренних дел Протопопова на крышах крупных зданий по всему городу, в частности вдоль главной улицы, Невского проспекта, были тайно установлены пулеметы. Дж. Батлер Райт 9 февраля отмечал усиление напряженности в столице: «Казачи вновь патрулируют город в связи с угрозой забастовок – а также с учетом того, что женщины в очередях за хлебом начинают бунтовать: они стоят с 5 часов утра, магазины открываются в 10 утра, а на улице двадцать пять градусов ниже нуля»^[145].

Дж. Батлер Райт располагал достоверной информацией о том, что «на день открытия Думы был намечен социалистический мятеж». В ожидании этого в Петроград было стянуто 14 000 казаков, которые должны были поддержать армейские запасные части и подразделения^[146]³⁸. Они патрулировали улицы Петрограда 14 февраля, когда Дума открылась после рождественских каникул, но ожидавшихся волнений не произошло. Заседания Думы в переполненном Таврическом дворце проходили в атмосфере уныния, а не конфронтации. Считая,

³⁴ Историческая область на Украине (прим. пер.).

³⁵ Русский фунт равен 0,41 кг (прим. пер.).

³⁶ Листерин – антисептическое средство для полоскания рта и горла (прим. пер.).

³⁷ Диоксигород в то время, очевидно, использовался для отбеливания зубов.

³⁸ К тому времени большинство армейских частей и подразделений в Петрограде были запасными, наиболее боеспособные части и подразделения регулярной армии были направлены на фронт, в результате чего в столице находились в основном неопытные призывники, некоторые из которых были из числа забастовщиков, призванных в армию в качестве наказания.

что кризис на данный момент был преодолен и что теперь обстановка позволяла спокойно «взять короткий отпуск», измученный сэр Джордж Бьюкенен вместе со своей женой отправился в столь необходимый для него десятидневный отдых на дачу своего друга-англичанина, находившуюся на небольшом острове Варпасаари в Финляндии^[147].

Глава 2

«Невинному пареньку из Канзаса здесь не место»

В субботу, 18 февраля 1917 года, увольнения рабочих на крупном Путиловском военном заводе, расположенном в южной части города, привели к забастовке в ремонтном цехе. Вскоре к ним примкнули остальные рабочие, а руководство завода ответило массовыми увольнениями. Десятки тысяч безработных толпились на улицах, а представлявшие печальное зрелище очереди к хлебным магазинам становились все длиннее. Флоренс Харпер и Дональд Томпсон могли видеть из окон своей гостиницы, как люди всю ночь простаивали в очереди. В поисках темы для статьи они вышли на промерзшую улицу. Все доски для объявлений были обклеены обращениями полиции «с настоятельным призывом не организовывать каких-либо демонстраций, не нарушать общественного порядка и не предпринимать каких-либо шагов, способных привести к прекращению производства боеприпасов или парализовать промышленные предприятия города»^[148]. Томпсон вспоминал, как «срывали эти обращения в ту же минуту, как они были наклеены, и плевали на них». В некоторых магазинах на Большой Морской улице возле их гостиницы окна уже были заколочены досками. Двое американцев понимали, что скоро начнутся беспорядки. «Я была в этом настолько уверена, – напишет впоследствии Флоренс Харпер, – что бродила по городу, вверх и вниз по Невскому, наблюдая за происходящим и ожидая их, словно циркового парада». Томпсон был в восторге. Он привез с собой свои любимые фотокамеры «Графлекс» производства компании «Истман кампани оф Нью-Йорк»³⁹ и получил в полиции разрешение «фотографировать в Петрограде любое место». «Если настанет революция... то мне повезет», – ликовал он^[149].

Среди бастующих рабочих Путиловского завода и на других заводах Выборга и Петроградской стороны активно действовали политические агитаторы (эсеры, большевики, меньшевики, анархисты), они «призывали к всеобщей забастовке в знак протеста против политики правительства, нехватки продовольствия и войны»^[150]. За обедом с Морисом Палеологом великая княгиня Мария Павловна сообщила ему, что она ожидает «самой ужасной катастрофы», если император Николай продолжит сопротивляться необходимости осуществления политических перемен. «Если спасение не придет сверху, – предупредила она, – то грянет революция снизу»^[151].

Палеолог в последнее время читал «Философские письма» Петра Чаадаева, русского философа, сосланного в 1836 году в Сибирь за признанные крамолой сочинения. Чаадаев заметил: «Русские принадлежат к числу тех наций, которые... существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь страшный урок». Палеолог чувствовал, в России вновь сбывается это предсказание. Краткий «взбадривающий эффект» от посещения делегации союзников уже прошел. «Главное артиллерийское управление, управление военного производства и снабжения и управление военных сообщений вновь стали действовать по-прежнему: небрежно и неторопливо», – с отчаянием отмечал Палеолог. Попытки делегации союзников заставить Российскую империю активнее участвовать в войне были встречены «с тем же мертвящим бездействием и равнодушием, как и ранее»^[152]. Его радовала лишь перспектива послушать хорошую музыку и потанцевать «на большом и блестящем приеме» у княгини Радзивилл в ближайшее воскресенье, 26-го числа. Однако при этом он понимал, что это было не только «весьма необычное время для устройства приема», но также и весьма опасное, поскольку император покинул столицу и вернулся в Ставку армии в пятистах милях от

³⁹ Речь идет о компании «Кодак» Джорджа Истмена (*прим. пер.*).

Петрограда – после ложных заверений своего министра внутренних дел Протопопова, что ситуация находится под контролем^[153].

В течение трех недель суточная температура держалась на уровне минус 13,44 градуса по Цельсию, шел сильный снег^[154] 40. Прогуливаясь по Литейному проспекту утром 22 февраля, Палеолог был поражен «зловещим выражением на лицах бедняков», которые всю ночь простояли в очереди за хлебом. Настроение в обществе изменилось от стоицизма к гневу. Многие женщины проводили в таких очередях сорок или более часов в неделю, и некоторые из них в этот день в ярости стали бросать камни в окна хлебных магазинов. Другие присоединились к ним, начались грабежи. Власти задействовали казачьи патрули, «ясно намекая, чтобы все утихомирились», на улицах было заметно больше солдат. «По возрасту это были новобранцы, – отмечал Дж. Батлер Райт, – они были моложе, чем когда-либо ранее»^[155].

Тем утром Дональд Томпсон вышел из гостиницы «Астория», чтобы купить новую пару обуви для своего русского переводчика Бориса, молодого раненого солдата, который выписался из госпиталя и которого он попросил сопровождать его, так как Борис очень хорошо говорил по-английски. Один из хлебных магазинов рядом с гостиницей «Астория» находился под охраной полиции после того, как люди из очереди разбили в нем окна, пытаясь добраться до хлеба. В молочном магазине поблизости, рядом с которым толпилась очередь, только что вывесили объявление: «Молока больше нет». «Если бы ты могла видеть эти очереди за хлебом и взгляды этих людей, проходя мимо них, – писал Дональд Томпсон своей жене, – тебе было бы трудно поверить, что это происходит в двадцатом веке»^[156]. Он писал ей, что ему было стыдно проходить мимо таких людей, поскольку на нем была «тяжелая шуба», а они в это время стояли на морозе «почти в лохмотьях». В городе появились группы бастующих рабочих с того берега Невы, из-за чего некоторые хозяева закрыли свои магазины на Невском проспекте. Люди на улицах были «нервными, испуганными, они ожидали чего угодно»^[157].

Хотя температура была еще минус 9 градусов, в четверг, 23 февраля, светило яркое солнце. Выйдя этим утром на улицу, Томпсон заметил, что ночью на крышах зданий были установлены «десятки пулеметов». Борис, по поручению Томпсона ночью ходивший на разведку, вернувшись, уверял того, что «в России приближается революция»^[158]. Томпсон пошел на телеграф, чтобы отправить своей жене сообщение, но дежурная телеграфистка посоветовала ему не тратить денег: «Не разрешено ничего передавать». Позже, проходя мимо британского посольства вместе с Флоренс Харпер, он увидел толпу женщин, собиравшуюся на Марсовом поле, большом плацу, расположенном за зданием посольства. Вскоре к этим женщинам присоединилась группа рабочих, а затем, «как по волшебству, появились сотни и сотни студентов»^[159].

Это был Международный женский день, важная дата в социалистическом календаре, учрежденная в 1910 году представительницей социал-демократической партии Германии Кларой Цеткин в борьбе за равные права для женщин. В этот день работницы Петрограда желали заявить о себе. Сотни женщин – крестьянки, работницы на заводах, студентки, медицинские сестры, учительницы, жены тех, кто был на фронте, и даже некоторые дамы из высших классов – вышли на улицы. Хотя некоторые несли традиционные суфражистские воззвания, такие как «Да здравствуют женщины – борцы за свободу!» и «Женщин – в Учредительное собрание!», у других в руках были самодельные плакаты, напоминавшие о продовольственном кризисе: «Увеличить пайки солдатским семьям!» – или даже с откровенными революционными призывами покончить с войной – и с монархией. Но в основном

⁴⁰ Источники дают противоречивую информацию о температуре в Петрограде, многие из них представляют ее значительно ниже, чем она была на самом деле. См. концевую сноску 7 к этой главе.

в тот день женщины требовали еды. «У нас нет хлеба! – выкрикивали демонстрантки. – У наших мужей нет работы!»^[160]

В то время как колонны женщин сходились на Невском и Литейном проспектах, более воинственно настроенные работницы ниточных мануфактур на пяти крупных фабриках Выборгской стороны в то утро объявили забастовку. Они спустились к основным металлопрокатным и военным заводам и принялись кричать, стучать в ворота и бросать снежки в окна, требуя, чтобы рабочие этих предприятий (в том числе и крайне важного государственного предприятия «Арсенал») вышли поддержать их⁴¹. К середине дня 50 000 рабочих на том берегу Невы уже вышли на улицы. Некоторые направились прямо домой, а другие вышли к Литейному мосту, чтобы, перейдя его, оказаться на Невском проспекте и пополнить ряды демонстрантов в честь Международного женского дня, – но на мосту они натолкнулись на полицейские кордоны, преградившие им путь. Наиболее решительные спустились на замерзшую реку и перешли по льду, другим удалось преодолеть полицейский кордон с Петроградской стороны через Троицкий мост, однако, после того как они пересекли Неву, их оттеснила полиция.

Харпер и Томпсон наблюдали, как на Марсовом поле некоторые мужчины и женщины взбирались друг на плечи и выкрикивали: «Пора прекращать болтать, пора и действовать!» Некоторые женщины стали петь «Марсельезу». «Это была странная русская версия песни, которую сразу трудно было узнать, – вспоминала Харпер. – Я много раз слышала, как пели «Марсельезу», но в тот день я первый раз услышала, как именно ее следовало петь». По ее утверждению, это было потому, что «певшие ее принадлежали тому же классу и пели ее по той же причине, что и французы, которые впервые исполнили ее более ста лет назад»^[161]. Когда толпа тронулась, направляясь к Невскому проспекту, «из-за угла, покачиваясь, появился трамвай». Его остановили, схватили вагоновожатого и «выбросили его в сугроб». Так же поступили и со вторым, и с третьим, и с четвертым трамваем, «пока остановившиеся вагоны не заняли всю улицу вдоль Садовой до Невского проспекта»^[162]. Пассажиры одного из трамваев, раненые солдаты под присмотром медсестер, даже присоединились к толпе, которая, насчитывая уже около пятисот человек, двинулась вперед, продолжая петь «Марсельезу»; женщины смело шли прямо посередине Невского проспекта, в то время как мужчины шли по тротуару.

Томпсон и Харпер оказались в водовороте этой толпы, и она унесла их с собой. Каждый полицейский, мимо которого проходили демонстранты, пытался остановить их, но женщины просто продолжали идти вперед, кричать, смеяться и петь^[163]. Двигаясь в голове колонны, Томпсон увидел, как мужчина рядом с ним привязал к палке красный флаг и принялся размахивать им. Томпсон решил, что в находящихся на виду первых рядах колонны демонстрантов «не место невинному пареньку из Канзаса»^[164]. «Пули могут попасть и в случайных прохожих, – сказал он Харпер, – так что давай сматывать удочки, пока еще есть время».

В тот же день в ответ на обострение ситуации в столице комендант Петроградского гарнизона генерал Сергей Хабалов приказал на стенах на каждом углу улиц расклеить объявления, заверявшие общественность: «Недостатка хлеба в продаже не должно быть» – если в некоторых лавках малы запасы хлеба, то потому, что многие покупали его больше, чем им было нужно, и накапливали его. «Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве, – утверждалось в объявлениях. – Подвоз этой муки идет непрерывно»^[165]. Было ясно, что правительство уже исчерпало возможные оправдания (отсутствие топлива, сильный снегопад, реквизиция подвижного состава для военных целей, нехватка рабочей силы)

⁴¹ Труд рабочих военных предприятий хорошо оплачивался; кроме того, эти рабочие, как рабочие высокой квалификации, получали большие хлебные пайки, поэтому они менее охотно выходили на забастовку.

и людей больше нельзя водить за нос. Полмиллиона рабочих голодали, в фабричных районах голод не миновал никого, он был жестоким и безжалостным. Корреспондент издания «Таймс» Роберт Уилтон был потрясен медлительностью властей в борьбе с нехваткой продовольствия: «Вот очевидное признание расхлябанности. Кого это могло бы удовлетворить? Социалистов, которые уже приняли решение в отношении революции, или недовольного обывателя, «человека с улицы», который не хочет революции, но желает избавиться от недееспособного правительства?»^[166] В тот день в Думе прошло срочное совещание министров, как сообщили, для урегулирования продовольственного кризиса и организации мероприятий по пополнению запасов продовольствия в Петрограде. Но к этому времени жители столицы были уже убеждены в том, что хлеб от них намеренно утаивают.

События продолжали развиваться. Количество женщин, участвовавших в демонстрациях на Невском проспекте и на подходах к нему, возросло где-то до 90 000 человек. «Пение на этот раз превратилось в могучий рев, – вспоминал Томпсон, – вселявший ужас и в то же время зачаровывавший». Все испытывали «страшное возбуждение»^[167]. Вновь появились казаки, как заметил Дж. Батлер Райт, «словно по мановению волшебной палочки»; их длинные пики блестели на солнце. Томпсон наблюдал за тем, как они снова и снова пытались рассеять колонны женщин, несясь на них галопом и размахивая нагайками, но женщины только перестраивались и широко улыбались казакам всякий раз, когда те напирали на них^[168]. Когда одна из женщин споткнулась и упала перед ними, те перепрыгнули на конях через нее. Все были удивлены: эти казаки не были «свиrepыми опричниками царизма, которых видели в действии в 1905 году», когда сотни демонстрантов были убиты во время «Кровавого воскресенья». На этот раз они были вполне «любезными» и даже озорными; они, казалось, были готовы поддаться общему настроению, когда, продвигаясь вместе с толпой, они сняли папахи и «помахали ей ими»^[169]. Оказалось, что многие казаки были резервистами, и отсутствие у них навыков в удержании толпы объяснялось их проблемами в обращении с лошадьми, которые не привыкли к большому скоплению людей^[170]. Казаки сообщили демонстрантам, что, пока те требуют только хлеба, они не возьмут на себя смелость открывать огонь. В рядах демонстрантов, разумеется, было много агентов-provokаторов, желавших превратить акцию протеста в акт насилия, но толпа в основном, как отметил в тот день Артур Рэнсом в своем сообщении для «Дейли ньюс», осталась «уравновешенной». Он выразил надежду, что не произойдет никаких серьезных конфликтов. «В целом народные волнения, – заключил он, – были стихийными и разрозненными», не имели политической направленности^[171].

Такая ситуация продолжалась до шести вечера. Толпа продолжала требовать хлеба, а казаки напирали на нее и рассеивали в разные стороны, «однако серьезных инцидентов не было». Полиция задерживала всех, кто пытался остановиться и произнести речь, наряду с этим демонстранты весь день ходили по улицам с красными флагами, и, к удивлению Томпсона, по ним не стреляли. Однако он знал, что все еще было впереди: «Я чувствую, что будут беспорядки, – писал он своей жене в тот вечер, – и, слава богу, я нахожусь сейчас здесь, чтобы снять все это на пленку»^[172].

Полиции осталось только окончательно разогнать толпу, которая в большинстве своем к семи вечера, когда стало холодать, разошлась по домам. Однако озлобление народа в отношении полиции усилилось, возросло и число нападений на нее. Особенно это относилось к конным полицейским на конях черной масти, которых презрительно называли «фараонами» – то есть угнетателями и мучителями (намекая на «высокие, похожие на кисточки для бритья киверы из черного конского волоса», которые те носили). «С их появлением у людей с лиц сразу же пропали улыбки, – отметил Арно Дош-Флеро, – и когда они начали расправу, достав свои сабли», он услышал «грозный рык, который может издавать только разъяренная толпа»^[173].

На другом берегу Невы, в фабричных районах, весь день происходили эпизодические стычки. На Петроградской стороне в большом хлебопекарном заведении Филиппова (филиал московской хлебопекарни, которая ежедневно по железной дороге доставляла свою продукцию во многие столичные хлебные магазины) старухи из очереди, отстояв на холоде несколько часов только ради того, чтобы услышать, что сегодня хлеба не будет, потеряли терпение^[174]. Они выломали входную дверь и разгромили пекарню. Говорили, что «в дальних кладовых нашли много черного хлеба». В окрестных продуктовых магазинах также разбили окна. В другой разгромленной хлебопекарне старухи обнаружили белые булочки, «предназначенные для ресторанов». Перебив в заведении окна, они взяли эти булочки и продали их за четверть цены тем, кто крайне нуждался в хлебе^[175].

В тот вечер Харпер и Томпсон осмелились перейти Троицкий мост, чтобы выяснить, что происходило в фабричных районах. Они обнаружили, что улицы в ряде мест «были заполнены возбужденными мужчинами и женщинами», и оставались там до одиннадцати часов вечера, пока Томпсон не заметил, что слишком многие присматриваются к дорогому пальто Харпер из котика. Борис, их переводчик, посоветовал поскорее уходить: он услышал, как некоторые женщины говорили, что «ей следует порезать лицо». «Посмотрите, как она одета! Да, у нее есть хлеб, а у нас – нет»^[176]. Очевидно, они приняли Харпер за богатую русскую даму. Когда оба журналиста спешили среди ночи назад в «Асторию», их несколько раз останавливала полиция для проверки документов. Они не могли не заметить, что «город патрулировало много войск» – в этот день в Петрограде вырвались на свободу необузданные, стихийные силы. Среди голодающих, организовавших демонстрации на Невском проспекте, и забастовщиков на той стороне Невы был зажжен факел революции. В течение ночи забастовочные комитеты в Петрограде и на Выборгской стороне разрабатывали планы, как воспользоваться благоприятным моментом. Революция – «о которой так долго говорили, которой страшились, против которой боролись, планы которой вынашивали, которую жаждали, за которую погибали», – наконец пришла, «тайком, украдкой, когда ее никто не ожидал, когда ее никто не признал»^[177].

За ночь напряженность в Петрограде существенно усилилась, поскольку появились слухи о введении «карточек на хлеб». Негодование подогревалось также тем, что хлеб продавался в то время, когда все были на работе и не могли стоять в очереди, чтобы купить его. В пятницу, 24 февраля, все это неизбежно переросло в беспорядки: разгромили еще несколько хлебопекарен. В связи с продовольственным кризисом люди были доведены до такого отчаянного состояния, что, как писал Артур Рэнсом в «Дейли ньюс», иногда даже «отбирали хлеб у тех, кто смог купить его»^[178].

Утро следующего дня было ярким и солнечным, и повышение температуры на пять градусов (до минус 4,5 градуса) способствовало тому, что на Невском проспекте вновь собралась огромная толпа^[179]. Предвидя эскалацию демонстраций, генерал Хабалов распорядился расклеить ночью новые объявления, в которых подчеркнул, что «все скопления народа на улицах полностью воспрещаются», и предупредил, что он приказал войскам «употреблять в дело оружие, не останавливаясь ни перед чем для водворения порядка»^[180]. Американист, работавший в консульстве в здании компании «Зингер», слышал разговоры о том, что на улицах видели «бронированные автомобили», которые уже несколько ночей подряд патрулировали город, «с прожекторами и множеством пулеметов, выглядывавших из амбразур». Ему также сказали, что «на полицейских участках было полным-полно пулеметов, они были у солдат, переодетых полицейскими». «Все это вздор! – возразил на это кто-то. – Солдаты-мальчишки не будут стрелять в свой собственный народ»^[181].

Жгучее негодование вымещали на немногочисленных, пока еще работавших переполненных трамваях. Многие из них уже вышли из строя и стояли, мертвые и пустые, «никто не

думал отремонтировать их, новых взамен не было»; другие толпа опрокинула с рельсов и даже перевернула^[182]. Как отметил Арно Дош-Флеро, все на улице в то утро, похоже, «были уверены в скором зрелище». Он находился в толпе вблизи Казанского собора. Повсюду мелькали приметные зеленые студенческие фуражки, и один из студентов сказал ему, что «университеты вышли на забастовку в знак поддержки хлебных демонстраций»^[183]. Магазины, тем не менее, были открыты, и в городе все еще была заметна «некоторая деятельность», хотя большинство жителей передвигались пешком. Прохожие менее охотно, нежели накануне, подчинялись требованиям полиции не останавливаться и продолжать движение^[184].

Все утро рабочие из Выборга и с Петроградской стороны, где состоялись оживленные фабричные митинги, переходили через Неву. Большинство рабочих вышли на забастовку, и их настойчиво подстрекали вооружаться «болтами, гайками, камнями» и даже кусками льда и идти «громить все магазины, которые только им встретятся»^[185]. На пути к Литейному мосту забастовщики вновь устроили погром хлебопекарен; вначале завязались драки, которые переросли в грабежи. Путь через мост снова был заблокирован солдатами и казаками, хотя последние отказались разгонять забастовщиков, получив такой приказ. Забастовщики (около пяти тысяч человек) вновь приняли решение перейти по льду, чтобы добраться до центра города^[186]. Из окон своих канцелярий французские дипломаты Луи де Робьен и Шарль де Шамбрюн видели, как те проделывали свой путь через Неву, «словно цепочка черных муравьев, «гуськом», как они петляли между «нагромоздившихся глыб льда и толстого снега». Казаки с другой стороны реки наблюдали за ними, передвигаясь галопом вверх-вниз по набережной, «весьма живописные на своих маленьких лошадях», с пиками и карабинами; но они не рискнули спускаться на лед, чтобы остановить манифестантов^[187].

К середине дня уже около 36 800 человек вышли на центральные улицы Петрограда^[188]. Все трамваи встали, и, поскольку проехать по улицам было невозможно, извозчики также вернулись со своими дрожками домой. Толпа продолжала напирать и прокладывать дальше свой путь, продираясь мимо казаков (некоторые демонстранты даже проскакивали, ныряя, под их лошадьми), которые пытались преградить ей путь. Жившая в Петрограде француженка Амели де Нери осознала разницу между этими демонстрантами и теми, кто, «находясь в приподнято-мистическом состоянии», в атмосфере религиозного настроя принимал участие в демонстрации 1905 года. В 1917 году толпы состояли из реалистов, отметила она. «Два года войны закалили их гораздо больше, чем это могло бы сделать столетие спокойствия и мира»^[189]. По мере того как толпа продвигалась вперед, «полиция и войска преследовали ее и всячески запугивали», но оружие не применяли^[190]. Казачьи отряды, гарцевавшие по снегу на своих маленьких жилистых лошадях, продолжали удивлять своей сдержанностью: они ничего не предпринимали, даже когда в колоннах демонстрантов стало появляться все больше и больше красных флагов. Всякий раз, когда казаки останавливались, «вокруг них собирались мужчины и женщины и предлагали им присоединиться к демонстрантам». «Вы наши!» – кричали они им, а казаки улыбались и расступались, чтобы пропустить их. Репортер «Таймс» Роберт Уилтон слышал, как демонстранты обращались к войскам, с которыми они встретились при своем движении: «Вы же не будете стрелять в нас, братья! Мы только хотим хлеба!» «Нет, мы голодны, как и вы», – отвечали им казаки^[191].

Берт Холл, американский военный летчик, прикомандированный к российскому Императорскому военно-воздушному флоту, в этот день находился в Петрограде, и, как и у Томпсона с Харпер, это было его первым боевым крещением в России. Он описал в своем дневнике «бесконечные толпы людей, которые шли по улицам, распевая какие-то безумные песни и швыряя кирпичи в автомобили». Он видел рабочих с плакатами, которые требовали не только хлеба: «Дайте нам землю!», «Спасите наши души!». В конце одной колонны «маленькая девочка несла маленький флажок», на котором было написано: «Накормите своих детей!» Как он вспоминал, это была «самая трогательная сцена, которую я когда-

либо видел в своей жизни». Почему русские просто «не пойдут, не сделают революцию и не покончат с этим?» – спросил он у своего русского коллеги. Увы, «Бог все еще любит царя, – ответили ему. – Было бы дурно восставать против правителя, который ладит с Богом». Берт Холл был возмущен: «Простые люди голодны; они уже слишком долго голодали. Боже, почему царь не сделал что-либо для этого! Какая возможность для какого-нибудь толкового американского бизнесмена! Только подумай об этом! Вся Россия может либо потерпеть крах, либо спастись только по воле мелкого толкового бизнесмена»^[192].

В то время как толпа весь день перемещалась вверх-вниз по Невскому проспекту, люди, жившие на нем, распахивали свои окна, чтобы посмотреть на происходящее и посочувствовать. У британского и канадского персонала Англо-русского госпиталя, а также у его пациентов был особый угол обзора событий из окна второго этажа здания. Медсестры получили указание «оставаться в помещениях и не выходить наружу, за исключением территории госпиталя»^[193]. В Англо-русском госпитале «было полно солдат, готовых к любым чрезвычайным ситуациям»: тридцать военнослужащих Семеновского гвардейского полка находились там для охраны, трое из них стояли у входной двери с примкнутыми штыками. Персоналу госпиталя было приказано готовиться к эвакуации в самые сжатые сроки. Но все это вскоре оказалось невозможным из-за большого наплыва людей, двигавшихся вниз по Невскому проспекту^[194]. «Демонстрантов просто расшвыривали, – вспоминала канадская медсестра Дороти Коттон. – Казаки, ехавшие навстречу, наезжали на них на лошадях и рассеивали их». Некоторые из пострадавших были доставлены в госпиталь – они были ранены полицейскими, переодетыми в солдат (как утверждалось)^[195].

Флоренс Харпер и Дональд Томпсон в этот день были на улице с раннего утра, «следя за толпой»; большую часть времени их «носило в толпе вверх-вниз по Невскому проспекту», они поневоле были вынуждены порой бежать, скользя по снегу, а порой прижиматься к стенам зданий, чтобы их не задавили^[196]. В конце концов их вынесло к Казанскому собору, традиционному месту сбора, где несколько колонн демонстрантов уже скопилось на площади. Некоторые демонстранты опустились на колени, обнажили головы и молились, другие собрались небольшими группами вокруг ораторов^[197]. Казаки по-прежнему вели себя сдержанно, причем до такой степени, что «префект полиции» (по выражению леди Сибил Грей) подъехал к собору на своем автомобиле и «приказал офицеру патруля казаков атаковать демонстрантов с шашками наголо». Офицер отказался: «Я не могу отдать такой приказ, ведь они лишь просят хлеба». Услышав это, толпа одобрительно загудела, «казаки в ответ также ободряюще приветствовали ее»^[198]. Томпсон и Харпер также обратили внимание на такой ответ. Не проявлялось никакой агрессии, «это была очень доброжелательно настроенная толпа». Было лишь одно исключение: американские журналисты видели, как полицейский в штатском «пытался сфотографировать» оратора, обращавшегося к толпе. Его сразу же заметили, напали на него и разбили его камеру. Его могли бы убить, если бы не конный полицейский («фараон»), который спас его. Томпсон тоже фотографировал, «используя свою маленькую камеру», но «старался не привлекать к себе внимания». Он отметил, что некоторые полицейские вели себя «скверно» и что многие из них были переодеты в солдат или в казаков^[199].

В четыре часа дня Харпер и Томпсона на обратном пути чуть не задавили на Невском проспекте рядом с Англо-русским госпиталем. Мимо них проезжали казаки, «смеясь и перешучиваясь с толпой» и «слегка подталкивая ее своими пиками», если она двигалась недостаточно быстро. Они ехали плотным строем, нога к ноге, и американские журналисты были вынуждены спастись в проеме наружных створок входных дверей госпиталя. Харпер все же получила «ужасный удар пятой пики» от проезжавшего мимо казака. Она заметила, что это был мальчишка лет восемнадцати; он велел ей идти дальше, но она отказалась, и он снова

ткнул ее пикой. «Этого было вполне достаточно», – вспоминала она. На пару с Томпсоном она «пролетела по мосту и вниз по Невскому проспекту»^[200].

К восьми часам вечера пятницы большинство демонстрантов, собравшихся в центре Петрограда, разошлись по домам, пообещав вернуться на следующее утро. Это был уже второй день массовых демонстраций, во время которого бастовало больше рабочих, чем когда-либо с начала войны. Демонстранты вели себя все более агрессивно, особенно по отношению к полиции и конным «фараонам». В ответ на это генерал Хабалов распорядился, чтобы на чердаках и крышах домов, гостиниц, магазинов, на колокольнях на Невском проспекте, а также на крышах железнодорожных вокзалов были установлены дополнительные пулеметы. В его распоряжении были также пехотные подразделения и пулеметчики и большое количество винтовок, револьверов и боеприпасов («хранившихся на различных полицейских участках»), которые, хотя и были предназначены для фронта, могли быть использованы в Петрограде, если бы в этом возникла необходимость^[201].

К большому разочарованию иностранных корреспондентов, оказавшихся в Петрограде в круговороте этих событий и теперь осознавших их возрастающее значение, они не могли дать правдивую информацию о ситуации для своих изданий в Великобритании, США и других странах из-за строгой царской цензуры, которая действовала относительно всех телеграфных сообщений, отправлявшихся из российской столицы. Арно Дош-Флеро написал в своем ежедневном сообщении для издания о «хлебных бунтах» и был вынужден «иметь дело с молодым чиновником, ответственным за цензуру». И каждый день ответ ему был одним и тем же: чиновник «предлагал мне чай, но ничего не обещал относительно моего сообщения». И только когда он наконец написал «о восторженном отношении населения к казакам», сообщение Арно Дош-Флеро было разрешено к отправке^[202]. У Роберта Уилтона из издания «Таймс» некоторое время также были аналогичные трудности, и он был вынужден лишь смутно намекать на растущее недовольство в столице «из-за дезорганизации продовольственных поставок». В ту пятницу он сообщал о «продолжительных дебатах» в Думе о том, как бороться с продовольственным кризисом, одновременно подтверждая, что поведение демонстрантов в целом «не имело подрывного характера и не было продиктовано желанием отомстить». «Заверения властей о поставках хлеба, – телеграфировал он, ссылаясь на генерала Хабалова, – оказали положительное воздействие на ситуацию» (это было написано специально для того, чтобы обойти цензуру)^[203]. Слово «революция» журналист не упомянул⁴².

В течение всей ночи с 23 на 24 февраля вспыхивали эпизодические перестрелки; несмотря на это, как ни удивительно, общественная жизнь столицы продолжалась. Александринский театр в тот вечер был полон, давали «Ревизора» Гоголя. Публика «весьма живо откликалась на сатиру на политические изъяны середины девятнадцатого века». Мало кто, казалось, был готов поверить, что «в этот момент в столице наяву разворачивалась настоящая драма»^[204]. Лейтон Роджерс и несколько его коллег из Петроградского филиала Государственного муниципального банка Нью-Йорка направлялись на ужин в «Cafe de la Grave», расположенное на цокольном этаже одного из зданий на Невском проспекте. По пути они впервые встретились с казаками, отряд которых промчался мимо них «по тротуару на полном скаку... Они кричали, как сумасшедшие, карабины подпрыгивали у них на спинах, шашки били по лошадям», «они размахивали стальными пиками». Роджерс со своими друзьями, взглянув на это, побежал сломя голову. После ужина они возвращались домой уже в

⁴² Это слово было запрещено вплоть до отречения императора 3 марта 1917 года, когда царская цензура исчезла и можно было отправлять необходимую информацию; это означает, что самые первые правдивые сообщения из России могли быть опубликованы на Западе лишь где-то после 16 марта (по новому стилю).

темноте, атмосфера в городе «была накалена до предела». Отряды конных казаков все еще патрулировали город; они выстроились вдоль всего Невского проспекта, «вынуждая пешеходов идти посередине улицы между двумя рядами лошадей и стальных пик». «Эти ощущения я бы не назвал приятными, – вспоминал Роджерс. – Всю дорогу я представлял, как извиваюсь на одной из этих пик, как червяк на крючке». «Отныне я никогда не буду ловить рыбу на живую приманку», – резюмировал он^[205].

В поисках темы для очередной статьи Арно Дош-Флеро в этот день проделал «длинный путь» по Выборгской стороне и обнаружил, что «на ней было много войск». Некоторые трамваи еще ходили, «но в целом в районе стояла зловещая тишина». На улицах были только уже привычные очереди за хлебом и группы рабочих, чье «тяжелое молчание» показалось Флеро «многозначительным». Томпсон также заметил их, когда после ужина у «Донона» он решился до трех часов ночи прогуляться по окраинам города^[206]. В посольстве Франции первый секретарь Шарль де Шамбрюн писал своей жене, обдумывая только что услышанные им новости о том, что на следующий день объявлена всеобщая забастовка. Будут новые демонстрации, будут новые акции протеста. Но что может сделать толпа «без алкоголя, без лидера, без четкой цели?» – задавался он вопросом. Наступила ночь, и Петроград застыл в напряженном ожидании^[207].

Глава 3

«Как в праздничный день, но в воздухе пахнет грозой»

«Ох уж эта нескончаемая русская зима, эти месяцами белые крыши и скользкие дороги», – с грустью писала в своем дневнике француженка Луиза Патуйе, хоть она уже давно привыкла к этому низкому серому небу, которое и хмурым утром 25 февраля, в субботу, приветствовало город новым снегопадом^[208]. Лейтон Роджерс, напротив, восторженно восклицал: «Что за день! Всеобщая забастовка началась, это точно, и начались беспорядки». В то утро по дороге в банк он и его коллеги «обнаружили, что на улицах полно полицейских, пеших и конных, заводы не работают, по всему Невскому проспекту закрыты магазины, повсюду заколочены двери или окна». До него дошли слухи, что предыдущей ночью при попытке проникнуть в хлебный магазин впервые был убит человек. Люди на улицах, казалось, ищут развлечений, «как зеваки на большой сельской ярмарке», но Роджерсу «даже думать не хотелось о том, что может начаться после первого же выстрела»^[209].

Знал бы Роджерс, сколько оружия уже было на руках забастовщиков, которые готовились к неизбежным уличным боям с полицией, он был бы более встревожен. Посольства и дипломатические миссии по всему городу получали по телефону уведомления о том, что сотрудникам не рекомендуется покидать свои помещения и выходить на улицу. Тем не менее Роджерс в тот день несколько безрассудно отправился из Петроградского филиала Государственного муниципального банка Нью-Йорка с «краткосрочными казначейскими облигациями на сумму девять миллионов рублей», чтобы «положить их на хранение» в ячейку сейфа в хранилище Волжско-Камского банка, до того как в воскресенье банк закроется. Банкноты, общей стоимостью примерно 3 миллиона долларов США, он положил во внутренний карман пальто и покинул помещение филиала банка, который находился в здании бывшего посольства Турции на Дворцовой набережной. Однако на улице было полно народа, поэтому ему пришлось сделать крюк, чтобы обойти толпу. У Михайловского театра он ненадолго остановился, чтобы прочесть афишу нового французского сезона. И тут к нему подбежал его коллега из банка и закричал: «Где Вы, черт возьми, пропадаете?! Мы ищем Вас по всему городу, всех уже обзвонили!» Когда они позвонили в Волжско-Камский банк, оказалось, что Роджерс туда еще не приходил, и все были встревожены, подумав, что с ним что-то случилось, поскольку им намекнули, «что началась революция»^[210].

Рабочие из фабричных районов, выходившие тем утром на многотысячную демонстрацию, были настроены решительно и готовы к столкновениям с полицией. На этот раз под ватники они надели несколько слоев одежды, чтобы выдержать удары нагайками со свинцовыми наконечниками, которыми пользовались «фараоны». Некоторые даже смастерили себе металлические пластины, которые можно было надевать под шапку, чтобы защититься от таких ударов, а также набивали карманы любыми металлическими деталями, подходящими для метания, и оружием, которое они могли достать у себя на фабриках^[211]. В полдень толпы начали двигаться вниз по Невскому проспекту, но «фараоны» уже ждали их на Литейном мосту. Когда толпа подалась вперед, чтобы попытаться перейти его, «фараоны» набросились на нее. Однако толпа сначала расступилась, чтобы пропустить их, а потом быстро сомкнула свои ряды, как в тиски захватив офицера полиции. Его стянули с лошади. Кто-то из толпы схватил его револьвер и застрелил офицера из его же оружия, другой в это время продолжал яростно бить его деревянной дубиной^[212]. Это было первое открытое столкновение с полицией в тот день.

На юге Петрограда к забастовке присоединились рабочие большого предприятия – Путиловского завода, это было огромное количество людей. В течение дня стачка неумолимо

распространялась по всему городу. В конце концов на улицу вышли все: приказчики и полковые, повара, горничные и извозчики, работники жизненно важных для снабжения города предприятий энерго-, газо- и водоснабжения, а также рабочие трамвайных депо и вагоновожатые. С утра несколько хлебных лавок еще были открыты, но вскоре после полудня и они были вынуждены закрыться, а забастовка работников почтовых отделений и печатников привела к тому, что не доставлялись ни почта, ни свежие газеты. Количество бастующих еще более возросло, когда к ним присоединилось по меньшей мере 15 000 студентов. Они подошли пятнадцатью различными колоннами и объединились на Невском проспекте. Точно не известно, сколько всего человек вышло на демонстрации на улицы Петрограда в тот день; по официальным данным, их было от 240 000 до 305 000^[213].

Стихийные протесты из-за нехватки хлеба, начавшиеся двумя днями ранее, теперь разрослись в политическое движение, в ходе которого все больше и больше стало проявляться насилие, случались акты грабежа. Амели де Нери видела на Литейном проспекте, как молоденький паренек, который помогал грабить небольшую еврейскую лавочку, стоял там и продавал шесть десятков украденных перламутровых пуговиц за рубль. Это, может быть, являлось просто мелким воровством, но Амели де Нери почувствовала, что произошло тревожное изменение общественных отношений, вызванное протестами, стали стираться грани между «своим» и «чужим». А на завтра, задалась она вопросом, быть может, «по моральным ценностям будет нанесен еще более мощный удар»^[214]. Однако пока не было еще никаких внешних признаков организованного восстания, протест находился в зачаточном состоянии и не имел лидера. «Это еще бунт? Или уже революция?» – вопрошал Клод Анэ, петроградский корреспондент газеты «Ле пти паризьен», который – как и другие иностранные журналисты в городе, – к несчастью, не имел возможности отправить эти новости по телеграфу своей газете в Париж^[215].

Вновь ударили морозы; на улицах почти не было движения, поскольку трамваи не ходили, а многие магазины были закрыты, так что толпы людей сновали по Невскому проспекту, «двигались вверх и вниз в тревожном любопытстве», собирались на перекрестках. Лейтон Роджерс вспоминал, что «толпа была любопытной, улыбающейся, решительной», но он почувствовал и еще кое-что: она была «опасной»^[216]. Войска стояли наготове в обычных точках сбора на основных перекрестках вдоль всего Невского проспекта, на протяжении более двух километров от Зимнего дворца на северной оконечности проспекта, далее вниз мимо Казанского собора на Знаменской площади и вплоть до южного окончания проспекта, у Николаевского вокзала⁴³. Как и казаки, солдаты, казалось, не хотели применять силу, и толпе показалось, что они одержали верх.

Однако во второй половине дня, когда войскам и «фараонам» было приказано очистить улицу от толпы, все изменилось. Весь Невский проспект превратился в сплошную бурлящую массу людей, когда полиция, размахивая шашками, начала наступать на них, а казаки обрушили на них град ударов нагайками. Люди, конечно же, стали падать, и их топтали в этой свалке и лошади, и другие люди, поскольку толпа все разрасталась, заняв уже всю улицу вплоть до Знаменской площади, любимого места встречи горожан. Оттуда Дональд Томпсон увидел, как в одиннадцать утра полицейские устанавливали пулемет на балконе дома. Уровень противостояния явно нарастал^[217]. После обеда Томпсон и Харпер вернулись туда и увидели, что на Знаменской площади образовалось огромное скопление рабочих, других забастовщиков, студентов и даже некоторых представителей среднего класса, которые стояли, сомкнувшись вокруг уродливого конного памятника Александру III. Многие из них, сняв шапки, выкрикивали: «Дайте нам хлеба, и мы вернемся на работу!» Как и повсюду, солдаты держались поодаль, а казаки даже проявляли интерес к речам выступавших. Женщины

⁴³ Нынешний Московский вокзал (прим. ред.).

из толпы были такими же смелыми, как накануне. Они приблизились к казакам, «умоляюще хватали» их за винтовки. «Уберите их! – упрашивали они. – Подумайте о своих матерях, любимых и женах!» Другие падали на колени и молили: «Мы ваши сестры, такие же рабочие, как и вы. Неужели вы будете колоть нас штыками?»^[218]

Выступавшие один за другим вскакивали на постамент памятника и раззадоривали своими речами толпу, которая становилась все более агрессивной. Около двух часов дня Томпсон увидел, как на площадь въехали сани, в которых сидел хорошо одетый мужчина в мехах. Он прокричал толпе, чтобы его пропустили. Вместо этого его «вытащили из саней и избили». Томпсон видел, как тот побежал, чтобы укрыться в заброшенном трамвае поблизости, но несколько рабочих бросились за ним, и один из них, у которого в руках был «небольшой железный прут», все бил и бил в порыве ярости этого человека прутком по голове, пока она не превратилась «в месиво». «Похоже, после этого чернь почувствовала вкус крови», поскольку толпа затем ринулась вперед и принялась разбивать окна тех магазинов, в которых не было железных ставней или жалюзи. Некоторые из протестующих на самом деле были переодетыми полицейскими. Томпсон узнал одного из них. Это был сотрудник царской «охранки», который жил в той же гостинице, что и американец, но сейчас он был переодет в рабочего. Он выталкивал солдат с тротуара, как заправский «анархист худшего толка». Борис, переводчик Томпсона, подтвердил ему, что он прав: это был сотрудник «охранки». Было известно, что эти полицейские, смешиваясь с толпой, пытаются спровоцировать ее на нападения на солдат^[219].

К вечеру Харпер заявила, что, пройдя в тот день уже добрых полдесять миль по городу, она совершенно измучена и хочет вернуться в гостиницу. Томпсон, однако, убедил ее остаться еще ненадолго. Они отошли в один из переулков и остановились понаблюдать. То и дело через площадь проезжали казаки, чтобы разогнать толпу, но это было бесполезно: «Толпа вновь смыкалась, пропустив их, словно вода за лодкой»^[220]. Харпер и Томпсон вели наблюдение вдвоем: она смотрела в направлении Невского проспекта, а он – на площадь. Около четырех часов Томпсон услышал громкий взрыв: кто-то бросил гранату или бомбу с крыши Николаевского вокзала. Американский фоторепортер увидел, что люди в толпе инстинктивно подняли руки, показывая тем самым, что они были безоружны. Вскоре последовал второй взрыв, а казаки в это время ринулись в толпу.

И тут Харпер увидела, как на площади появился отряд «фараонов», «рубя саблями направо и налево». Внезапно один из казаков рванулся вперед, приблизился к офицеру полиции, который вел «фараонов» сквозь толпу, и зарубил его шашкой⁴⁴. Офицер замятв упал с коня. После этого «казаки завопили и набросились на «фараонов», рубя шашками и размахивая плетками», пока полицейские «не дрогнули и не бросились в ужасе прочь»^[221]. «Нужно было видеть в тот момент толпу, – писал другой очевидец-американец. – Люди целовали и обнимали казаков, взбираясь на лошадей, чтобы добраться до них. Другие целовали и обнимали их коней, сапоги казаков, стремяна, седла. Им дарили сигареты, деньги, портсигары, перчатки – все что угодно». Переводчик Томпсона, Борис, казалось, был этим глубоко тронут. «Это великий день, – сказал он Томпсону, – казаки с народом». «Впервые в истории России казак не подчинился приказу»^[222].

По словам Харпер, человек пятьсот или около того отделились затем от толпы и пошли обратно на Невский проспект, неся «красный флаг, размеры которого превышали все, что мы до этого видели»^[223]. Они с Томпсоном последовали за этой группой вверх по Невскому. Пока группа шла по проспекту, их трижды атаковала полиция и им «приходилось поворачиваться и бежать». Харпер ужасно боялась, что ее опрокинет и затопчет бегущая толпа, если

⁴⁴ Воспоминания разных лиц в отношении этого эпизода очень отличаются: по некоторым сведениям, казак выстрелил, но Томпсон, который был там в тот момент, однозначно утверждал, что это был удар саблей.

она споткнется, но больше всего она боялась сабель полиции. Она решила возвращаться в «Асторию», но поскольку они с Томпсоном как раз приближались к зданию компании «Зингер», то подумали, что сначала они могли бы на некоторое время укрыться там, в консульстве США. За квартал до этого здания они увидели, что толпа собралась у витрин кондитерской «Пекарь», одной из сети кондитерских в гостинице «Европейская», в витринах которой были выставлены изысканные торты и кондитерские изделия (даже Лейтон Роджерс счел это «необдуманной и провокационной демонстрацией в такие трудные времена»). Толпа некоторое время смотрела на еду, «которая была ей не по карману», затем неожиданно один мастеровой разбил зеркальную витрину и схватил коробку печенья^[224]. На шум стеклось еще больше людей, а следом за ними тотчас прибыла полиция и открыла огонь.

Артур Рейнке, американский инженер-телефонист из компании «Вестингауз», офис которой находился в здании компании «Зингер», с ужасом смотрел со своего балкона, как конные «фараоны» налетали на собравшихся людей, «избивая их нагайками», и как в ответ на это «народ загудел, взревел и начал бросать в полицию камни и бутылки». Рейнке хотел вернуться в гостиницу «Европейская», где он остановился, но толпа, собравшаяся у «Пекаря», «буквально заполнившая Невский от края до края... понеслась по улице прямо на меня, в то время как вдали поблескивали штыки, а мимо свистели пули». Сделав глубокий вдох, он бросился бежать к гостинице и, как он сам определил, тем самым «установил рекорд инженерного отдела в забеге на сто метров, добежав до дальнего угла гостиницы до того, как толпа отрезала мне путь», – и все лишь для того, чтобы обнаружить, что двери гостиницы были заперты на засов. Он стал громко стучать в дверь, пока портье наконец не впустил его внутрь^[225]. Клод Анэ столкнулся с такой же проблемой, когда попал в толпу около гостиницы «Европейская»: он обнаружил, что «все двери, въезды» и другие средства спасения поблизости, «словно по волшебству», оказались плотно закрыты. С большим трудом ему удалось проложить себе путь сквозь толпу и укрыться в доме возле Аничкова моста^[226].

Бориса не удивило нападение на кафе «Пекарь»; как он сказал Томпсону, по слухам, «там было полно немецких агентов и комиссаров продовольствия, которые каждый день встречались там и решали, какую плату они будут взимать за продукты», поэтому толпа им за это и отомстила^[227]. Кафе было полностью разгромлено, были убиты пятеро находившихся внутри посетителей, а также тот мастеровой, который разбил окно. Тела погибших быстро вынесли, витрину кондитерской заколотили, а «наметенный внутрь снег» тщательно вымели, но слухи об этом происшествии распространились по Невскому проспекту, «как пожар», и вскоре достигли Николаевского вокзала, где полиции снова пришлось применить свои замаскированные пулеметы, чтобы разогнать разгневанную толпу^[228].

Беспорядки возле кафе «Пекарь» происходили неподалеку от Англо-русского госпиталя, откуда медсестры видели толпы, идущие вниз по Невскому проспекту от здания компании «Зингер». В тот день медсестры постоянно выкраивали время, чтобы посмотреть на толпу и оказать помощь тем раненым, которых приводили с улицы. Канадскую медсестру Эдит Хеган поразила необычность ситуации: на фронте, как правило, медсестры впервые видели раненых только после сражения, когда тех доставляли в полевые госпитали, а здесь, в Петрограде, «нам стоило лишь выглянуть из окон нашего второго этажа – и мы везде видели беспорядки, раненых и умиравших, падавших повсюду, когда полиция время от времени проходила с рейдами по улицам». Она и еще трое ее соотечественников во второй половине дня спустились к Аничкову мосту, чтобы взглянуть на происходящее поближе, за что получили строгий выговор. Возвращаясь к своим наблюдательным пунктам у окна, они слышали «стрекот пулеметов, которые полиция замаскировала в домах»^[229]. Их российские пациенты просили медсестер отойти подальше от окон, так как пули уже начали попадать в госпиталь.

Беспорядки продолжались на всем Невском проспекте до наступления темноты. Примерно в шесть часов вечера Арно Дош-Флеро и британский военный советник находились возле здания компании «Зингер». Им срочно пришлось искать себе укрытие, когда отряд «фараонов», с саблями наголо, выскочил из-за угла на тротуар на Невском проспекте и попытался разогнать толпу, нанося удары обратной стороной клинков^[230]. Однако все это было бесполезно: на Невском проспекте в это время скопилось две или три тысячи человек (это была «бегущая толпа»), и Флеро видел, как «фараоны» закололи штыками несколько демонстрантов. Британец Берти Стопфорд⁴⁵, вращавшийся в светских кругах, из окна своей комнаты в гостинице «Европейская», одеваясь к концерту, увидел, как «толпа с Невского проспекта, все хорошо одетые люди, бежали, спасаясь, вниз по улице Михайловской; в панике неслись легковые автомобили и сани; все они стремились укрыться от непрекращающегося пулеметного огня»^[231]. Он был свидетелем того, как автомобиль сбил «хорошо одетую даму», как перевернулись сани, а возницу подбросило в воздух, и он погиб. Люди победнее жались к стенам. Другие, в основном мужчины, остались лежать на снегу. Многих детей затоптали в толпе, много людей погибло под несущимися санями или же под напором толпы.

Томпсону, Харпер и Борису, которые по-прежнему находились на улице, приходилось то и дело искать себе укрытие^[232]. Борис был уверен, что иногда солдаты стреляли холостыми или же в воздух, в противном случае жертв было бы гораздо больше. На поражение огонь вели в основном полицейские из пулеметов на крышах зданий^[233]. Манифестанты в ответ использовали любое оружие, которое они только могли добыть: револьверы, самодельные бомбы, различные метательные предметы (бутылки, камни, куски железа, даже снежки). У некоторых были ручные гранаты, привезенные с фронта. В течение всего дня манифестанты обращались к солдатам с призывом переходить на их сторону^[234].

Николай II, находившийся в Ставке русских войск в Могилеве, почти за пятьсот миль от Петрограда, получил известие о том, что обстановка в Петрограде изменилась, в городе происходят беспорядки, хотя Протопопов и не решился передать императору, насколько серьезный оборот приняли события. Николай II полагал, что полиции и войскам было необходимо лишь принять более жесткие меры по отношению к нарушителям порядка, поэтому он не видел смысла возвращаться в Петроград. Вместо этого Николай II отправил телеграмму генералу Хабалову, приказав ему «завтра подавить непростительные с учетом трудностей войны с Германией и Австрией беспорядки в столице». Его жена отнеслась к событиям того дня как к «хулиганским выходкам», «выпусканию пара» рабочими; «юноши и девушки бегают и кричат, что у них нет хлеба, лишь для того, чтобы возбуждать толпу». Она полагала, что, если бы на улице было очень холодно, «они, вероятно, остались бы дома»^[235]. Кроме того, у Александры были и более серьезные проблемы: трое из пятерых ее детей (Алексей, Татьяна и Ольга) слегли с корью.

Стараясь как-то отвлечься от драматических событий дня, Флоренс Харпер и Дональд Томпсон вместе с вице-консулом США пошли в тот вечер в Михайловский театр на премьеру французской комедии «Выдумка Франсуазы». Томпсону пьеса показалась скучной, и он вместе с Борисом ушел рано, чтобы еще походить по улицам заводских районов, где, по его мнению, «все было более увлекательно»^[236]. Атташе французского посольства Луи де Робьен также был на премьере. Он вспоминал, что императорская ложа пустовала, Николай II не было, равно как и великих князей. Одной из актрис труппы, Полетт Пакс⁴⁶, показа-

⁴⁵ Каковы были полномочия Стопфорда, так и осталось неизвестно. Он поехал в Петроград в августе 1916 года, якобы для того, чтобы заключить с российским правительством контракт на поставку радиооборудования для самолетов, но вскоре он вошел в круг высшего общества, где вращались представители русской аристократии и светские люди Петрограда, и передавал инсайдерскую информацию послу Великобритании, сэру Джорджу Бьюкенену.

⁴⁶ В 1912 году в Париже Пакс какое-то время была любовницей британского секретного агента Сидни Рейли.

лось, что все представление было раздражающим, особенно публика, «вся в драгоценностях и в роскошных нарядах», с учетом того, что весь день происходило на улице. На ее взгляд, на постановку никто не обращал внимания: все были мыслями далеко, а аплодисменты были неискренними. «То, что мы делали, было просто смехотворно, – записала она в своем дневнике, – представлять комедию в такое время просто не было смысла»^[237].

Однако Артуру Рэнсому ситуация в городе виделась не такой уж и серьезной. В своей депеше в ту ночь он написал, что большинство людей («в том числе и многие женщины») вышли на улицу просто для того, чтобы посмотреть, как другие устраивают беспорядки. «Все ощущали некое смутное волнение, как в праздничный день, но в воздухе пахнет грозой», – писал он дальше, подчеркнув, что «между толпами людей и казаками установились очень хорошие отношения». Цель беспорядков оставалась довольно «неясной». Артур Рейнке был того же мнения: в ту ночь он увидел, что на улицах было полно народу, но люди просто «любопытствовали», несмотря на в высшей степени провокационные действия полиции^[238]. Однако он наблюдал, как к 11 часам вечера, к началу введенного комендантского часа, все они поспешили вернуться домой, на улицах остались лишь «длинные ряды уродливо выглядящих казаков на своих невысоких лошадках, стоявших на некотором расстоянии друг от друга на другой стороне улицы», и большие пятна крови, которые виднелись на белом снегу, являясь «немыми свидетелями» того, что произошло в течение дня^[239]. Дж. Батлер Райт навсегда запомнил «всепроникающий запах», который стоял тем вечером на Невском проспекте: это был запах «дезинфицирующих средств и медикаментов первой помощи, которую оказывали раненым на улицах»^[240].

Неугомонный Дональд Томпсон, гулявший по Петроградской стороне, продолжал вместе с Борисом свои поиски новых событий до двух часов ночи, когда они наконец лицом к лицу столкнулись с первым проявлением отвратительного насилия толпы. Навстречу им шла шумная группа, человек примерно шестьдесят, «которые на шестах несли две отрубленные головы». Как сказал Борис, это были головы офицеров полиции. Томпсону довелось увидеть много красного за тот день: красные флаги, красные пятна на снегу, а теперь отрубленные головы. На обратном пути в «Асторию» они увидели еще много тел, а позже Томпсон узнал, что «огромное количество полицейских было убито или тяжело ранено» толпами в Выборге и на Петроградской стороне^[241]. Весь вечер в субботу в этих районах стояли крики и стоны, слышалась постоянная стрельба – насилие продолжалось. Филип Шадборн, однако, по-другому воспринимал происходящее в тот день: как важную веху и, возможно, обнадеживающий переход от «одной полосы к другой» – от «черной полосы страдания и несправедливости» к «красной полосе восстания и яркой героики»^[242].

Прекрасным, безоблачным, солнечным воскресным утром на следующий день в городе стояла зловещая тишина, однако в течение ночи генерал Хабалов принял решение применить драконовские меры, чтобы удержать ситуацию под контролем. По всему городу были расклеены новые объявления о том, что все рабочие обязаны вернуться на свои рабочие места к 28-му числу, во вторник, а те, кто имел отсрочку от военной службы, должны быть немедленно направлены прямо на фронт. Было запрещено собираться на улице в группы более трех человек. На заседании Совета министров, которое длилось с полуночи до 5 часов утра, генерал Хабалов заверил собравшихся, что на улицы будет выведено 30 000 солдат при поддержке артиллерии и бронемашин и что им будет приказано применять против демонстрантов самые решительные меры^[243].

Ночью все разводные мосты через Неву были подняты, а к остальным приставлена усиленная охрана, имевшая на вооружении бронемашину и пулеметы. Толпы людей снова вышли на лед, и там скопилось так много народа, что переходить Неву приходилось медленно. В то утро казаков на улицах было меньше, но стало больше полицейских патрулей,

а все мосты, связывающие Невский проспект с Екатерининским каналом и реками Мойкой и Фонтанкой, находились под охраной армейских подразделений, которые также контролировали территорию вокруг железнодорожных вокзалов. К полудню многие из этих позиций были усилены пулеметными точками. Можно было также видеть повозки Красного Креста, расставленные в переулках в ожидании неизбежного возобновления насилия^[244]. На этот раз Хабалов хотел действовать наверняка и проследил за тем, чтобы на Невском проспекте стояли в основном подразделения хорошо подготовленных гвардейских полков, направленные из военных академий. Все они были хорошо вооружены, у них были винтовки со штыками – власти предполагали, что, как и казаки, солдаты будут неохотно выполнять приказ открывать огонь^[245].

Казалось, в то утро весь город вышел на улицу и пошел пешком, поскольку ни конки, ни извозчики не ездили. Складывалось впечатление, что люди были твердо намерены, несмотря ни на что, попасть в храмы, как обычно, или просто прогуляться по хорошей погоде по Невскому. Семейные пары везли детей в колясках так же, как и обычным воскресным днем. Дети катались на катке в Адмиралтейском саду. Когда Дональд Томпсон вышел из «Астории» с Флоренс Харпер, ему показалось, «что все дети в Петрограде отправились на прогулку»^[246].

Тем не менее большинство магазинов и кафе на Невском проспекте были закрыты, на многих из них были закрыты ставни, другие были поспешно забиты досками^[247]. Луизе Патуйе город показался «разворощенным», ее тревожили те изменения, которые внесли беспорядки в жизнь столицы. Несмотря на, казалось бы, беззаботно гулявшие семьи, за ночь атмосфера в городе накалилась и переросла в нечто более мрачное, более обостренное. Как отметил один приезжий англичанин, революция «висела в воздухе». Организация выступлений происходила по-прежнему стихийно, «разрозненно, кое-как»^[248]. Власти предупредили иностранных граждан о том, чтобы те не выходили на улицу, но Томпсон и Харпер не смогли устоять против искушения еще раз вместе с Борисом смешаться с толпой на Невском, хотя, как вспоминала потом Харпер, «нам всем обстановка показалась весьма опасной». Люди жаждали новостей, и вокруг всякого, кто мог что-нибудь сообщить, сразу же собирались небольшие группы^[249]. Помимо обсуждения, сколько уже было убитых и раненых, самой распространенной темой разговоров (и это неоднократно слышали иностранные очевидцы событий) являлось то, что по мирным жителям стреляли в основном переодетые в солдат и казаков «фараоны». Люди были уверены в этом, потому что «фараоны» «ездили на крупных, ухоженных конях», а лошади казаков были «очень невысокими, косматыми и вообще имели неопрятный вид». Люди сразу же видели эту разницу^[250].

К полудню все выходы на Невский проспект были заблокированы плотной толпой. Люди все прибывали и прибывали со всех районов города и пытались попасть на проспект. Томпсон и Харпер направились в «Медведь», самый популярный французский ресторан на Большой Конюшенной возле здания компании «Зингер». Они хотели успеть пообедать до того, как в ресторане закончится ограниченный запас хлеба. Томпсон был хорошо подготовлен к тому, чтобы запечатлеть возможные события: у него при себе была спрятанная в сумке «гирскопическая фотокамера»^[251]. Выйдя из ресторана и отправившись вниз по Невскому, за Аничковым мостом они увидели толпу, размахивавшую красными флагами и распевавшую «Марсельезу». «Эти бедолаги сейчас получают свое», – предрек Томпсон. Они с Харпер повернули обратно, пытаясь найти себе укрытие, – и тут позади взревела толпа. Они увидели, как «пятьдесят человек конных полицейских, переодетых солдатами» набросились на манифестантов и оттеснили их в один из переулков.

Но как только они расчистили место от этой толпы, на мосту уже собралась другая. Какой-то студент взобрался на одну из конных статуй и начал размахивать красным флагом и произносить речь. Томпсон остановился, чтобы сделать снимок, и увидел, как масса людей

пошла прямо на «смертельный стрекот пулеметов и треск винтовочных выстрелов». Он увидел, как полицейские привезли пулемет и установили его посередине трамвайных путей. «Раздавался залп за залпом, – вспоминала Харпер. – Было множество погибших, кричали раненые, которых топтала толпа». Вскоре все вокруг лежали плашмя на тротуаре или в снегу, в том числе Томпсон и Харпер. Им казалось, что «сам ад разверзся на Невском», огонь над их головами велся буквально «отовсюду», кроме помещений магазинов позади них. По ним вели огонь также те пулеметы, которые были установлены на крышах зданий, их очереди «поливали свинцом все вокруг»^[252].

Томпсону удалось сделать несколько снимков, прежде чем они с Харпер кинулись прочь. Они разбили окно в магазине перчаток и забрались внутрь в поисках укрытия, а следом за ними туда забрались еще человек десять-пятнадцать, многие из которых были ранены. Томпсон и Харпер увидели, как прямо на их глазах была убита маленькая девочка, которой пуля попала в горло, а стоящая рядом с ними хорошо одетая женщина упала с криком – ей пулей раздробило колено. Выбравшись наружу, Томпсон и Харпер снова были вынуждены броситься наземь – от Аничкова моста из винтовок вела огонь полиция. Вокруг на снегу лежали мертвые и умирающие. Томпсон насчитал двенадцать погибших солдат. Харпер заметила, что женщин и детей среди пострадавших было больше, чем мужчин; всего она насчитала тридцать погибших. Оба репортера пролежали в снегу более часа, они онемели от холода, но были слишком напуганы, чтобы двигаться. У Харпер «появилось ощущение, что она замерзнет насмерть», ей захотелось плакать. Но потом появились кареты «Скорой помощи», которые собирали мертвых и раненых, и американцы поняли, что им повезло: они смогли сделать вид, что ранены, и их подобрала и доставила в безопасное место^[253].

Медсестры Англо-русского госпиталя также видели этот обстрел, под который попали Томпсон и Харпер неподалеку от Аничкова моста. Медсестра Дороти Коттон совершенно точно знала, что беспорядки возобновятся к трем часам дня. Примерно без четверти три персонал госпиталя стоял у окон и видел, как рота солдат лейб-гвардии Павловского полка выстроилась на пересечении Садовой и Невского проспекта (западнее Аничкова моста), ей было приказано очистить улицу. Леди Сибил Грей видела, как солдаты «залегли в снегу и дали залп по людям в толпе», которые упали как подкошенные^[254]. Затем с крыши открыли огонь из пулемета, пулеметные очереди «поливали всю улицу», в то время как люди пытались отползти по-пластунски. Другие «со всех ног помчались прочь. Они бросались в переулки, прижимались к стенам домов, прятались за сугробами или за трамвайными стойками». Как вспоминала леди Сибил Грей, это была «совершенно ненужная провокация со стороны полиции».

По воспоминаниям Эдит Хеган, многие укрылись на входе в госпиталь^[255]. Ее очень впечатлили казаки, которые скакали вверх и вниз по Невскому, как «охристый росчерк», пытаясь расчистить проспект от толпы. Она видела, как один из них устремился к человеку, который, видимо, руководил толпой, и как этот казак «взмахнул своей шашкой. Я видела, как шашка, описав в воздухе дугу, опустилась, и, затаив дыхание от ужаса, наблюдала, как она аккуратно смахнула макушку шляпы этого человека. Человек при этом, казалось, «ничуть не испугался» и «спокойно пошел дальше, а толпа, не делая различий, шумно подбадривала их обоих». Совсем недавно, добавляла она, «тот же самый казак, возможно, уже отрубал людям головы»^[256].

Когда все успокоилось, люди бросились помогать раненым. Филип Шадборн видел, как «два молодых рабочих в высоких сапогах и черных куртках лежали навзничь, и изо рта у них била кровь». «Когда я стоял над ними и смотрел в их уже незрячие глаза, какая-то женщина склонилась над ними, вглядываясь в их лица, и с содроганием сказала: «Какой ужас! Мальчишки ведь, совсем мальчишки!»^[257] Рядом прошли «шестеро мужчин в зеленых студенческих фуражках», они «несли по улице над собой тело на щите для объявлений». Кто-

то остановил проезжавший мимо лимузин, заставил двух его пассажиров выйти, посадил туда раненых и велел шоферу везти их в больницу. Шадборн видел, как то же самое произошло и «с двумя частными санными повозками». Повсюду люди уносили раненых и убитых; некоторые тела оставались лежать горами, пока за ними не приехали повозки и машины «Скорой помощи».

В Англо-русском госпитале все 180 коек уже были заняты ранеными с фронта, и госпиталь мог оказать только первую помощь тем полутора десяткам пострадавших в уличных беспорядках, которых тут же привезли к ним. Как вспоминала Эдит Хеган, многие из них умерли почти сразу после того, как их доставили в госпиталь^[258]. Она и другие медсестры сделали для раненых все, что могли, «но ночью пришли представители власти и забрали их всех, кроме двух или трех, которые были уже при смерти, и их нельзя было трогать». Еще восемнадцать раненых были доставлены в здание городской Думы неподалеку от Англо-русского госпиталя чуть дальше вниз по Невскому проспекту, которое студенты помогли превратить в импровизированный пункт Красного Креста. Всю вторую половину дня леди Сибил Грей наблюдала за тем, как по проспекту беспрерывно ездили взад-вперед машины «Скорой помощи». В одну из больниц было доставлено триста раненых. Еще шестьдесят раненых привезли в Мариинскую больницу на Литейном проспекте, а в Обуховскую больницу на Фонтанке – больше сотни человек^[259].

Ранним вечером на Знаменской площади произошло «самое кровопролитное событие революции», как позже его назвал Роберт Уилтон. На этой площади плотная толпа народа с Невского проспекта слилась с другой массой людей, пришедших с Лиговской, большой улицы к югу от площади^[260]. Как вспоминал преподобный Джозеф Клэр, пастор Американской церкви⁴⁷, который был свидетелем этого события, «местные полицейские чины ездили верхом среди толпы и велели ей расходиться. Собравшиеся знали, что солдаты были на их стороне, и отказывались подчиниться». Перед гостиницей лицом к площади были выстроены солдаты 1-го и 2-го учебных рот Волынского полка. Когда их командир отдал приказ стрелять по толпе, чтобы разогнать ее, солдаты стали просить людей расходиться, чтобы им не пришлось применять оружие, но народ не сдвинулся с места. Разгневанный офицер велел арестовать одного из солдат за неподчинение и снова приказал открыть огонь. «Солдаты стали стрелять в воздух, а офицер разозлился и пытался заставить каждого солдата вести огонь по толпе», – вспоминал Клэр. В конце концов он выхватил свой пистолет и сам открыл стрельбу. Потом «вдруг раздался стрекот пулеметных очередей. Люди не верили своим ушам, но сомнений быть не могло, поскольку в подтверждение услышанного они увидели, как падают раненые и убитые»^[261]. Роберт Уилтон тоже видел это: пулемет «Максим», установленный на крыше соседнего здания (вероятно, тот самый, который накануне видел Дональд Томпсон), открыл огонь по толпе. В это время произошло нечто из ряда выходящее: отряд казаков, стоявший на площади, развернулся и стал стрелять по пулеметчикам на крыше дома. «Это был настоящий ад», – вспоминал Уилтон, толпа «гневно взревели» и начала рассеиваться за зданиями и по внутренним дворикам. Оттуда некоторые из них начали стрелять по солдатам и полиции. Было убито около сорока человек, сотни были ранены^[262].

«Раскаты братоубийственных столкновений» продолжали разноситься эхом по всему Невскому проспекту до самой темноты. Небольшие группы людей постоянно бродили по округе, некоторые из них были вооружены. Как вспоминал Филипп Шадборн, толпа «была взбудоражена и возбуждена», но город был так велик, а улицы так широки, что часто столкновения происходили совершенно независимо одно от другого и, чтобы узнать о произо-

⁴⁷ Конгрегационалистская христианская церковь в Петрограде была известна как «Американская церковь», поскольку предыдущий американский посол и многие члены американского посольства были там прихожанами.

шедшем где-либо, требовалось время^[263]. Как заметил один американец, в тот день было «в высшей степени странное ощущение», «в какой-то части города все было совершенно тихо и спокойно, но стоило только завернуть за угол, как можно было увидеть там кареты «Скорой помощи», подбиравшие убитых и раненых»^[264]. Артур Рэнсом в телеграмме сообщал, что он «юркнул» за угол, спасаясь от пулеметного огня, и обнаружил, как там «мирно соскребали лед с тротуаров четверо мужчин со скребками»^[265]. Дело в том, что было много случайной стрельбы, и при этом никто не знал, где свой, а где враг, и следить за событиями в таких условиях журналистам было и трудно, и опасно.

Как ни была Флоренс Харпер измучена, движимая профессиональным инстинктом, она оставалась на улицах до наступления темноты; по ее словам, «на улицах было так захватывающе интересно!». Вернувшись в «Асторию», она случайно услышала, как толстый торговец обувью из Чикаго сокрушался, что ему ни за что не поверят, когда он «будет рассказывать, сидя за кружкой пива в своем любимом кафе в Чикаго, окруженный благосклонными слушателями», «безумные истории о том, как он шесть кварталов бежал от разъяренных толп и пулеметного огня». «Да меня просто назовут лжецом!» – кричал он. Он застрял в «Астории», возвращаться к себе в гостиницу около Николаевского вокзала ему было слишком опасно, и он провел в «Астории» еще три дня, повторяя свой рассказ о чудесном спасении. «Надеюсь, что его друзья в Чикаго поверят ему», – писала позже Харпер, потому что и сама она, и Томпсон, и многие другие иностранцы являлись свидетелями произошедшего в тот день, «и он был одним из них»^[266].

Точного количества убитых в воскресенье не знал никто: Роберт Уилтон полагал, что их было, по крайней мере, человек двести, другие (например, Харпер и Томпсон) старались отмечать, сколько они увидели убитых и раненых в отдельные моменты столкновений. Некоторые погибли под пулеметным огнем на Невском проспекте и в переулках, а также на Знаменской площади, других затоптали насмерть кони «фараонов» или казаков. Жертв столкновений отправляли куда попало: в больницы и госпитали, на временные перевязочные пункты, в морги или просто домой, к друзьям и родственникам. Точных подсчетов никто не вел. Многие из пострадавших умерли, доказательства произошедшего в тот день были видны повсюду. Роберт Уилтон отмечал: «Я видел сотни гильз, валявшихся на залитом кровью снегу»^[267].

После наступления темноты, когда толпы покинули Невский проспект, солдаты, занятые подавлением беспорядков на Знаменской площади и на Невском, возвратились в свои казармы, обозленные и расстроенные тем, что их заставили открыть огонь по толпе. Роберт Уилтон пришел в посольство Великобритании, чтобы повидать потрясенного сэра Джорджа Бьюкенена, которому только что удалось последним поездом добраться обратно в Петроград из Финляндии, где он недолгое время находился на отдыхе. Он вернулся в самый разгар революции. «Я шел по Летнему саду, когда над моей головой засвистели пули», – вспоминал Уилтон^[268]. Сотня солдат Павловского полка, казармы которого находились близ Марсова поля, услышав, что ранее в тот день 4-й роте было приказано открыть огонь по толпе недалеко от перекрестка Садовой и Невского, перешла к решительным действиям. Солдаты были уверены, что это полиция «провоцировала кровопролитие»^[269]. Они отправились на Невский, прихватив с собой несколько винтовок и боеприпасы и намереваясь отговорить своих товарищей стрелять по демонстрантам, но по пути их перехватили конные полицейские. Завязалась перестрелка, однако у солдат вскоре закончились патроны, и они были вынуждены вернуться в свои казармы, где и сдались властям. Девятнадцать зачинщиков были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость, остальные были заключены под стражу в казарме. На распространение новостей об этом мятеже был сразу же наложен запрет, но информация о нем вскоре все же просочилась^[270].

Актриса Полетт Пакс, возвращаясь в тот вечер обратно в Михайловский театр, гадала, состоится ли представление «Выдумки Франсуазы» или нет. Придя в театр, она обнаружила, что все актеры труппы были взбудоражены и беспрестанно обсуждали сообщения о жестоких событиях этого дня. В тот вечер им совсем не хотелось играть комедию, да и зрительный зал был практически пуст. Однако по правилам спектакль можно было отменить только в том случае, если в зале будет менее семи зрителей. К великому сожалению Пакс, билетов было продано больше. К своей чести, актеры вышли на сцену и исполнили свои роли, «как будто зал был полон»^[271].

Представителями этой небольшой аудитории были сотрудник посольства Великобритании Хью Уолпол и Арно Дош-Флеро, которые превосходно проводили время. Там также была Стелла Арбенина, англичанка, которая вышла замуж за барона Мейендорфа. Когда она приехала в театр, на улицах было «совершенно тихо и спокойно», и она отослала своего кучера и карету домой, чтобы они не мерзли, ожидая ее на холоде в течение двух часов. Войдя в театр, она почувствовала беспокойство и разочарование, обнаружив в зрительном зале всего около пятидесяти человек, хотя французские пьесы обычно собирали аншлаг. Все в тот вечер «выглядели неуместно и как будто извинялись за свое поведение». Пожалуй, худшим моментом того вечера в театре стал антракт, когда всем присутствующим русским офицерам пришлось, по традиции, встать и стоя отдавать честь пустующей императорской ложе, что оказалось «данью пустого уважения» к отсутствующему царю^[272].

Мариинский театр, обычно заполненный до отказа, на представлении балета «Ручей» тоже остался полупустым. Ниже по Фонтанке, во дворце княгини Радзивилл, шел своим чередом долгожданный прием. Каретам гостей, правда, не позволили въехать на Невский проспект, и им пришлось совершить длинный объезд. Шарль де Шамбрюн и Клод Анэ, которые находились среди приглашенных, отмечали, что гости выглядели озабоченными, хотя и «пытались танцевать, невзирая на это». Анэ наблюдал, как танцевать вышел великий князь Борис Владимирович, и спросил себя, не стал ли он свидетелем «последнего танго» этого отпрыска русской аристократии. На приеме был и Берти Стопфорд, жадно вбирая последние капли классического имперского декаданса. Он пробыл там до четырех утра, а затем, когда князь Радзивилл отправил его обратно в гостиницу на личном автомобиле, «случайные пули все еще свистели над головой»^[273].

Морис Палеолог был измотан, поскольку весь день «его буквально осаждали встревоженные представители французской диаспоры», которые мечтали выбраться из Петрограда. Вечером он вышел поужинать с приятелем, не планируя ехать к Радзивиллам. Однако по дороге домой он проходил мимо дворца и увидел стоявшую у ворот длинную вереницу автомобилей и карет. Прием был в самом разгаре, но Морис не стал присоединяться к гостям. Как он отметил тем вечером в своем дневнике, Сенак де Мельян, историк Французской революции, записал, что в ночь на 5 октября 1789 года в Париже также было «много веселья!»^[274].

Когда припозднившиеся гости возвращались с различных вечеринок по домам, они почувствовали, что в городе стало ужасно жутко. Стелла Арбенина заметила это, выйдя из Михайловского театра. Обычно площадь перед театром была полна народу: там сидели в ожидании извозчики, стояли сани и автомобили, чтобы развезти театралов по домам, там же гуляла «веселая толпа закутанных в меха людей». Но в ту ночь площадь была «совершенно пуста», не было ни извозчиков, ни саней, как обычно, и ей пришлось идти домой под лунным светом и при сильной стуже. «То и дело раздавались отдаленные выстрелы, но улицы, по которым мы шли, были совершенно пустынные». Тишина вокруг была зловещей, и «снег под ногами скрипел неестественно громко». Петроград казался вымершим городом.

Клод Анэ тоже заметил этот ложный дух «спокойствия». Петроград был «пустынным, мрачным, почти не освещенным». На каждом перекрестке, охраняя Невский проспект, по-прежнему стояли военные кордоны. То здесь, то там виднелись казачьи патрули, проезжав-

шие по заснеженным улицам, окутанные клубами белого пара, который валил от спин их лошадей. Как вспоминал Анэ, было такое ощущение, будто идешь сквозь один большой военный лагерь^[275]. Норман Армор, допоздна засидевшийся на приеме у Радзивиллов, тоже заметил это, возвращаясь домой на квартиру с видом на Неву: «Я чувствовал себя так, будто я опять оказался во времена Крымской войны», – вспоминал он. Было очень холодно, и «патрули на улицах жгли костры и складывали свои винтовки рядом с ними, так же, как на старинных картинах в Эрмитаже»^[276]. Единственным освещением был мощный луч прожектора, установленный на шпигеле Адмиралтейства, который скользил вверх и вниз по пустынному Невскому. Проспект в его свете «тянулся вдаль широкой полосой жуткой белизны»^[277].

В Государственной думе в Таврическом дворце весь день шли судорожные заседания. Председатель Думы Родзянко, раздраженный отсутствием ответа от царя, взял инициативу в свои руки и телеграфировал ему в Ставку о серьезности сложившейся ситуации. Он предупредил, что в столице царит анархия, поставки продуктов питания, топлива, а также транспорт находятся в состоянии хаоса. Пытаясь внушить царю ужас перед происходящим, Родзянко утверждал, что правительство «парализовано». Это было, пожалуй, преувеличением и противоречило сообщениям генерала Хабалова, который стремился убедить царя, что ситуация находилась под контролем. Родзянко, однако, настаивал на том, что для разрядки этой опасной обстановки крайне важно незамедлительное формирование нового правительства, к которому народ бы испытывал доверие. Опасаясь переворота в Думе, вмешался премьер-министр Голицын и предвосхитил действия Родзянко по ее роспуску. В ожидании ответа Николая II он приостановил работу Думы. (Николай II, как потом выяснилось, решил, что от него никакого ответа не требуется.) Родзянко был возмущен: он настаивал на том, что Дума является конституционным органом власти в России и приостановка ее деятельности является нарушением российского законодательства. Он призвал своих коллег сплотиться и поддержать его. Как результат, был оперативно организован Временный комитет Государственной думы^[278].

Теперь революция была политически продекларирована как среди представителей власти, так и среди гвардейских полков и истово верных царю казаков. Рабочие, возмущенные безразборчивой стрельбой по толпе, создали свои вооруженные формирования. Весь воскресный вечер они провели, обсуждая планы не только продолжить забастовки и демонстрации, но и захватить оружие, чтобы превратить мирные протесты в вооруженное восстание. «Сегодня с часа дня это воскресенье стало для России кровавым», – написал Дональд Томпсон своей жене, когда он наконец вернулся в тот вечер к себе в «Асторию». Он ходил по улицам по морозу до половины четвертого утра, предъявляя свой американский паспорт, чтобы пройти через баррикады и, время от времени возвращаясь, чтобы согреться. Куда бы он ни пошел в тот вечер, он везде наталкивался на «агрессивного вида толпы». До него дошли слухи о мятеже среди некоторых армейских формирований. «Если это распространится на другие полки, Россия буквально в течение нескольких часов станет республикой», – написал он ей^[279]. Теперь все зависело от того, как поведут себя в понедельник настроенные против правительства воинские части, в частности Павловский, Волынский и Преображенский полки. «Мне хотелось бы, чтобы ты отправила мне немного сахара, – добавил Томпсон. – А еще мне нужны таблетки хинина и аспирина». Он чувствовал себя неважно. Но, как оказалось, в течение трех последующих дней у него не будет возможности снова написать ей.

Глава 4

«Случайная революция»

Все воскресенье Лейтон Роджерс и его коллеги из филиала Государственного муниципального банка Нью-Йорка в Петрограде были вынуждены провести в своем офисе на Дворцовой набережной: выходить из здания было слишком опасно. Они сидели там весь день и весь вечер, «прислушиваясь к треску винтовочных выстрелов и к стрекоту пулеметов, гадая, что же все это значит». Им эти звуки казались «хуже, чем это было в действительности», пришел к выводу Роджерс, но они не рисковали без надобности и свет в помещении не включали. Когда стало уже так темно, что они не могли ничего разглядеть, им пришлось прекратить читать и писать письма. К тому времени терпению Честера Свиннертона наступил конец. Коллеги называли его «графом» за вызывающе закрученные усы, которые были под стать бравате этого выпускника Гарварда. Свиннертон вскочил на ноги и заявил с театральным жестом, что они – «замечательная компания американцев» и не должны бояться «небольшой перестрелки». «Что проку сидеть здесь всю ночь? – вопрошал он. – Пуля может влететь в окно и убить любого ровно так же, как и на улице. Я не собираюсь здесь оставаться, я пойду домой, и черт с ней, со стрельбой, и буду спать в нормальной постели. Спокойной ночи!»^[280]

С этими словами Свиннертон надел шляпу, пальто и галоши и хлопнул дверью. Но далеко уйти он не успел, так как столкнулся с «каким-то мутным типом», у которого в руках был «довольно большой пистолет, настоящий такой ствол. Не наши курносые револьверчики, а настоящий пистолет, и в его руках эта штука мне совсем не понравилась, вот совсем нисколько». Поняв, что он столкнулся с рядовым представителем нового революционного народа, каких много теперь рыскало по улицам с оружием – они с ним и обращаться-то почти не умели, – и видя еще человек пятьдесят или больше поодаль, ведущих беспорядочную стрельбу, Свиннертон решил «дать деру обратно в банк». Его коллеги слышали выстрелы из винтовок и пулеметные очереди, когда Свиннертон ворвался обратно. «Ну, я, пожалуй, пока домой не пойду, – смущенно сказал он. – Там холодно, а здесь тепло»^[281].

В ту ночь, поделив последние сигары и сигареты, они все улеглись как пришлось, накрывшись своими тяжелыми кителями. Но спокойно поспать в такой обстановке – на богато украшенных позолотой диванах под хрустальными люстрами бывшей мавританской гостиной турецкого посольства, располагавшегося в этом здании раньше⁴⁸, – было затруднительно, мешало резкое несоответствие пышности этого помещения их нынешней ситуации^[282]. Они провели там и весь понедельник, питаясь черным хлебом, щами и чаем. Время от времени кто-нибудь из них выбегал на улицу, чтобы посмотреть, «не видно ли чего», но, обнаружив, что там действительно было на что посмотреть (и даже слишком), снова мчался обратно^[283].

Посол США Дэвид Фрэнсис благоразумно принял к сведению официальные предупреждения об опасности и во время беспорядков в выходные дни не покидал здание посольства. По его просьбе посольству была предоставлена охрана из восемнадцати вооруженных солдат, но посол понимал, что их «надежность» была «весьма относительной»^[284]. Его также беспокоило то, что некоторые сотрудники посольства без нужды рисковали, выбегая на тротуар перед посольством, и, вытягивая шеи, пытались разглядеть, что происходит. Он при-

⁴⁸ До начала войны 1914 года в Кантемировском дворце в доме номер 8 по Дворцовой набережной располагалось посольство Турции. Впоследствии это здание было арендовано Государственным муниципальным банком Нью-Йорка для своего Петроградского филиала. Просторные залы с высокими потолками на втором этаже были переоборудованы в помещения банка, расставлены письменные столы, пишущие машинки и арифмометры.

казал им вернуться в здание и закрыть ворота на засов^[285]. И поступил очень правильно, поскольку события принимали такой драматический оборот, что тот день получил впоследствии название «кровавый понедельник». Все происходило так быстро и непредсказуемо, что можно было в любой момент оказаться под перекрестным огнем.

Мэриэл Бьюкенен, гостившая у друзей за городом, в восемь утра приехала обратно в Петроград и была поражена тем, что она увидела. Она обнаружила, что трамваи не ходят, что нет ни одного извозчика и ей с багажом совершенно не на чем доехать до посольства Великобритании. Резко, необратимо изменившийся за время ее отсутствия Петроград ее ужаснул: «В мрачном, сером свете раннего утра город выглядел невыразимо заброшенным и опустевшим, от вокзала тянулись пустынные, голые, отвратительные улицы с покрытыми грязной штукатуркой домами по обе стороны, и после белоснежного сельского простора все это казалось своего рода квинтэссенцией безотрадности»^[286]. Но это было еще не все: в самом воздухе города витали страх и напряженное ожидание, отчего ее родители очень тревожились и были несказанно рады вновь увидеть ее дома. Почти все утро Мэриэл провела взаперти, ей «было запрещено выходить на улицу... и она просидела на большой лестнице посольства, собирая любые новости ото всех, кто проходил мимо».

В одиннадцать часов стало ясно, что столица оказалась в гуще революционных событий, поскольку к этому времени беспорядки приняли «угрожающие масштабы» и происходили уже не на Невском проспекте, а на северной оконечности Литейного, возле районного суда, всего в полутора кварталах от посольства США на Фурштатской улице, и еще того ближе к посольству Великобритании на Дворцовой набережной^[287]. Несмотря на то что Дэвид Фрэнсис весь день в понедельник просидел за рабочим столом, пытаясь разобраться в бурных событиях прошедших дней и описать их в подробной депеше в Вашингтон, которую, кстати, так и не удалось отправить из-за того, что телефонная линия была перерезана какими-то хулиганами, сэр Джордж Бьюкенен настоял на том, чтобы в 11.30 утра, как обычно, ехать на прием в российское Министерство иностранных дел вместе со своим французским коллегой Морисом Палеологом^[288]. Оба дипломата были весьма прямолинейны в разговоре с министром иностранных дел Николаем Покровским, как сообщил Бьюкенен позже в зашифрованной телеграмме в Лондон. Бьюкенен заявил, что в такой момент, как сейчас, «прервать работу Думы – сумасшествие», поскольку в этом случае остановить восстание будет невозможно. Покровский заверил, что будет объявлена «военная диктатура», а также сообщил, что Николай II направил с фронта войска для «подавления мятежа», но это лишь еще больше встревожило обоих послов. Им стало совершенно ясно, что Николай II, к сожалению, вновь не пошел на примирение и на какие-либо политические уступки. Бьюкенен был убежден, что подобные драконовские меры и политика репрессий, главным вдохновителем которых был реакционно настроенный Протопопов, не приведут ни к чему хорошему. Они были способны лишь обострить ситуацию, и Россия «окажется лицом к лицу с революцией» в тот самый момент, когда наступил решающий этап в войне^[289]. Палеолог разделял опасения Бьюкенена, мрачно размышляя о бурных периодах истории своей страны: «В 1789, 1830 и 1848 годах три династии французских королей были свергнуты, потому что они слишком поздно осознали значимость и мощь тех, кто выступил против них»^[290].

Решающий поворот в событиях фактически наступил уже в первые часы понедельника, 27 февраля, когда армия, как многие и предсказывали, приступила к подавлению мятежа. В три часа утра из своей комнаты в «Отель де Франс» Арно Дош-Флеро услышал «оживленную перестрелку» где-то поблизости. Он оделся и вышел осмотреться, но все дороги были перекрыты, так что он не смог никуда пройти. Однако он утверждал, что звуки выстрелов доносились из казарм Волынского полка неподалеку от места, где река Мойка пересекается с Екатерининским каналом. Ночью, следуя примеру павловцев, некоторые из

солдат Волынского полка, получившие приказ стрелять по толпе в воскресенье, приняли решение не подчиняться и подняли мятеж^[291]. Во время построения для несения караула некоторые из них повернули оружие против своего командира и застрелили его. Однако им не удалось склонить на свою сторону остальных, поэтому мятежные солдаты направились агитировать другие полки, попутно объединившись со сторонниками из простонародья. Около половины девятого Морис Палеолог услышал, одеваясь, «продолжительный гул», который шел со стороны Литейного моста. Он увидел, как полк солдат приближается к беспорядочной толпе людей, идущих с Выборгской стороны. Палеолог ожидал, что сейчас начнется «вооруженное столкновение», но вместо этого «обе массы людей объединились». «Армия брательась с повстанцами»^[292]. Таким образом, уже тем утром был пройден рубеж, после которого не было пути назад.

Объединение армейских частей и революционеров шло нарастающими темпами. Мятежники из Волынского полка направились в расположение батальона Преображенского и Литовского полков, а также 6-го инженерного батальона – все эти части находились неподалеку. Большинство солдат этих полков вскоре присоединились к волынцам, а солдаты 6-го инженерно-саперного батальона даже привели свой полковой оркестр. В тот день командиры Преображенского и Волынского батальонов были убиты своими солдатами; кроме них, погибли также многие другие офицеры. Особенно негативные последствия имело дезертирство солдат легендарного Преображенского полка из казарм неподалеку от Зимнего дворца, потому что они являлись лучшими из старых гвардейских полков, их полк был известен как «главная гордость и защита трона». Он, как и казаки, до этого времени являлся оплотом царской власти^[293]. В то утро Дональд Томпсон, проходя через Марсово поле по пути в посольство США, оказался среди ликующих по поводу мятежа солдат: «Солдаты стреляли из винтовок залпами в воздух... Вместо того чтобы относиться ко мне как к врагу, некоторые из них протягивали ко мне руки и целовали меня». У Томпсона при себе был фотоаппарат, и Дональд стал фотографировать. Солдаты с удовольствием позировали, никто и внимания не обратил, когда он остановился, чтобы сфотографировать трупы «двадцати двух офицеров, убитых» во время беспорядков тем утром^[294] 49.

В первые часы большинство мятежных солдат, казалось, были дезориентированы и находились словно в ступоре от судьбоносности принятого решения, в течение некоторого времени они не понимали, куда надо идти и что следовало делать, кроме того, чтобы подстрекать к дезертирству солдат других полков. Одна такая группа прорвалась сквозь заграждение, выставленное у места расположения солдат учебного отряда Московского полка, которые охраняли подходы к Литейному мосту, и подошла к казарме Московского полка на Сампсониевском проспекте на Выборгской стороне. Здесь часть полка в конце концов была сагитирована и во второй половине дня присоединилась к ним, захватив полный грузовик винтовок. Единственное сохранившее дисциплину вооруженное подразделение в городе, самокатный батальон, противостоял попыткам агитации и не поддавался на провокационные призывы присоединиться к мятежникам^[295]. Те же пребывали в такой эйфории, что многие из них просто бесцельно бродили и выкрикивали что-то, подбадривая друг друга и переругиваясь, «как школьники, сбежавшие с уроков». На какое-то время вся инициатива толп, состоявших из солдат и гражданского населения города, сводилась лишь к позерству или к бесцельному столпотворению на перекрестках. Но становилось очевидно, что повстанцам было необходимо вооружаться.

⁴⁹ В данном случае, как и в других, Томпсон ссылается на фотографии, сделанные им в то время, но, по-видимому, не сохранились ни их негативы, ни распечатанные снимки. Эти фотографии не вошли в книгу-фотоальбом «Россия, сочащаяся кровью», которую Томпсон издал, опубликовав сделанные в России в 1917 году фотографии.

Именно для этого около десяти часов утра группа людей явилась в Старый арсенал в верхней части Литейного проспекта у перекрестка со Шпалерной улицей, где находились Управление артиллерии и небольшой оружейный завод. Эта группа вломилась в ворота Арсенала и убила отвечавшего за охрану помещений пожилого полковника^[296]. В это время в здании находился британский военный атташе генерал-майор Альфред Нокс, общавшийся со своими российскими коллегами, он увидел «огромную беспорядочную массу солдатни, заполонившую всю широкую проезжую часть улицы и ее тротуары». Командиров-офицеров среди них не было, вместо этого ими руководил «крошечного роста, но очень горделивый студент»^[297]. Нокс и его коллеги сгрудились у окон, им хотелось посмотреть, что будет происходить. Сначала повисла «жуткая тишина», потом раздался грохот – на первом этаже начали крушить окна и двери. Завязалась перестрелка, и толпа хлынула внутрь, убив и ранив несколько человек, охранявших помещение. В безумном неистовстве толпа хватала все подряд – винтовки, револьверы, шпаги, кинжалы, боеприпасы и пулеметы – все, что попадалось под руку. В разграблении увлеченно участвовали и солдаты, и гражданские лица. Перегнувшись через перила лестницы, Нокс наблюдал, как они хватают шпаги офицеров артиллерийского управления, которые спешно покидали здание, а в это время «хулиганы шарили по карманам их кителей, оставленных в гардеробе». Они даже разбивали стекла витрин, чтобы забрать оттуда экспонаты, несмотря на то что эти винтовки были «образцами вооружения других стран, к ним не было боеприпасов, и толку от них никакого не было»^[298].

На Литейном проспекте в это время, около одиннадцати утра, другая толпа нацелилась на ненавистные бастионы царизма – расположенное неподалеку здание Окружного суда и Дворец правосудия, а также прилегающее к нему помещение тюрьмы предварительного заключения. Вскоре ворота тюрьмы были распахнуты, заключенные (в основном ожидавшие суда преступники) были отпущены на свободу, им вручили оружие, и, как только они вышли, здание тюрьмы было подожжено. Окружной суд тоже сожгли, уничтожив все хранившиеся там судебные дела – символический акт, совершенный, несомненно, в интересах всех только что освобожденных заключенных^[299]. В большом пожаре погибли не только картотека полиции, но и ценные исторические архивы, относившиеся еще ко временам правления Екатерины Великой. Когда прибыли несколько пожарных расчетов, толпа не позволила им погасить пламя. Французский журналист Клод Анет видел, как «изысканно одетый пожилой человек кричал, заламывая руки при виде горящего здания, из которого вырывались «языки пламени»: «Неужели вы не понимаете, что в огне гибнут все судебные документы, архивы, которым нет цены?» Грубый голос из толпы ответил ему: «Не беспокойся! Мы сможем поделить дома и земли между представителями народа и без помощи ваших драгоценных архивов». Этот ответ был встречен «ревом одобрения»^[300].

Тем временем Дональд Томпсон в посольстве США на встрече с послом Фрэнсисом (показавшимся ему «весьма хладнокровным и собранным») узнал от него о том, что же происходит на Литейном проспекте. Томпсон немедленно отправился туда вместе с Борисом и Флоренс Харпер. Там они увидели «огромное скопище людей, чуть ли не миллион человек, как мне показалось, и эта толпа жаждала крови», вооружившись «самыми разными видами оружия, какие себе только можно вообразить»^[301]. Он начал незаметно фотографировать своим потайным фотоаппаратом, опасаясь, что его по ошибке примут за шпиона полиции, но тут он заметил, что английский фотограф, работавший на газету «Дейли мирор»⁵⁰, и Клод Анет делают то же самое. Раньше Клод Анет успел сбегать к себе в номер и взять свой фотоаппарат, после чего он начал фотографировать на Литейном проспекте из-за автомобиля, но

⁵⁰ Вероятно, это был Джордж Мьюз, один из первых военных фоторепортеров «Дейли мирор» и единственный британский фотограф, официально аккредитованный военным ведомством России и допущенный на позиции русской армии на фронте.

тут его заметили. Вскоре он стоял прижатый к стене тремя штыками. Солдаты попытались сагитировать Клода, но тут к ним подошла молоденькая студентка и «начала яростно меня обвинять». Он сказал им, что он француз, журналист. Возможно, спросил он, они хотели бы посмотреть документы? «Возьмите пленки, – упрасивал Анет, – но оставьте мне фотоаппарат. Я ваш союзник». События стали принимать неприятный оборот, но в этот момент кто-то подскочил к Клоду, вырвал фотоаппарат из его рук и удрал с ним. Анет был очень огорчен потерей «ценного объектива Герца»^[302].

Томпсону тоже не повезло. Он застрял в круговерти беснующихся толп на Литейном проспекте. Все вокруг него бегали с криками: «Смерть полицейским!» Неожиданно он сам был арестован, и его потащили в полицейский участок. Он показал им пропуск для представителя прессы США, тем не менее их с Борисом заперли в душной маленькой камере, где находилось еще около двадцати других задержанных, а вокруг раздавались звуки выстрелов и пулеметные очереди, крики, и вопли, и «треск ломающихся дверей и звон разбитых стекол». «Стоял такой грохот, какого я в жизни не слышал», – вспоминал он. Там их продержали, пока Борис пытался убедить полицию, что «американец» настоящий. Вскоре после этого в полицейский участок ворвалась толпа и разбила замки на дверях их камеры, они с Борисом и опомниться не успели, как «окружающие стали бросаться к нам с объятиями, стали целовать нас, восклицая, что мы свободны». В приемной участка, выходя наружу, Томпсон «застал невыразимо ужасную сцену»: «на коленях стояли женщины и рвали на куски тела полицейских». Он увидел, как одна из них «пыталась порвать чье-то лицо голыми руками»^[303].

На Литейном проспекте уже творилось «неописуемое столпотворение», полыхали здания Окружного суда и Дворца правосудия, вокруг стоял непрерывный треск перестрелки. С опрокинутого трамвая, как с пьедестала, один за другим ораторы пытались агитировать толпу, но, как вспоминал Луи де Робьен, было «невозможно разобрать ничего вокруг в этом беспорядочном движении охваченных паникой людей, которые бегали туда-сюда»^[304]. После давки возле Нового арсенала откуда-то появились три полевых орудия, которыми никто не знал, как управлять; кроме того, с заводов были притащены пушки, траншейные мортиры и большой запас снарядов для них. Все это в спешном порядке было установлено на импровизированные заграждения, сооруженные из груды ящиков, тележек, столов и мебели из кабинетов Окружного суда. С этих заграждений можно было держать под прицелом весь Литейный проспект вплоть до пересечения с Невским. Для обеспечения поддержки на парাপете расположенного позади этих заграждений Литейного моста были установлены пулеметы на случай, если с северной стороны подойдут какие-либо верные царскому режиму подразделения^[305]. Когда прибыла группа семеновцев, сохранявших пока верность царю, между ними и ротой восставших волынцев начался ожесточенный бой, за ходом которого, группами прячась в переулках и дверных проемах, наблюдали обычные граждане, причем среди зевак было много женщин и детей. Некоторые из них подвергали себя огромному риску, «под сильной перестрелкой спокойно выходя из своих укрытий, чтобы забрать раненых»^[306]. Джеймс Хоктелинг видел, что раненых забирали немедленно, стоило им только упасть. После этого на снегу оставались лишь «длинные следы свежей крови». Его поразило и то, что в перерывах между перестрелками штатские заполняли весь Литейный, чтобы, как обычно, пойти за покупками, и даже выстраивались в очередь возле булочных. Они расходились, лишь слышав пулеметные очереди. Стремительно развивающиеся вокруг события для многих растерянных граждан были нереальными, «как если бы они смотрели какую-то мелодраму в синематографе»^[307].

Оружия, награбленного из армейских казарм, Арсенала, тюрем и полицейских участков, было так много, что его раздавали всем подряд, так что вскоре толпы штатских разных сословий, рабочих и солдат, ликуя, расхаживали повсюду, потрясая этим оружием и постреливая. Вот как это описал британский инженер-механик Джеймс Стинтон Джонс: «То уви-

дишь, как какой-то хулиган расхаживает с офицерской шпагой, висящей на перевязи, повязанной поверх его тужурки, с винтовкой в одной руке и револьвером в другой, то встретишь мальчонку с большим ножом мясника, привязанным веревкой через плечо. Где-то неподалеку заметишь рабочего, неловко держащего офицерскую шпагу в одной руке, а штык в другой. У кого-то в руках сразу два револьвера, у другого винтовка в одной руке, в другой – ломик. Вот студент с двумя винтовками, перепоясанный пулеметной лентой, а рядом с ним другой, со штыком, примотанным на конце обычной палки. У пьяного солдата в руках остался только ствол винтовки, остальная часть отвалилась, когда он взламывал какой-то магазинчик»^[308].

Артура Рейнке из компании «Вестингауз» очень тревожило, как свободно раздавали оружие и боеприпасы детям: «Было необычно... видеть русского подростка лет пятнадцати, неумело пытавшегося запихнуть магазин в пистолет. Дети расхаживали с огромными кавалерийскими саблями. Часто встречались самозванные гвардейцы-студенты, вооруженные турецкими саблями или японскими мечами с изысканными резными рукоятями». «Даже уличные мальчишки, видимо, подбирали револьверы и палили почем зря в голубей», как заметил другой свидетель^[309].

Офицерам, которые в тот день на улице отказывались сдать оружие по первому требованию, спасения не было. На них нападали даже женщины. Медсестра Эдит Хеган видела, как «толпа женщин преследовала одного заслуженного, увешанного наградами офицера, имевшего поначалу весьма бравый вид. Офицер пытался прогуляться по Невскому проспекту и выглядел очень раздосадованным, когда его преследовательницы отняли у него оружие. Шпага его попала к седой женщине, которая пронзительно выкрикивала, по-видимому, какие-то ругательства в его адрес. Женщина презрительно сломала шпагу о колено пополам, а обломки швырнула в канал»^[310].

К полудню к вооруженным штатским на Литейном проспекте примкнули двадцать пять тысяч солдат Волынского, Преображенского, Литовского, Кексгольмского и саперного полков. Арно Дош-Флеро вспоминал, что на улице собралась плотная толпа, заполонившая все на четверть мили вокруг, «вдохновленная своей верой в себя»^[311]. Повсюду среди могучего рева революционного волнения, пения и ободрительных выкриков был виден алый цвет борьбы – наскоро сделанные революционные знамена, розетки и нарукавные повязки, красные ленточки, привязанные к стволам винтовок.

Когда у революционеров появились автомобили, события стали развиваться еще быстрее. Главный военный гараж в Петрограде был взломан, оттуда были вывезены все легковые автомобили и несколько бронированных грузовиков^[312]. Были взломаны также частные гаражи состоятельных людей по всему городу, все их легковые машины и роскошные лимузины были конфискованы. Все эти транспортные средства были немедленно обтянуты красными полотнищами знамен, и их стали гонять туда-сюда по Литейному проспекту и по другим улицам. Часто за рулем этих автомобилей сидели неопытные водители, которых бешеная скорость приводила в исступление. В машины битком набивались солдаты, штыки их винтовок торчали из окон. Из разбитых задних стекол некоторых автомобилей высовывались пулеметы. Вооруженные повстанцы лежали даже на автомобильных капотах. Но популярнее всего среди революционеров было разъезжать (и это отчетливо запомнилось многим очевидцам) с оружием наизготовку на широких порожах угнанных легковых автомобилей. Им суждено было стать плакатными образами революции, поскольку в течение ближайших нескольких часов эти бронированные легковые автомобили и грузовики сыграли важную роль в распространении новостей о происходящем. «Громокая по исполненным сомнениям улицам... они несли убежденность в силе». Именно благодаря этим автомобилям и грузовикам «город удалось быстро взять под контроль», по мнению американского журналиста Иса-

ака Маркоссона, репортера журнала “Everybody’s Magazine”. «Пешком этого сделать было бы невозможно»^[313].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Violetta Thurstan, *Field Hospital and Flying Column*, p. 94. Виолетта Терстан, как и многие другие, оказавшиеся в то время в Петрограде, была поражена масштабами города и его притягательной силой: «Это один из тех городов, чье очарование застает вас врасплох. Он громаден, привлекателен, неотступен, он просто поражает ваше воображение... В нем все настолько огромно, избыточно, безмерно... Его дворцы грандиозны; блоки, из которых они сложены, казалось, обтесывали титаны» (Rogers, Box 3: Folder 7, p. 12–13; в дальнейшем в таких случаях будет обозначено как 3:7, соответственно).

2.

Fred Morris Dearing, unpublished MS memoirs, p. 88.

3.

E. M. Almedingen, *I Remember St Petersburg*, pp. 120–122; см. также уникальные воспоминания о Петрограде 1916 года в произведениях: Huge Walpole, *The Secret City*, p. 98–99, 134, Leighton Rogers, *Wine of Fury*.

4.

E. M. Almedingen, *Tomorrow Will Come*, p. 76.

5.

William Barnes Steveni, *Things Seen in Russia*, London: Seeley, Service & Co., 1913, p. 80. В книге Уильяма Барнса Стэвени «Петроград прошлого и настоящего» (Steveni, *Petrograd Past and Present*), изданной в 1915 году, в главе XXXI превосходно описана история британской общины; см. также издания: Anthony Cross, *A Corner of a Foreign Field*, *Forgotten British Places in Petrograd*.

6.

Bousfield Swan Lombard, untitled typescript memoirs, section ‘Things I Can’t Forget’, p. 64.

7.

Там же, section VII, n.p.

8.

Stopford, p. 18.

9.

Negley Farson, *The Way of a Transgressor*, p. 150.

10.

Nathaniel Newnham-Davis, *The Gourmet’s Guide to Europe*, Edinburgh: Ballantyne, Hanson & Co., 1908, ‘St Petersburg Clubs’, p. 303.

11.

Negley Farson. Указ. соч., p. 95.

12.

Dissolution, pp. 9.

13.

Там же, p. 5–7.

14.

Henry James Bruce, *Silken Dalliance*, pp. 174, 159; Bernard Pares, *My Russian Memoirs*, p. 424. Краткий биографический очерк сэра Джорджа Бьюкенена, изложенный его современником в Петрограде, представлен в издании: Bernard Pares, 'Sir George Buchanan in Russia', *Slavonic Review*, 3 (9), March 1925, p. 576–586.

15.

Robert Bruce Lockhart, *Memoirs of a British Agent*, p. 121.

16.

Negley Farson. Указ. соч., p. 95.

17.

Wilfred Blunt, *Lady Muriel Paget*, p. 62; Robert Bruce Lockhart. Указ. соч., p. 118.

18.

Meriel Buchanan, *Ambassador's Daughter*, p. 130.

19.

Barnes, pp. 182, 206.

20.

Дэвид Фрэнсис сенатору Уильяму Дж. Стоуну, 13/26 февраля 1917 года, цит. по: Lyubov Ginzburg, 'Confronting the Cold War Legacy', p. 86.

21.

См.: Barnes, pp. 406—7; 'D. R. Francis Valet Dies in California', *St Louis Post Dispatch*, 1941; Mrs Clinton A. Bliss, 'Philip Jordan's Letters from Russia', pp. 140—1; Barnes, p. 69.

22.

Barnes, p. 186; Samuel Harper, *The Russia I Believe In*, pp. 91—2; Harper, p. 188.

23.

Francis, p. 3.

24.

Neil V. Salzman, *Reform and Revolution*, p. 228.

25.

Rheta Childe Dorr, *Inside the Russian Revolution*, p. 41.

26.

Norman E. Saul, *Life and Times of Charles Richard Crane*, p. 134; Robert Bruce Lockhart. Указ соч., p. 281–282.

27.

Rogers, 3:9, p. 153.

28.

Houghteling, p. 5.

29.

Barnes, p. 194.

30.

Там же, p. 195.

31.

Jamie H. Cockfield, *Dollars and Diplomacy*, 23.

32.

Утверждения о том, что Матильда де Крам была шпионом, можно встретить, например, в издании: William Thomas Allison, *American Diplomats in Russia*, pp. 66–67; также в докладе генерала Уильяма В. Джадсона министру обороны США в издании: Neil V. Salzman, *Russia in War and Revolution*, pp. 267–270 (современная оценка ситуации с точки зрения человека, работающего в американском посольстве; Barnes (в разных местах) – также обсуждаются отношения между этими двумя людьми).

33.

Barnes, pp. 199, 200–201.

34.

‘Missouri Negro in Russia is “Jes a Honin” for Home’, *Wabash Daily Plain Dealer*, 29 September 1916.

35.

Там же, p. 207.

36.

Там же.

37.

Jamie H. Cockfield. Указ. соч., p. 56.

38.

Wright, p. 4.

39.

Fred Morris Dearing, неизданные мемуары, p. 219.

40.

Jamie H. Cockfield. Указ. соч., p. 32.

41.

Там же, p. 31.

42.

Цитируется по изданию: Joseph Noulens, *Mon Ambassade en Russie Soviétique*, p. 243.

43.

George Kennan, *Russia Leaves the War*, 38.

44.

Francis Oswald Lindley, *untitled memoirs*, p. 5.

45.

Fred Morris Dearing, *неизданные мемуары*, p. 144.

46.

Heald, p. 25; Barnes, p. 207; Jamie H. Cockfield, *указ. соч.*, p. 70; Wright, p. 10.

47.

Negley Farson, *указ. соч.*, p. 94; William Barnes Steveni, *Petrograd Past and Present*, Chapter XIII, 'The Modern City and the People'.

48.

По словам Луизы Патин (Louise Patin, *Journal d'une institutrice française*, 19), французские граждане пользовались специальным разрешением заказывать себе вина.

49.

По словам Луизы Патин (Louise Patin, *Journal d'une institutrice française*, 19), французские граждане пользовались специальным разрешением заказывать себе вина.

50.

Электронный адрес: <http://thegaycourier.blogspot.co.uk/2013/06/legendaryhotel-celebrates-100-years.html>

51.

Joseph Vecchi, *Tavern is My Drum*, p. 96.

52.

Rogers, 3:7, p. 21–22.

53.

Там же, p. 23.

54.

Negley Farson. *Указ. соч.*, p. 180.

55.

Там же, p. 181.

56.

См. воспоминания Эллы Кордаско (в девичестве Вудхаус), которые доступны только по электронному адресу: <https://web.archive.org/web/20120213165523/>, <http://www.zimdocs.btinternet.co.uk/fh/ella2.html>

57.

Negley Farson. Указ. соч., p. 180.

58.

Fred Morris Dearing, неизданные мемуары, p. 87.

59.

William Oudendyk [Willem Jacob Oudendijk], Ways and By-Ways in Diplomacy, p. 208.

60.

Denis Garstin, 'Denis Garstin and the Russian Revolution', p. 589.

61.

Великий князь Николай Николаевич цит. по: Richard Pipes, Russian Revolution, p. 256; Memorandum to Foreign Office 18 [5], August 1916, Mission, p. 19.

62.

Petrograd, p. 78.

63.

Harrison E. Salisbury, Black Night, White Snow, p. 311; Petrograd, p. 70.

64.

Paleologue, p. 733.

65.

Robert Bruce Lockhart. Указ. соч., p. 158.

66.

Arthur Bullard, Russian Pendulum, London: Macmillan, 1919, p. 21; см. также: Houghteling, pp. 4–5.

67.

Rogers 3:7, 17, p. 7–8.

68.

Meriel Buchanan. Указ. соч., p. 138.

69.

Petrograd, p. 50.

70.

Alban Gordon, Russian Year: A Calendar of the Revolution, p. 35.

71.

Там же, стр. 40.

72.

Цифры во многих источниках различаются; см., например, данный источник: <http://rkrp-rpk.ru/content/view/10145/1/>

73.

Jamie H. Cockfield. Указ. соч., p. 69.

74.

Wright, p. 15.

75.

Robert Bruce Lockhart. Указ. соч., p. 119.

76.

Dissolution, p. 151; Meriel Buchanan, указ. соч., p. 141.

77.

Stopford, p. 94.

78.

Barnes, p. 213.

79.

Paleologue, p. 755.

80.

Ethel Mary Christie, 'Experiences in Russia', p. 2; Sarah MacNaughton, My Experiences in Two Continents, p. 194.

81.

<http://alphahistory.com/russianrevolution/police-conditionsin-petrograd-1916/>

82.

Fleurot, p. 96.

83.

Там же, pp. 99, 100; Kenneth Hawkins, 'Through War to Revolution with Dosch-Fleurot', p. 20. В конце концов Арно Дош-Флеро вернулся домой в марте 1918 года.

84.

Fleurot, pp. 99, 100.

85.

Там же, стр. 101.

86.

Kenneth Hawkins, 'Through War to Revolution with Dosch-Fleurot', p. 22; Fleurot, pp. 103—4.

87.

Thompson, p. 30. О работе Дональда Томпсона в военное время до его прибытия в Петроград рассказывается в издании: David Mould, 'Donald Thompson: Photographer at War', а также в издании: Dr David H. Mould, 'Russian Revolution', p. 3.

88.

Heald, p. 23.

89.

Thompson, p. 17.

90.

Harper, p. 19.

91.

Houghteling, p. 14, p. 4.

92.

Audrey Cahill, *Between the Lines*, p. 217, p. 221.

93.

Там же, стр. 218.

94.

Там же, стр. 219.

95.

Gregory Mason, 'Russia's Refugees', p. 142.

96.

Там же.

97.

Petrograd, p. 48.

98.

Детали ее жизни и деятельности представлены в издании: Wilfred Blunt, *Lady Muriel*, а также в изданиях: Sybil Oldfield, *Women Humanitarians*, London: Continuum, 2001, p. 160—1633; Anne Powell, *Women in the War Zone*, pp. 296—297.

99.

Wilfred Blunt, *Lady Muriel*, p. 59.

100.

Geoffrey Jefferson, *So This Was Life*, 85.

101.

Некоторые другие иностранные диаспоры также финансировали деятельность ряда госпиталей в Петрограде во время войны: на Спасской, 15, находился госпиталь американской колонии; действовал госпиталь имени бельгийского короля Альберта; голландский госпиталь располагался на Английской набережной, 68; датчане курировали два госпиталя – на Сергиевской, 11, и госпиталь для нижних чинов имени вдовствующей императрицы Марии Федоровны (датчанки по рождению) на Почтамтской, 13. Были также французские, швейцарские и японские госпитали для раненых. См.: Юрий Виноградов, «Лазареты Петрограда», <http://www.proza.ru/2010/01/30/984>.

102.

Lady Georgina Buchanan, letter 16 December 1916, Glenesk-Bathurst papers.

103.

Газета «Новое время», 6 февраля 1917 года.

104.

Lady Georgina Buchanan, letters of 7 October 1916 and 20 January 1917, Glenesk-Bathurst papers.

105.

Geoffrey Jefferson, указ. соч., pp. 84—6; Michael Harmer, *Forgotten Hospital*, pp. 67—8.

106.

Письмо к матери, 19 [6] сентября, цит. по: Joyce Wood, 'Revolution Outside Her Window', p. 74; Anne Powell, *Women in the War Zone*, p. 301.

107.

Joyce Wood, указ. соч., p. 75; letter 23 [10] September, Anne Powell, указ. соч., p. 301.

108.

Dorothy Seymour, MS diary for 4 October [22 September], IWM; Powell, указ. соч., p. 301; Caroline Moorhead, *Dunant's Dream*, p. 64.

109.

Wilfred Blunt. Указ. соч., p. 66.

110.

Daniel Farson, 'Aux Pieds de l'Imperatrice', p. 17.

111.

Michael Harmer, указ. соч., p. 57; Anne Powell, указ. соч., p. 302.

112.

Michael Harmer, указ. соч., p. 25; Anne Powell, указ. соч., p. 303.

113.

Изложенная Виолеттой Терстан точка зрения этих трех женщин цит. по: Caroline Moorhead *Dunant's Dream*, p. 235.

114.

Geoffrey Jefferson, указ. соч., p. 92. Дневник леди Сибил Грей цит. по: Michael Harmer, *Forgotten Hospital*, p. 67. Достойно сожаления, что дневник леди Сибил Грей находится в частных руках и пока еще недоступен для изучения.

115.

Michael Harmer, указ. соч., p. 118.

116.

См. воспоминания Эллы Кордаско (в девичестве Вудхаус), которые доступны только по электронному адресу: <https://web.archive.org/web/20120213165523/>, <http://www.zimdocs.btinternet.co.uk/fh/ella2.html>

117.

Wright, p. 21.

118.

Norman Armour, 'Recollections of Norman Armour of the Russian Revolution', p. 7. Впечатления автора о приеме в Царском Селе представлены на страницах 7–9.

119.

Charles de Chambrun, *Lettres a Marie*, p. 42.

120.

Wright, pp. 21, 22.

121.

Norman Armour, указ. соч., p. 8.

122.

Charles de Chambrun, указ. соч., p. 42.

123.

Francis, p. 49.

124.

Wright, p. 22; *Paleologue*, p. 764.

125.

Charles J. Weeks, *An American Naval Diplomat in Revolutionary Russia*, p. 106.

126.

Francis, pp. 50–51.

127.

Charles de Chambrun, указ. соч., p. 43.

128.

Paleologue, p. 764; Charles de Chambrun, указ. соч., p. 42; Wright, p. 22.

129.

Wright, p. 26.

130.

Там же.

131.

Meriel Buchanan, *Ambassador's Daughter*, p. 141; Petrograd, pp. 89–90; Stopford, p. 100.

132.

Paleologue, p. 776.

133.

Countess Lili Nostitz, *Romance and Revolutions*, p. 178; см. также: Wright, p. 33.

134.

Robert Bruce Lockhart, *Memoirs of a British Agent*, p. 163; Paleologue, p. 783.

135.

Robert Bruce Lockhart, указ. соч., pp. 162–163; Meriel Buchanan, указ. соч., p. 142.

136.

Paleologue, p. 793.

137.

Meriel Buchanan, указ. соч., p. 142; *Mission*, p. 57 (Джордж Бьюкенен, «Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918», М.: Центрполиграф, 2006); Meriel Buchanan, указ. соч., p. 138.

138.

Harrison E. Salisbury, *Black Night, White Snow*, p. 321; Sir George Bury, 'Report Regarding the Russian Revolution', p. 11.

139.

Paul Wharton [псевдоним Филипа Шадборна], 'Russian Ides of March', p. 22.

140.

Там же. Шадборн опубликовал свой крайне важный рассказ о Февральской революции под псевдонимом «Поль Вартон».

141.

Emily Warner Somerville, 'A Kappa in Russia', p. 123.

142.

Wright, pp. 33, 34.

143.

Thompson, p. 334.

144.

E. M. Almedingen, *I Remember St Petersburg*, pp. 186–187.

145.

Wright, p. 34.

146.

Там же; Thompson, p. 37; Harrison E. Salisbury, указ. соч., p. 322.

147.

Mission, p. 59 (Джордж Бьюкенен, «Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918», М.: Центрполиграф, 2006). Семья Уишоу являлась старинной семьей британской колонии, чья компания «Хиллз энд Уишоу» принимала участие в эксплуатации нефтяных месторождений в Баку. Стелла Арбенина (она же баронесса Мейендорф), представленная в этой книге, была членом семьи Уишоу.

148.

Thompson, p. 33.

149.

Там же, p. 37; Harper, p. 24.

150.

Paleologue, p. 796.

151.

Там же, стр. 797.

152.

Советник британского посольства Фрэнсис Линдли отметил в своих воспоминаниях, что доклад об итогах визита делегации, подготовленный для британского Министерства иностранных дел, который был гораздо более оптимистичным, чем доклад, направленный из посольства, был отпечатан и доставлен в Министерство иностранных дел как раз к моменту начала революции. Его были вынуждены поспешно изъять и утаить. Francis Oswald Lindley, *untitled memoirs*, p. 28.

153.

Paleologue, p. 808.

154.

Согласно статистическим данным о погоде в России в 1917 году, в среднем температура была минус 13,44 градуса по Цельсию, и ее существенное повышение (например, согласно источникам: Orlando Figes, *People's Tragedy*, p. 308; Richard Pipes, *Russian Revolution*, p. 274), которое было отмечено в пятницу, 24 февраля, на самом деле началось лишь в понедельник, 27 февраля, когда температура наконец-то поднялась выше нуля, до 0,03 °С. Существенно выше нуля она не поднималась до 13 марта, и лишь в этот день она наконец достигла 8 °С. Более подробно см: «Еженедельник статистического отделения Петроградской городской управы», 1917, вып. 5, стр. 13.

155.

Robert Wilton, *Russia's Agony*, p. 104; Fleurot, p. 118; Wright, p. 42.

156.

Thompson, p. 39.

157.

Fleurot, p. 118; Alban Gordon, *Russian Year: A Calendar of the Revolution*, p. 97.

158.

Thompson, p. 41.

159.

Thompson, p. 41.

160.

Tsuyoshi Hasegawa, *The February Revolution, Petrograd, 1917*, p. 217; Rochelle Goldberg Ruthchild, 'Women's Suffrage and Revolution in the Russian Empire 1905–1917', *Aspasia*, 1, 2007, p. 18; Thompson, p. 43.

161.

Harper, p. 26.

162.

Там же, стр. 27.

163.

Thompson, p. 43; Harper, p. 27.

164.

Thompson, p. 44.

165.

Harrison E. Salisbury, *Black Night, White Snow*, p. 337.

166.

Robert Wilton, указ. соч., p. 105.

167.

Thompson, p. 44; May Pearse, diary, 24 February 1917.

168.

Thompson, pp. 46–47.

169.

Charles Rivet, *Last of the Romanofs*, p. 171; Rupert Hart-Davis, *Hugh Walpole*, p. 159; Lyndall Crossthwaite Pocock MS diary, n.p.

170.

Wright, p. 43. Orlando Figes, *People's Tragedy*, p. 308.

171.

Arthur Ransome, despatch 48, 23/24 February 1917.

172.

Thompson, p. 47.

173.

Tsuyoshi Hasegawa, указ. соч., pp. 224–225; Sir George Bury, 'Report Regarding the Russian Revolution', IV; Arno Dosch-Fleuret, 'In Petrograd during the Seven Days', p. 258. Fleuret, p. 118.

174.

См.: Harrison E. Salisbury, указ. соч., pp. 336–337. Плохая вода Северной столицы не позволяла обеспечить качественную выпечку в районе Зимнего дворца, что обуславливало необходимость ежедневных поставок железнодорожным транспортом продукции хлебопекарни Филиппова в Москве. См.: http://voiceofrussia.com/radio_broadcast/2248959/18406508/

175.

Анонимный автор, 'The Nine Days', pp. 213, 214. К сожалению, оказалось невозможно установить, кто написал эту статью, но автор ведет речь о работе в здании компании «Зингер» на Невском проспекте, поэтому, вероятно, это был один из сотрудников консульства США или, возможно, сотрудник компании «Вестингауз», которая располагалась там же.

176.

Thompson, p. 48.

177.

Alban Gordon, *Russian Year: A Calendar of the Revolution Russian*, p. 97.

178.

Arthur Ransome, despatches 49 and 48; Frank Golder, *War, Revolution and Peace in Russia*, p. 34.

179.

Царица каждый день пунктуально записывала температуру в своем дневнике. Она отмечала, что в феврале она колебалась от минус 19 градусов (5 февраля) до минус 4,5 градуса по Цельсию (24 февраля). См., например, В. А. Козлов, В. М. Хрусталеv, ред., «Последний дневник царицы Александры», London: Yale University Press, 1997 (V. A. Kozlov and V. M. Khrustalev, eds, *The Last Diary of Tsaritsa Alexandra*).

180.

Анонимный автор, 'The Nine Days', p. 213.

181.

Там же.

182.

Frank Golder, *War, Revolution and Peace in Russia*, p. 334.

183.

Fleurot, 'Seven Days', p. 258.

184.

Robien, p. 8.

185.

Tsuyoshi Hasegawa, указ. соч., p. 233.

186.

Там же, стр. 235.

187.

Robien, p. 8; Charles de Chambrun, *Lettres a Marie*, p. 55.

188.

Такая цифра приводится, в частности, в издании: Tsuyoshi Hasegawa *February Revolution*, p. 238.

189.

Marylie Markovitch [Amelie de Nery], *La Revolution russe par une francaise*, p. 17.

190.

Sir George Bury, 'Report Regarding the Russian Revolution prepared at the request of the British War Cabinet', V.

191.

Heald, p. 50; 'From Our Own Correspondent [Robert Wilton], "The Outbreak of the Revolution"', *The Times*, 21 [8] March 1917.

192.

Bert Hall, *One Man's War*, pp. 267, 263.

193.

Edith Hegan, 'Russian Revolution from a Window', p. 556.

194.

Michael Harmer, *Forgotten Hospital*, p. 119; Olga Poutiatine, *War and Revolution: Extracts from the Letters and Diaries of the Countess Olga Poutiatine*, pp. 45–46.

195.

Dorothy Cotton, letter, 4 March 1917, Library Archives of Canada; Wilfred Blunt, *Lady Muriel: Lady Muriel Paget, Her Husband, and Her Philanthropic Work in Central and Eastern Europe*, p. 104.

196.

Thompson, p. 50.

197.

Patouillet, 1:55.

198.

Lady Sybil Grey, 'Sidelights on the Russian Revolution', p. 363.

199.

Harper, p. 29; Thompson, p. 49.

200.

Harper, pp. 28–29.

201.

Stinton Jones, p. 62.

202.

Fleurot, 123.

203.

[Wilton], 'Russian Food problem', The Times, 9 March 1917; [Wilton], 'The Outbreak of the Revolution, The Times, 21 March 1917.

204.

Heald, p. 50.

205.

Rogers, 3:7, pp. 43–44.

206.

Thompson, p. 51.

207.

Charles de Chambrun, Lettres a Marie, p. 55.

208.

Patouillet, 1:56.

209.

Rogers, 3:7, p. 44.

210.

Rogers, 3:7, pp. 45–46; см. также: 'C[hester] T. Swinnerton, 'Letter from Petrograd, March 27(NS) 1917', 2; неверно поставлена дата 12 марта по старому стилю – вместо 14 марта по старому стилю.

211.

Tsuyoshi Hasegawa, The February Revolution, Petrograd, 1917, p. 248; Wright, p. 43.

212.

Tsuyoshi Hasegawa, указ. соч., p. 249.

213.

Там же, стр. 251; Harrison E. Salisbury, *Black Night, White Snow: Russia's Revolutions 1905–1917*, p. 342.

214.

Marylie Markovitch [Amelie de Nery], *La Revolution russe par une francaise*, p. 19; Harrison E. Salisbury, указ. соч., p. 342.

215.

Anet, p. 12.

216.

Leighton Rogers, 'An Account of the March Revolution, 1917', p. 7.

217.

Thompson, p. 53.

218.

Alban Gordon, *Russian Year: A Calendar of the Revolution*, p. 103.

219.

Thompson, pp. 54, 57; Harper, pp. 29–30.

220.

Harper, p. 31.

221.

Thompson, p. 58, Harper, p. 31.

222.

Patouillet, 1:60; Anon., 'Nine Days', p. 214; Thompson, p. 58.

223.

Harper, pp. 32, 33.

224.

Rogers, 3:7, p. 46.

225.

A. E. Reinke, 'My Experiences in the Russian Revolution', p. 9.

226.

Anet, p. 13.

227.

Thompson, p. 59; Rogers, 3:7, p. 46.

228.

Leighton Rogers, 'An Account of the March Revolution, 1917', pp. 8–9; Rogers, 3:7, p. 46; см. также: Stopford, p. 102.

229.

Edith Hegan, 'The Russian Revolution from a Window', p. 556.

230.

Fleuret, p. 122; Thompson, pp. 60–61.

231.

Stopford, p. 103. В хранящемся в Национальном архиве документе под номером KV2/2398 раскрываются детали первой поездки Стопфорда в Россию в 1916 году и высказывается предположение, что он в неофициальном порядке шпионил / следил за Бьюкененом. В России он был хорошо знаком с бисексуалом Феликсом Юсуповым (в данном документе из Национального архива о гомосексуализме Стопфорда упоминается в завуалированной реплике, что он был «эксцентричным чудаком»). У Стопфорда имелся также значительный опыт в приобретении работ Фаберже для французского Дома по производству часов и ювелирных изделий «Картье». В июле 1917 года ему удалось незамеченным попасть во дворец великой княгини Марии Павловны и спасти из сейфа ее лучшие драгоценности, а в последующем вывезти их из России. Среди этих драгоценностей была, в частности, тиара, которую затем приобрел король Георг V; ее до сих пор носит королева Елизавета II. В 1918 году против Стопфорда было возбуждено уголовное дело, его обвинили в совершении гомосексуальных преступлений и на один год заключили в тюрьму «Уормвуд-Скрабс» (Англия). Выйдя из заключения, он поселился в Париже. Более подробная информация о его жизни (большая часть которой остается скрытой от посторонних глаз) представлена в издании: William Clarke, *Hidden Treasures of the Romanovs: Saving the Royal Jewels*.

232.

Thompson, pp. 60–61.

233.

В некоторых более поздних описаниях событий Февральской революции отрицается наличие пулеметов, однако многочисленные очевидцы свидетельствуют о том, что они все же были размещены на крышах домов. См., например, издание: John Pollock, 'The Russian Revolution: A Review by an Onlooker'. В этой книге, написанной непосредственным очевидцем тех событий, утверждается, что «по распоряжению Протопопова полиция установила пулеметы на крышах зданий на углу каждой важной улицы». Автор считает, что именно в результате этого просчета революция имела успех: «Если бы полицейские были должным образом размещены на улицах в стратегических важных точках и между полицейскими и жандармами (общей численностью около пятидесяти тысяч человек) было бы организовано голосовое взаимодействие, они могли бы полностью очистить улицы; когда же их митральезы были расположены на мансардах и за парапетом, то им было чрезвычайно трудно вести эффективный огонь по своим целям»; pp. 1070–1071. В отчете сэра Джорджа Бери (Sir George Bury: 'Report Regarding the Russian Revolution prepared at the request of the British War Cabinet, 5 April 1917') также содержатся многочисленные упоминания о создании пулеметных огневых точек.

234.

Tsuyoshi Hasegawa, указ. соч., p. 252; Gordon, указ. соч., pp. 101, 102.

235.

Tsuyoshi Hasegawa, указ. соч., p. 263; Richard Pipes, *The Russian Revolution 1899–1919*, p. 276; Joseph Fuhrman, ed., *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II and the Empress Alexandra*, Westport, CT: Greenwood Press, 1999, p. 692.

236.

Thompson, p. 62.

237.

Paulette Pax, *Journal d'une comédienne française sous la terreur bolchévique*, pp. 11–12.

238.

Arthur Ransome: telegram despatches to the *Daily News* December 1916 – December 1917, Despatch 50, 25 February, 11.00 p. m.

239.

A. E. Reinke, указ. соч., p. 9.

240.

Доклад Дж. Батлера Райта послу Дэвиду Р. Фрэнсису от 10/23 марта 1917 года содержится в издании: Jamie H. Cockfield, *Dollars and Diplomacy: Ambassador David Rowland Francis and the Fall of Tsarism, 1916—17*, p. 113.

241.

Thompson, p. 63.

242.

Paul Wharton [pseudonym of Philip H. Chadbourn], 'The Russian Ides of March: A Personal Narrative', pp. 22–23.

243.

Hasegawa, указ. соч., p. 265.

244.

Там же, стр. 267.

245.

Gordon, указ. соч., p. 105.

246.

Thompson, p. 64.

247.

См.: Patouillet, 1:59–60.

248.

Henry V. Keeling, *Bolshevism: Mr Keeling's Five Years in Russia*, p. 76.

249.

Harper, p. 37; Patouillet, 1:162.

250.

Неизвестный автор, *The Nine Days'*, p. 215.

251.

Представляется маловероятным, чтобы Томпсон смог сделать какие-либо удачные снимки уличных боев, поскольку он не включил ни один из подобных снимков в свою подборку фотографий, освещавших революционные события и опубликованных в книге *"Blood-Stained Russia"* (была издана в 1918 году). Ему удалось сделать несколько статических снимков тел в моргах и похорон жертв революции, но его основной успех как фотографа пришел к нему в мае – июне 1917 года, когда в западных средствах массовой информации был опубликован его фоторепортаж о встрече Эмелин Панкхерст и Марии Бочкаревой и о посещении Эмелин Панкхерст «женского батальона смерти».

252.

Thompson, pp. 64, 67; Harper, pp. 37–38.

253.

Harper, pp. 39–40; Thompson, pp. 69–70.

254.

Dorothy Cotton, letter of 4 March OS (в самом письме его автор ориентируется на календарь по новому стилю); Lady Sybil Grey, *'Sidelights on the Russian Revolution'*, p. 363; Robert Wilton, *Russia's Agony*, p. 109 (автор утверждает, что только в ходе одного этого инцидента погибло около 100 человек).

255.

Olga Poutiatine, *War and Revolution: Extracts from the Letters and Diaries of the Countess Olga Poutiatine*, pp. 47–48; Edith Hegan, указ. соч., p. 557.

256.

Edith Hegan, указ. соч., p. 558.

257.

Paul Wharton [pseudonym of Philip H. Chadbourn], указ. соч., p. 24.

258.

Edith Hegan, указ. соч., p. 558.

259.

Tsuyoshi Hasegawa, указ. соч., p. 268; Lady Sybil Grey, *'Sidelights on the Russian Revolution'*, p. 364; Anet, p. 16.

260.

‘From Our Own Correspondent’ – Robert Wilton’s report for TheTimes, 16 March (NS) (его первое сообщение, попавшее в редакцию и опубликованное в Великобритании); см. также: Robert Wilton, указ. соч., p. 110.

261.

Joseph Clare, ‘Eye witness of the Revolution’ (не опубликовано).

262.

Robert Wilton, указ. соч., p. 110; Marylie Markovitch [Amelie de Nery], *La Revolution russe par une francaise*, p. 24; неизвестный автор, ‘The Nine Days’, p. 215; Tsuyoshi Hasegawa, указ. соч., pp. 268–269.

263.

Paul Wharton [pseudonym of Philip H. Chadbourn], ‘Russian Ides of March’, p. 24.

264.

C[hester] T. Swinnerton, ‘Letter from Petrograd, March 27(NS) 1917’, p. 3.

265.

Arthur Ransome: telegram despatches to the Daily News December 1916 – December 1917, Despatch 52.

266.

Harper, pp. 41–42.

267.

Robert Wilton, указ. соч., p. 109; см. также: Wilton’s report in The Times, 16 March 1917.

268.

Robert Wilton in The Times, 16 March 1917; Lady Georgina Buchanan, ‘From the Petrograd Embassy’, p. 19.

269.

Robert Wilton, указ. соч., p. 109.

270.

Tsuyoshi Hasegawa, указ. соч., pp. 272–273.

271.

Paulette Pax, указ. соч., pp. 16–18.

272.

Fleuret, pp. 124–125; Stella Arbenina [Baroness Meyendorff], *Through Terror to Freedom*, p. 34.

273.

Anet, p. 11; Stopford, p. 108.

274.

Paleologue, p. 811; Chambrun, *Lettres a Marie*, p. 57. Поразительно напоминая события в Петрограде 1917 года, в тот же день в 1789 году состоялась демонстрация французов, протестовавших против высокой стоимости хлеба и усиления голода в Париже; эта демонстрация завершилась походом на Версаль.

275.

Stella Arbenina [Baroness Meyendorff], указ. соч., pp. 34–35; Anet, p. 15.

276.

Norman Armour, 'Recollections of Norman Armour of the Russian Revolution', p. 5.

277.

Leighton Rogers, 'Account of the March Revolution', p. 11; Anet, p. 11; Chambrun, *Lettres a Marie*, p. 57.

278.

Isaac Marcossou, *The Rebirth of Russia*, pp. 47–49; Robert Wilton, указ. соч., p. 112; Tsuyoshi Hasegawa, указ. соч., p. 275.

279.

Thompson, pp. 72, 73.

280.

Rogers 3:7, p. 48.

281.

C[hester] T. Swinnerton, 'Letter from Petrograd, March 27(NS) 1917', 4; Rogers 3:7, pp. 46–47.

282.

Описание банка приводится в издании: John Louis Hilton Fuller, 'The Journal of John L. H. Fuller While in Russia', pp. 9–10, а также в письмах Фуллера к своему брату от 19 [6] сентября в издании: John Louis Hilton Fuller, 'Letters and Diaries of John L. H. Fuller 1917–1920', p. 20.

283.

Rogers, 3:7, pp. 46–47.

284.

Jamie H. Cockfield, *Dollars and Diplomacy: Ambassador David Rowland Francis and the Fall of Tsarism, 1916–17*, p. 89.

285.

Isaac Marcossou, 'The Seven Days', 262.

286.

Petrograd, p. 96.

287.

Там же, стр. 97; Paul Wharton [pseudonym of Philip H. Chadbourn], 'The Russian Ides of March: A Personal Narrative', p. 24.

288.

Доклад Батлера Райта, приводится в издании: Jamie H. Cockfield, указ. соч., p. 115.

289.

Mission, p. 63; Paleologue, pp. 814–815.

290.

Paleologue, p. 816.

291.

Arno Dosch-Fleuret, 'In Petrograd during the Seven Days', p. 260; Fleuret, p. 126; см. также: Tsuyoshi Hasegawa, The February Revolution, Petrograd, 1917, p. 278–281.

292.

Paleologue, p. 813.

293.

Isaac Marcossou, Rebirth of Russia, p. 52.

294.

Thompson, p. 78.

295.

Tsuyoshi Hasegawa, указ. соч., p. 286.

296.

Isaac Marcossou, 'The Seven Days', p. 35; Isaac Marcossou, Rebirth of Russia, p. 52; Rupert Hart-Davis, Hugh Walpole, p. 458.

297.

General Sir Alfred Knox, With the Russian Army 1914–1917, pp. 553–554; как отмечал сэр Джордж Бьюкенен в зашифрованной телеграмме в Министерство иностранных дел, «опасность заключается в том, что у них нет лидеров. Я видел сегодня около 3000 человек, и среди них был лишь один молодой офицер». FO report, 12/27 March, p. 299, The National Archives.

298.

General Sir Alfred Knox, указ. соч., pp. 554–555; Stinton Jones, pp. 107–108.

299.

Stinton Jones, pp. 108–109.

300.

Alban Gordon, Russian Year: A Calendar of the Revolution, p. 110; Anet, p. 23.

301.

Thompson, p. 81.

302.

Anet, pp. 19–20.

303.

Thompson, pp. 81–82.

304.

Paleologue, p. 814; Gordon, указ. соч., p. 110; Robien, p. 12.

305.

Anet, p. 22; доклад Батлера Райта Фрэнсису, цит. по: Jamie H. Cockfield, указ. соч., pp. 114–115.

306.

Paul Wharton [pseudonym of Philip H. Chadbourn], указ. соч., p. 24.

307.

Rupert Hart-Davis, Hugh Walpole, p. 454.

308.

Stinton Jones, p. 120.

309.

A. E. Reinke, 'My Experiences in the Russian Revolution', p. 11; Alban Gordon, указ. соч., p. 109.

310.

Edith Hegan, 'The Russian Revolution from a Hospital Window', pp. 558–559.

311.

Fleurot, p. 130.

312.

Stinton Jones, p. 131.

313.

См.: Olga Poutiatine, War and Revolution: Extracts from the Letters and Diaries of the Countess Olga Poutiatine, pp. 50–51; Isaac Marcossou, Rebirth of Russia, p. 56; Arno Dosch-Fleurot, 'In Petrograd during the Seven Days', p. 262.